

Билл Брайсон

Страна Дяди Сэма

Привет, Америка!

Очень смешно, очень умно,
очень проникновенно.

Los Angeles Times

Annotation

Билл Брайсон не был в Америке почти двадцать лет — а когда вернулся, то понял, что смотрит на родную страну глазами иностранца: многое странно, многое непривычно, а кое-что кажется и вовсе нелепым. Впечатления «коренного иностранца» от возвращения на родину составили целую книгу, в которой есть все — от ностальгии, обернувшейся тоской по унавоженной английской глубинке, до искреннего восторга перед чудесами американской техники, способными перевернуть мир (если разобраться в инструкции).

- [Билл Брайсон](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Вступление](#)
 - [Возвращение домой](#)
 - [На помощь!](#)
 - [Доктор, я просто хотел припечь...](#)
 - [Возьмите меня на стадион](#)
 - [Тупой и еще тупее](#)
 - [Нация лекарств](#)
 - [Вам письмо](#)
 - [Чем развлечься дома](#)
 - [Дизайнерские изыски](#)
 - [Открытые пространства](#)
 - [Правило № 1: соблюдать все правила](#)
 - [Рождественские чудеса](#)
 - [Игра с цифрами](#)
 - [Обслуживание номеров](#)
 - [Лось — друг человека](#)
 - [Потребительские удовольствия](#)
 - [Рай вредной пищи](#)
 - [Сказки северного леса](#)
 - [Слава главе государства](#)
 - [Жизнь в холодном климате](#)
 - [Утонувшие в бумагах](#)
 - [Пустая трата времени](#)
 - [Реклама, реклама, реклама](#)

- [Дружелюбные соседи](#)
- [На горячей линии](#)
- [Эти скучные иностранцы](#)
- [Революция подстаканников](#)
- [Как заполнять налоговую декларацию](#)
- [Внимание: обо всех весельчаках будет доложено куда следует](#)
- [Выясняем штат](#)
- [Война с наркотиками](#)
- [Почему никто не ходит пешком](#)
- [Садоводство с моей женой](#)
- [Почему все такие беспокойные](#)
- [Невозможно связаться](#)
- [Затерянные в кино](#)
- [Фактор риска](#)
- [Ах лето!](#)
- [Помогите тем, чье имя не указано в документах](#)
- [Где находится Шотландия и другие полезные заметки](#)
- [Вымирающие диалекты](#)
- [Отчет о некомпетентности](#)
- [День у моря](#)
- [Интересно, но неуместно](#)
- [Вылет из родного гнезда](#)
- [Дорожные развлечения](#)
- [Шпионы на работе](#)
- [Как взять автомобиль напрокат](#)
- [Осень в Новой Англии](#)
- [Небольшие неудобства](#)
- [Ну подайте на меня в суд](#)
- [Как прекрасно сидеть дома](#)
- [Визит к парикмахеру](#)
- [Книжные туры](#)
- [На грани жизни и смерти](#)
- [Лучший американский праздник](#)
- [Рождественские украшения](#)
- [Энергетическое расточительство](#)
- [Магазинное безумие](#)
- [О пропадающих самолетах и исчезающих пальцах](#)
- [Ваш новый компьютер](#)
- [Хвала придорожным закусочным](#)

- [Ужасное однообразие](#)
- [Жир земли](#)
- [Спортивная жизнь](#)
- [Последняя ночь на «Титанике»](#)
- [Веселье в снегу](#)
- [Ужас на крыльях ночи](#)
- [Затерянные в виртуальном мире](#)
- [Отель Калифорния](#)
- [Уже достаточно](#)
- [Новости глупости](#)
- [Правда с натяжкой](#)
- [Для вашего удобства](#)
- [Старые новости](#)
- [Отсутствие чувства юмора](#)
- [Ходячая катастрофа](#)
- [Что делает англичанина англичанином](#)
- [Жизнь и приключения Человека-молнии](#)

■

■ [Глава 1](#)

● [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Билл Брайсон
Страна Дяди Сэма

Благодарности

Я глубоко признателен следующим людям за их доброту, терпение, щедрость и поддержку: Саймону Келнеру и остальным замечательным сотрудникам журнала «Найт энд дэй», среди которых Тристан Дэвис, Кейт Карр, Иэн Джонс, Ребекка Корсуэлл и Ник Дональдсон; Алану Бейкеру за его всегда забавные и остроумные иллюстрации к моей журнальной колонке; Патрику Дженсону-Смиту, Марианне Уэлмане, Элисон Тулетт, Ларри Финлею, Кэтрин Хоун и Эмме Доусон, немногим из множества сотрудников издательства «Трэнсуорлд паблишерз»; моему агенту Кэрол Хитон; моему старому приятелю Дэвиду Куку за еще одну превосходную обложку для книги; Алану Шервину и Брайану Кингу за то, что они разрешили мне вести колонку, когда я должен был на них работать; но прежде всего — именно прежде всего — моей жене Синтии и детям: Дэвиду, Фелисити, Кэтрин и Сэму за то, что они милостиво позволили мне втянуть их во все это.

И особая благодарность малышу Джимми — кем бы он ни был.

Вступление

В конце лета 1996 года Саймон Келнер, мой старый друг и одновременно исключительно милый парень, позвонил мне в Нью-Гэмпшир и спросил, мог бы я вести еженедельную колонку об Америке в рубрике «Воскресная почта» для журнала «Найт энд дэй», редактором которого его только что назначили.

На протяжении многих лет Саймон настойчиво предлагал мне работу, на которую у меня не было времени, на сей раз предложение можно было даже не обсуждать.

— Нет, — ответил я. — Мне жаль, но это просто невозможно.

— Тогда на следующей неделе?

— Саймон, похоже, ты не понял. Я не могу.

— Я подумал, эту колонку можно назвать «Привет, Америка!».

— Саймон, мы можем назвать ее хоть «Белой полосой на первой странице журнала», потому что я не смогу этим заняться.

— Отлично, — произнес он слегка отсутствующим тоном.

У меня создалось впечатление, что в это время он был занят чем-то еще — возможно, рассматривал модели в купальниках. В любом случае, он не спешил класть трубку и, как редактор, отдавал какие-то распоряжения окружающим его людям.

— Что ж, мы вышлем контракт, — заявил он, когда наконец освободился.

— Нет, Саймон, не стоит. Я не могу вести для тебя еженедельную колонку, это просто невозможно. Саймон, ты слушаешь? Саймон? Алло! Саймон, ты там? Алло! Вот мерзавец.

Что ж, перед вами семьдесят восемь статей за первые восемнадцать месяцев ведения колонки «Привет, Америка!». И у меня действительно не было на это времени.

Возвращение домой

В одной из своих книг я пошутил, что всю свою жизнь мы лелеем три мечты, которые никак нельзя осуществить. Нельзя переспорить телефонную компанию, нельзя заставить официанта вас заметить, пока он сам этого не захочет, и невозможно вернуться в отчий дом. Последние семнадцать месяцев я спокойно и даже смело пересматриваю третий пункт.

В мае прошлого года, прожив в Англии почти двадцать лет, я с женой и детьми вернулся в Штаты. Возвращение домой после столь долгого отсутствия — это процесс, удивительным образом выбивающий из колеи, чем-то похожий на возвращение к жизни после продолжительной комы. Вы быстро осознаете, что время внесло такие перемены, которые заставляют вас чувствовать себя глупо и растерянно. Вы выделяете безнадежно крохотные суммы на мелкие расходы. Вы застываете в недоумении перед торговыми автоматами и телефонными аппаратами и поражаетесь, когда вас крепко хватают за локоть, потому что дорожные карты на заправочных станциях больше не бесплатны.

В моем случае проблема была особенно острой, потому что я покинул Штаты еще в молодости, а вернулся уже в зрелом возрасте. Все, что делает взрослый человек — получает ипотеку, заводит детей, платит взносы в пенсионный фонд, думает о новой электропроводке в доме, — я когда-то уже делал в Англии. Занятия вроде установки забора или решеток на окнах в американской жизни были привилегией моего отца.

Так что, в один миг оказавшись владельцем старого особняка в Новой Англии, с его таинственными трубами и термостатами, темпераментным мусоропроводом и постоянно угрожавшими жизни гаражными воротами, я одновременно выходил из себя и веселился от души.

Возвращение домой после стольких лет отсутствия — почти во всех отношениях странная комбинация чего-то милого и знакомого с чем-то совершенно неизвестным. Оказаться за бортом, хоть и в родной стихии, — чем не замешательство? Я могу ответить на все вопросы, которые делают меня настоящим американцем — в каком из пятидесяти штатов однопалатный законодательный орган, что такое «нажим» в бейсболе, кто играл Капитана Кенгуру в телешоу. Я даже знаю две трети слов национального гимна США, а это больше, чем известно некоторым личностям, исполняющим его публично.

Но отправьте меня в строительный магазин — и я тут же окажусь

беспомощным как ребенок. Несколько долгих месяцев я общался с продавцом в нашем местном «Тру вэлью» приблизительно следующим образом:

— Здравствуйте. Мне нужна такая штука, которой замазывают дыры в стенах. Там, откуда моя жена родом, это называется «полифилл».

— А, вы имеете виду шпаклевку!

— Очень может быть. А еще мне нужно несколько таких маленьких пластмассовых штук, в которые вкручивают шурупы, чтобы повесить на них полки. У нас они называются ролплагги.

— Ясно, здесь это называют анкерами.

— Надо будет запомнить.

Не думаю, что был бы больше похож на иностранца, даже напяль я на себя баварские кожаные шорты. Все меня просто шокировало. Несмотря на то что в Британии я был абсолютно счастлив, я не переставал думать об Америке как родном доме, в буквальном смысле этого слова. В первую очередь я считал Америку своей родиной, и это всегда было для меня важнейшим доводом.

Что самое забавное, ничто не заставляет чувствовать себя местным в своей стране больше, чем жизнь там, где почти все — приезжие. Первые двадцать лет жизни моим определяющим ощущением было «я — американец». Именно так я себя ощущал, и именно это отличало меня от остальных. Однажды я даже получил работу благодаря такому мировосприятию: стоило проявить наглость, присущую молодым, когда я заявил, что я — единственный человек в штате, который может без ошибок написать «Цинциннати» (а так оно и было), как меня утвердили на место старшего редактора «Таймс».

К счастью, имелась и обратная сторона медали. Многое хорошее в Америке тоже уступает пленяющему аромату новизны. Словно иностранец, я был поражен знаменитой американской простотой и удобством повседневной жизни, головокружительным изобилием абсолютно всего, удивительно просторным домашним подвалом, очарованием официанток, которые, похоже, жутко довольны собой, и, самое любопытное — ошеломляющей новостью, что лед не является предметом роскоши.

Кроме того, я постоянно и неожиданно для самого себя радовался любым столкновениям с явлениями, вместе с которыми рос, но о которых почти забыл: бейсбол по радио, ласкающий ухо грохот задней двери летом, внезапные и длящиеся целую вечность грозы, поистине обильные снегопады, День благодарения и четвертое июля, светлячки, кондиционер, когда совсем жарко, желе «Джелло» с дольками фруктов (которое на самом

деле никто не ест, но как же здорово просто смотреть, как оно дрожит на тарелке), очаровательно комичный вид парня в шортах... Все это, как ни странно, дорогого стоит.

Так что, в конечном счете, я был неправ. Вы можете вернуться домой. Только имейте в кармане лишнюю мелочь, если вам понадобится дорожная карта, и не забудьте спросить в магазине шпаклевку.

На помощь!

На днях, когда мне захотелось, чтобы кто-нибудь помоложе этак раза в два вогнал меня в краску из-за осознания собственной глупости, я позвонил в службу технической поддержки, и мальчишеский голос в трубке ответил, что ему необходимо знать серийный номер моего компьютера для того, чтобы мне помочь.

— И где я должен его искать? — осторожно поинтересовался я.

— Он на дне многофункционального отделения центрального процессора.

Эта фраза не могла не поставить в тупик.

Вот почему я нечасто звоню в службу поддержки. Не прошло и четырех минут, а я уже чувствовал себя оплотом невежества и волна стыда выбрасывала меня в ледяные глубины залива Унижения. И с того мгновения меня ни на долю секунды не покидало мрачное предчувствие, что мой собеседник захочет еще узнать и объем оперативной памяти.

— Эта штука может находиться где-то недалеко от монитора? — беспомощно спросил я.

— Зависит от модели. У вас Z-40LX Multimedia HPii или ZX46/2Y Chromium B-BOP?

И так далее. В итоге выяснилось, что серийный номер моего компьютера выгравирован на маленькой металлической пластинке на дне блока питания — рядом с устройством для чтения компакт-дисков, которое так забавно выдвигается и задвигается. А теперь назовите меня глупцом в розовых очках, но если бы я ставил серийный номер на компьютерах, которые продаю, а затем просил клиентов называть его всякий раз, когда ко мне обращаются, не думаю, что поместил бы его там, куда можно добраться, только передвигая с помощью соседа мебель всякий раз, когда необходимо узнать этот номер. Впрочем, я отвлекся.

Номер моей модели был что-то вроде CQ124 765 900-03312-DiP/22/4. И вот что меня гложет: зачем? Зачем компьютеру нужен номер такой сложности, что дух захватывает? Даже если бы каждый нейтрино вселенной, каждая частичка вещества между моим компьютером и самым далеким пучком материи спрятавшегося в тумане Биг Бена каким-то образом приобрели персональный компьютер у этой компании, с такой системой нумерации все равно осталась бы куча неиспользованных цифр.

Заинтригованный этим фактом, я принялся изучать все числа, которые

сопровождали меня по жизни, и почти все из них были до абсурда большими. Номер моей кредитной карты «Барклай» состоит, к примеру, из тринадцати цифр. Комбинаций достаточно почти для двух триллионов потенциальных клиентов. Над кем они хотят поиздеваться? Номер страховой карточки аренды автомобиля состоит как минимум из семнадцати цифр. Даже местный прокат видео, похоже, имеет 1999 миллиардов клиентов по каталогу (это объясняет, почему «Секреты Лос-Анджелеса» вечно у кого-то на руках).

Самым впечатляющим из всех оказался номер медицинской карточки «Блю Кросс/Блю Шилд» — это карточка, которую должен иметь при себе любой американец, если не хочет оказаться в одиночестве при несчастном случае, которая не только идентифицировала меня как № YGH475 907 018 00, но и причисляла к группе 02 368. Осмелюсь предположить, что в каждой группе должен быть человек точно с таким же номером, как у меня. Можно представить, как мы найдем друг друга.

Короче, все это — долгие блуждания вокруг да около главного, которое сводится вот к чему: одно из величайших достижений в американской жизни за последние двадцать лет — это введение телефонных номеров, которые может запомнить любой дурак. Сейчас объясню.

Ввиду сложных исторических причин на кнопках всех американских телефонов, кроме 1 и 0, написаны буквы алфавита. На кнопке 2 написано ABC, на кнопке 3 — DEF и так далее.

Много лет назад люди поняли, что запоминать телефонные номера гораздо легче, если запоминать буквы, а не цифры. В моем родном городе Де-Мойн, к примеру, если вам требовалось узнать, который час — или позвонить в службу точного времени, как это очаровательно называют, — следовало звонить по номеру 244-56-46, который, естественно, никто не мог запомнить. Однако если вы набирали BIG JOHN, это и был тот самый номер, который теперь мог запомнить каждый (кроме, что удивительно, моей мамы, которая имела весьма смутные представления о написании этого имени и обычно звонила и спрашивала, который час, у разбуженных ею незнакомых абонентов, но это уже другая история).

Затем крупные компании сообразили, что могут облегчить жизнь всем и каждому, и разработали множество прибыльных номеров, основанных на удачных сочетаниях букв. И теперь каждый раз, когда вы звоните в какую-нибудь коммерческую организацию, вы набираете 1-800-«Летай с „Тидабл-ю-эй“», или 244-«Получи пиццу», или еще что-нибудь в этом роде. Далеко не все нововведения последних двадцати лет на самом деле облегчили жизнь простого народа, к которому принадлежу и я, однако эта вот

перемена однозначно положительная.

Так что пока вы, бедняга, слушаете приторно-чеканный голос, который объясняет, что код города Чиппенхэм теперь 01 724 750 вместо четырехзначного номера, ровно в девять часов я ем пиццу, заказываю билеты на самолет и не чувствую никакой благодарности за современные средства связи.

А теперь — моя гениальная идея. Я считаю, что каждый из нас должен иметь единый номер. Мой, естественно, будет 1-800-БИЛЛ. Этот номер будет относиться ко всему — будет заставлять мой телефон звенеть, появится на моей чековой книжке, будет украшать мой паспорт и поможет заказывать видео.

Конечно, это будет означать, что придется переписать множество компьютерных программ, но, я уверен, это можно сделать. Сам проверну замену в своей компьютерной компании, как только снова смогу добраться до того самого серийного номера.

Доктор, я просто хотел припечь...

Ставлю вас перед фактом. Согласно последнему статистическому опросу населения Соединенных Штатов, каждый год более 400 000 американцев травмируются собственными кроватями, матрацами и подушками. Задумайтесь на секунду. Это больше населения великого города Ковентри. Это почти две тысячи кроватей, матрацев и подушек в день. За то время, пока вы читаете эту статью, четверо американцев уже умудрились получить увечья на своем ложе.

Я не хочу сказать, что американцы более неуклюжи, чем остальные народы мира, когда дело касается желания прилечь на сон грядущий (совершенно достоверно известно, что тысячи людей могут обойтись при этом без специальной подготовки); скорее, я хочу заметить, что вряд ли статистика справится с нашей многочисленной и столь многоликой нацией, которая, в каком-то смысле, вечно в движении.

С этой мыслью я пришел однажды в местную библиотеку в поисках чего-либо еще в придачу к выдержкам из статистики и наткнулся на «Таблицу № 206: Травмы, полученные при неосторожном обращении с потребительскими товарами». Не часто мне доводилось столь весело провести полчаса своей жизни.

Отметим следующий примечательный факт: почти 50 000 американцев ежедневно наносят себе увечья карандашами, ручками и иными письменными принадлежностями. Как они это делают? Я провел долгие часы за рабочим столом в ожидании хоть какого-то случайного движения, которое могло бы нанести мне травму, однако ни разу не оказался даже близок к получению существенного телесного повреждения.

Так что я снова и снова задаюсь вопросом: как они это делают? Имейте в виду, что эти травмы достаточно серьезны и требуют медицинского вмешательства. Вогнать скрепку из степлера в кончик указательного пальца (что я делал довольно часто, иногда даже случайно) — такое не в счет. Вот сейчас я осматриваю свой стол и, кроме лазерного принтера, в который можно засунуть голову, и ножниц, которые можно в себя воткнуть, не вижу ни малейшего потенциального источника опасности на расстоянии десяти футов.

Но бытовые травмы, если верить «Таблице № 206», могут настичь человека практически везде. Вот вам пример. В 1992 году (это последний год, за который подводилась статистика) более 400 000 жителей США

получили травмы благодаря стульям, диванам и диванам-кроватьям. Какой вывод можно отсюда сделать? Говорит ли этот факт о слишком «краеугольном» дизайне современной мебели или просто о том, что американцы суть исключительные мастера неудачно приседать? Наверняка известно лишь, что ситуация ухудшается. Количество травм, полученных от падений со стульев, диванов и диванов-кроватьей, увеличилось на 30 000 за прошлый год: довольно пугающая тенденция даже для тех из нас, кто бесстрашно приобретает мягкую мебель. (Возможно, это и есть источник проблемы — слишком большая самоуверенность.)

Как и ожидалось, «лестницы и лестничные площадки» оказались самой крупной категорией, обеспечившей почти два миллиона жертв, однако, с другой стороны, опасные предметы были намного безопаснее, чем вы могли бы подумать. Многие нанесли себе увечья звукозаписывающей аппаратурой (46 022 чел.), катаясь на скейтборде (44 068 чел.), прыгая на батуте (43 655 чел.) и даже пользуясь бритвами, опасными и безопасными (43 365 чел.). Всего 16 670 чересчур энергичных мясников поранили себя топорами и ножами, и даже среди работников пилы и молотка зарегистрированы относительно скромные 38 692 жертвы травматизма.

Бумажные деньги и монеты (30 274 чел.) почти не уступили в боевитости ножницам (34 062 чел.). Так и представляешь себе, что глотаешь десятицентовик, а потом горько об этом жалеешь (хотите увидеть ловкий трюк, ребята?). Однако никогда в жизни я не смогу вообразить цепочку случайных обстоятельств, в которой одним из звеньев будет сворачивание купюры, а следующим — дорога в пункт скорой помощи. Было бы любопытно повстречать одного из этих людей.

Я также не прочь перекинуться парой словечек с любым из тех 263 000 человек, которые получили травмы от потолков, стен и внутренних панелей. Не могу представить, как можно поранить себя потолком, — наверняка жертвы способны поведать что-нибудь этакое. Я также охотно нашел бы время пообщаться с любым из 31 000 человек, пострадавших от своих туалетных принадлежностей.

Но вот с кем я действительно хотел бы встретиться — это с кем-нибудь из 142 000 бедолаг, которые попали в травмпункт с ранами, полученными от одежды. От чего они могли пострадать? Сложный перелом из-за пижамы? Гематома от трусов? Никаких предположений.

У меня есть друг, хирург-ортопед, и он как-то сказал, что одной из отрицательных сторон его профессии является тот факт, что ты начинаешь нервничать практически каждую минуту по любому поводу, потому что

постоянно чинишь людей, нанесших себе увечья маловероятными или непредсказуемыми способами. (Как раз в тот день к нему поступил мужчина, которому лось разбил, к ужасу обоих, лобовое стекло автомобиля.) Благодаря «Таблице № 206» я начал понимать, что имел в виду мой друг.

Что любопытно, к чтению статистики меня привело желание узнать цифры по уровню преступности в Нью-Гэмпшире, где я теперь живу. Я слышал, что это одно из самых безопасных мест в Америке, и статистика это подтвердила. За последний рассматриваемый год в этом штате произошло всего четыре убийства, в то время во всей стране — более 23 000, а прочих серьезных преступлений почти не случалось.

Все это означает, что, по статистике, в Нью-Гэмпшире у меня гораздо больше шансов быть покалеченным потолком или трусами — если вспомнить два наиболее опасных для жизни примера, — чем погибнуть от руки преступника. По правде говоря, меня это несколько не утешает.

Возьмите меня на стадион

Иногда спрашивают: «В чем разница между бейсболом и крикетом?»

Ответ прост. Обе игры требуют отличных навыков обращения с мячом и битой, разница только в том, что бейсбол — захватывающее зрелище, и когда вы едете домой после рабочего дня, то знаете, кто выиграл.

Конечно я шучу. Крикет — прекрасная игра, состоящая из восхитительного множества мгновений захватывающей борьбы. Если когда-нибудь доктор пропишет мне полный покой и запретит перевозбуждаться, я тут же стану фанатом крикета. Но в то же время, надеюсь, вы поймете меня, если я скажу, что мое сердце принадлежит бейсболу.

С ним я вырос, играл в него мальчишкой, что, естественно, жизненно важно, чтобы оценить значимость любого вида спорта. С этой мыслью как-то много лет назад, проживая в Англии, я отправился на футбольное поле с парой приятелей, чтобы погонять мяч.

Я смотрел футбол по телевизору и считал, что отлично знаю, что нужно делать, поэтому, когда один из моих друзей навесил мяч в моем направлении, я решил красивым ударом головой переправить его в ворота, как, я видел, делал Кевин Киган. Я думал, будет похоже на бросок пляжного надувного мячика: с негромким «чмок» мяч, лишь слегка коснувшись моей брови, по дуге вальяжно полетит в ворота. Оказалось, это похоже, скорее, на удар шаром для боулинга. Никогда раньше полученные ощущения не отличались от ожидаемых настолько сильно. Четыре часа я ходил на подкашивающихся ногах с большим красным пятном и словом «Митра», отпечатавшимся на лбу, и поклялся никогда больше не совершать ничего столь глупого и болезненного.

Я затронул эту тему потому, что как раз начинается бейсбольная Мировая серия, и мне хотелось, чтобы вы поняли, почему она так меня волнует. Возможно, следует пояснить, что Мировая серия — это ежегодное сражение между чемпионом Американской лиги и чемпионом Национальной лиги.

На самом деле все обстоит немного по-другому — систему изменили несколько лет назад. Проблема старых правил заключалась в том, что в соревнованиях участвовали только две команды. А ведь не нужно быть нейрохирургом, чтобы сообразить, что если вы каким-то образом умудритесь включить в чемпионат больше команд, они принесут куда

больше денег.

Так что каждая лига ныне делится на три дивизиона из четырех или пяти команд каждый. Сейчас Мировая серия — уже не соревнование между двумя лучшими бейсбольными командами, по крайней мере не совсем. Это серия игр между победителями плей-офф, включая чемпионов западного, восточного и центрального дивизионов, плюс (что, думаю, особенно вдохновляет) пара команд — «лучшие из худших», которые вообще ничего не выиграли.

Все это довольно сложно, однако в общих чертах схема означает, что практически любая бейсбольная команда, кроме «Чикаго кабс», имеет шанс попасть в Мировую серию.

«Чикаго кабс» не попадут туда, потому что ни разу им не удавалось выиграть даже при поразительно удобной нынешней системе. Часто они почти попадали и не раз находились в настолько выгодной позиции, что невозможно было поверить, будто они не пройдут, но, как всегда, в итоге упрямо проигрывали. Что бы ни было — проигрыш в семнадцати играх подряд, пропуск легкого мяча между ног, комичное столкновение игроков в дальней части поля — будьте уверены, «щетки» не подведут.

Они занимаются этим безотказно и эффективно уже более полувека. Они не попадали в Мировую серию года с 1938-го, как кажется. У Муссолини было больше удачных сезонов, чем у этих ребят. Согревающий душу ежегодный провал «Чикаго кабс» — почти единственное в бейсболе, что не изменилось за всю мою жизнь, и я это очень ценю.

Не так просто быть бейсбольным фанатом, потому что бейсбольные фанаты — безнадежно чувствительные парни, а в таком корыстном деле, как американский спорт, нет места сантиментам. Мне не хватит здесь места, чтобы перечислить все, что сотворили с моей любимой игрой за последние сорок лет, так что я просто упомяну самое ужасное: снесли почти все великие старые стадионы и построили на их месте огромные, скучные многофункциональные арены.

Раньше в каждом большом американском городе был почтенный стадион, обычно сырой, со крипучими скамьями, зато с характером. Вы могли отламывать щепки от сидений, подошвы ботинок прилипали к полу, пропитавшемуся за годы липкими субстанциями, которые проливались в моменты восторга, а ваш взгляд неизбежно упирался в чугунную колонну, поддерживающую крышу, однако все это было частью триумфа.

Сейчас осталось всего четыре таких стадиона. Один из них — «Фенвуэй-Парк» в Бостоне, домашний стадион клуба «Ред сокс». Не скажу, что близость к «Фенвуэй» стала для меня главным фактором при решении

поселиться в Новой Англии, однако это была одна из причин. Теперь владельцы намерены демонтировать его и построить новый стадион. Я твержу, что если сотрут с лица земли «Фенвуэй», я и ногой не ступлю на новый стадион, хоть и знаю, что вру, будучи безнадежным поклонником бейсбола.

И вот что заставляет меня все сильнее уважать и восхищаться несчастными «Чикаго кабс». К их великой чести, они никогда не угрожали покинуть Чикаго и продолжали играть на «Ригли филд». Они даже еще проводят в основном дневные матчи — именно так сам Бог велел играть в бейсбол. Уж поверьте, дневной матч на «Ригли филд» — настоящее событие для Америки.

Вот парадокс. Никто не заслуживает первенства на чемпионате по бейсболу больше, чем «Чикаго кабс». А они не могут этого сделать, потому что иначе изменят традиции вечного непопадания в плей-офф. Это несовместимо. Вот что я имею в виду, когда говорю, что не так просто быть фанатом бейсбола.

Тупой и еще тупее

Несколько лет назад организация под названием Национальный Фонд гуманитарных наук протестировала восемь тысяч выпускников американских средних школ и установила, что подавляющее большинство не знает... хм... ничего.

Две трети школьников понятия не имеют, когда была гражданская война в США и какой президент произнес речь в Геттисберге. Точно такое же число подростков не отличит Иосифа Сталина от Уинстона Черчилля и Шарля де Голля. Третью считает, что Франклин Рузвельт был президентом во время вьетнамской войны, а Колумб приплыл в Америку после 1750 года. Сорок четыре процента — мои любимчики — не смогли назвать ни одной страны в Азии.

Я всегда слегка сомневаюсь в результатах подобных исследований, потому что знаю, как легко можно поймать меня самого. («Тест показал, что Брайсон не может разобраться в простой инструкции по установке домашнего барбекю и почти всегда на поворотах бессознательно включает дворники на переднем и заднем стеклах автомобиля».) И все же отсутствие мозгов у большинства американцев в наши дни сложно не заметить. Этот феномен сейчас хорошо известен как «Тупеющая Америка».

Впервые я обратил на него внимание несколько месяцев назад, наблюдая по телевизору что-то вроде метеорологического канала, где один специалист заявил: «В Олбани сегодня, как сообщается, выпало двенадцать дюймов снега». А затем, сияя, добавил: «Это около фута».

Нет, на самом деле это ровно фут, бедный ты олух!

В ту же ночь я смотрел документальный фильм по каналу «Дискавери» (не представляя тогда, что смогу смотреть этот фильм по каналу «Дискавери» шесть раз в месяц до конца своих дней), и голос за кадром произнес: «Из-за дождей и ветра эрозия подточила Сфинкса на три фута за три столетия. — Потом выдержал паузу и торжественно закончил: — То есть по одному футу за век».

Понимаете, что я хочу сказать? Звучит так, будто практически вся нация приняла снотворное «Найтол» и до сих пор от него не отошла. И это не просто любопытная случайная оговорка. Такое происходит постоянно.

Недавно я летел рейсом «Континентэл эйрлайнз» (им надо взять девиз «Не самое худшее!») и, кто знает почему, принялся читать «Письмо президента», которое украшает первую полосу журнала любой

авиакомпания, — то самое, где говорится, как они постоянно стараются повысить уровень сервиса, вероятно, за счет пересадочных рейсов до Ньюарка. Что ж, в этом обращении говорилось, что компания только что провела опрос клиентов, чтобы узнать их пожелания.

А клиенты хотят, согласно режущей глаза правде мистера Гордона Бетьюна, президента и генерального директора компании, чистых, безопасных и надежных авиалиний, которые могли бы доставить их куда угодно, вовремя и с багажом.

Господи Иисусе! Дайте мне ручку и бумагу! Вы сказали «с багажом»? Ух ты!

Не поймите меня неверно. Я и секунды не думал, что американцы по своей природе тупее прочих наций. Все дело в том, что их постоянно ставят в условия, лишаящие необходимости мыслить, и это постепенно входит в привычку.

Частично тут виноват феномен, который я называю синдромом «Лондон, Англия» — после того как в американской прессе завелась практика указывать в выходных данных не только город, но и страну. Если, скажем, «Нью-Йорк таймс» сообщала о выборах в Великобритании, полагалось указывать «Лондон, Англия», чтобы ни одному читателю не пришлось задуматься: «Лондон? Ну-ка, посмотрим, это где-то в Небраске?»

Американская жизнь переполнена подобными подсказками, иногда до крайне ошеломляющей степени. Несколько месяцев назад один журналист из «Бостон глоуб» написал статью о забавных рекламных объявлениях — например, о таких, как надпись в магазине оптики: «Глаза проверяют, пока вы ждете», — а затем детально объяснил, что в этой надписи не так. (Естественно, сложно проверить ваши глаза без вашего присутствия.)

Это, возможно, надуманный, но никак не единичный случай. Всего пару недель назад один журналист «Нью-Йорк таймс» проделал абсолютно то же самое в статье об удивительных лингвистических ошибках и все по порядку разъяснил. К примеру, он рассказал, как один его друг всегда считал, что строчка из песни «Битлз»^[1] звучит следующим образом: «Девушка с колитом проходит мимо» («The girl with colitis goes by»), а затем с усмешкой объяснил, что на самом деле эта строчка звучит... Впрочем, вряд ли нужно продолжать. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Идея в том, чтобы не позволять аудитории думать. Вообще. Никогда. Буквально только что одна американская газета попросила меня убрать ссылку на актера Дэвида Нивена, «потому что его нет в живых, и мы не думаем, что кто-то из ваших молодых читателей знает, кто он».

О, конечно, вы правы.

Еще один подобный случай произошел, когда я сослался на кого-то, кто посещал государственную школу в Великобритании, и один американец мне сказал:

— Я не знал, что в Британии есть негосударственные школы.

— Вообще-то я имел в виду бесплатную школу.

— То есть школу-интернат?

— Нет, потому что школы-интернаты в Британии — платные учебные заведения.

Долгая пауза.

— Вы шутите?

— Это общеизвестный факт.

— Что ж, позвольте мне все прояснить. В Британии интернаты — это платные школы?

— Точно.

— Тогда как называются бесплатные школы?

— Государственные.

Еще одна долгая пауза.

— Не думал, что есть негосударственные школы.

Давайте закончим моей любимой бессмысленной фразой. Это ответ Боба Доула, кандидата в президенты, которого попросили сформулировать цель своей кампании.

— Она за будущее, — сказал Боб мрачно, — потому что это то, куда мы все катимся.

И самое страшное то, что он — прав.

Нация лекарств

Знаете, чего мне действительно не хватает в Америке? Я тоскую по тем временам, когда, придя из паба около полуночи, в полусознательном состоянии садился смотреть по телевизору программы Британского Открытого университета. Честно.

Придя домой в полночь сейчас, все, что я могу посмотреть по телевизору, — это сериалы с забавляющимися сами с собой актрисами преклонного возраста или метеорологический канал, который в какой-то степени тоже может быть развлекательным, однако сравнивать его с гипнотическим волшебством Открытого университета после шести пинт пива даже не стоит. Я вполне серьезен.

Я не совсем уверен, почему, но всегда поздно ночью я чувствовал непреодолимое желание включить телевизор и поглазеть на парня, который выглядел так, будто полностью обновил свой гардероб за одну поездку в «Си энд Эй» еще в 1977 году (естественно, у него оставалось полно времени для пешеходных экскурсий вокруг осциллографов), и который бы вещал удивительно монотонным голосом: «Итак, мы можем видеть, что, добавив эти два условия жестокого защемления, мы получаем новое жесткое защемление».

В большинстве случаев я понятия не имел, о чем он говорит — и как раз это, по большей части, делало сие зрелище таким желанным; но все же иногда (по крайней мере один раз на моей памяти) темой беседы было действительно нечто понятное и интересное. Я имею в виду один на удивление увлекательный документальный фильм, на который я случайно попал три или четыре года назад: в нем сравнивался маркетинг лекарств, отпускаемых без рецепта, в Великобритании и США.

Идея программы состояла в том, что один и тот же продукт надо было продавать всевозможными способами на обоих рынках. Реклама таблеток от простуды в Британии, к примеру, обещала всего лишь незначительное возможное улучшение состояния здоровья. Пусть у вас все еще насморк и вы в пижаме, зато начинаете бледненько улыбаться.

В рекламе того же товара в Америке гарантировалось мгновенное и полное исцеление. Американец, который примет это волшебное средство, не просто сбросит с себя пижаму и тут же примется за работу, но почувствует себя лучше, чем когда-либо за всю свою жизнь, и проведет остаток дня сшибая кегли в боулинг-клубе.

Вывод гласил, что британцы не ждут, что отпускаемое без рецепта лекарство изменит их жизнь, в то время как американцы рассчитывают именно на такой эффект. И с годами, могу вас уверить, вера нации в подобное чудо абсолютно не ослабла.

Стоит только посмотреть любой телеканал минут десять, пролистать журнал или прогуляться вдоль заставленных до предела полок в аптеке, чтобы понять, что американцы надеются на более или менее идеальное самочувствие постоянно. Даже наш домашний шампунь, как я заметил, обещает «улучшить самочувствие».

И это одна из странностей американцев. Они тратят непомерные средства на убеждения типа «Нет наркотикам!», а потом идут в аптеку и закупают их тоннами. Американцы тратят почти 75 миллиардов долларов в год на медикаменты всех типов, фармацевтическая продукция продается с таким азартом, что к ней чрезвычайно легко пристраститься.

В рекламном ролике, который как раз сейчас гоняют по телевизору, приятная женщина средних лет поворачивается к камере и откровенно признается: «Вы знаете, когда у меня диарея, мне хочется комфорта». (Тут я обычно замечаю: «А зачем для этого ждать диарею?»)

В другом ролике мужчина в боулинге (в таких роликах мужчины чаще всего оказываются в боулинге) кривится после неудачного броска и бросает вполголоса партнеру: «Опять геморрой».

И — гениальный ход: у парня в кармане обнаруживается крем от геморроя! Не в спортивной сумке, понимаете, не в бардачке автомобиля, а в кармане рубашки, откуда в любой момент он может его выхватить на глазах целой компании. Потрясающе!

По-настоящему поразительная перемена за последние двадцать лет — теперь рекламируют даже лекарства, отпускаемые по рецепту. У меня перед глазами лежит журнал «Здоровье», напичканный рекламой с броскими заголовками наподобие: «Зачем принимать две таблетки, когда можно принять одну? „Премпро“ — единственная таблетка, отпускаемая по рецепту, которая содержит и премарин, и прогестин». Или что-то вроде этого: «Представляем „Аллегру“, новое средство, отпускаемое по рецепту, которое позволит вам избавиться от сезонной аллергии».

В еще одной рекламе задорно спрашивают: «Вы лечили когда-нибудь молочницу влагалища в захолустье?» (Честное слово!) Четвертая упирает на финансы: «Доктор сказал, что, возможно, мне придется принимать таблетки от высокого давления до конца жизни. А теперь хорошие новости — я могу отлично сэкономить, ведь он перевел меня с „Прокардия Икс Эль“ (коринфар) на „Адалат ЦЦ“ (коринфар)».

Идея в том, что вы читаете объявление, а затем пристаёте к своему врачу (или «специалисту в области здравоохранения»), чтобы тот выписал рецепт на это лекарство. Для меня все выглядит занятно — надо же, читатели журнала сами решают, какое лекарство им больше подойдет; но тогда получается, что американцы отлично разбираются в лекарствах. Почти все рекламные объявления демонстрируют впечатляющий уровень познаний в области биохимии. Реклама вагинальной молочницы уверяет читателя, что «Дуфликан» равен по эффективности семидневному курсу «Монистат-7», «Джайн Лотримин» или «Майзелекс-7», в то время как реклама «Премпро» обещает, что это средство «столь же эффективно, как прием премарина и прогестина по отдельности».

Когда вы осознаете, что подобное очень важно для тысяч и тысяч американцев, мысль о вашем приятеле из боулинг-клуба с тюбиком мази от геморроя в кармане рубашки, возможно, покажется не такой уж нелепой.

Я не знаю на самом деле, стоит ли того общенациональная одержимость здоровьем. Но знаю, что есть намного более приемлемый способ достигнуть внутренней гармонии. Выпиваете шесть пинт пива и смотрите передачи Открытого университета минут пятьдесят. Никакой бессоницы, гарантирую!

Вам письмо

Одна из приятных сторон жизни в небольшом старомодном городке Новой Англии состоит в том, что обычно там имеется небольшое и старомодное почтовое отделение. Наше — особенно привлекательно. Это милое кирпичное здание в федеральном стиле, величественное, но не кричащее, которое выглядит именно так, как должна выглядеть почта. В нем даже пахнет приятно — почтовым клеем и старой системой центрального отопления, которая греет немного сильнее, чем требуется.

Работники за стойкой всегда энергичны и расторопны и рады дать вам еще один кусочек липкой ленты, если ваш конверт, как им кажется, может расклеиться. Более того, американские почтовые отделения занимаются только почтой — их не касаются пенсии, налоги на автомобили, детские пособия, договоры на кабельное телевидение, паспорта, лотерейные билеты и сотни других дел, которые делают визит в почтовое отделение в Великобритании частым событием, отнимающим весь день: оно удовлетворяет и вносит разнообразие в жизнь любителей поболтать, получающих наивысшее наслаждение от умопомрачительно долгого копания в своих кошельках и сумках в поисках суммы без сдачи. Здесь же никогда нет очередей — через минуту вы уже на улице.

А самое потрясающее то, что раз в году каждое почтовое отделение в Америке устраивает «день клиента». На нашей почте он был вчера. Я никогда раньше не слышал о такой замечательной традиции, и она мне тут же понравилась. Работники вывесили плакаты и выдвинули длинный стол, покрытый симпатичной клетчатой скатертью и заставленный пончиками, пирогами и горячим кофе, — все бесплатно.

Невероятно удачное изобретение — безликая государственная бюрократия благодарит меня и всех моих земляков за нашу благосклонность. Признаться, я был польщен и тронут. И, должен сказать, нам весьма полезно напоминать, что почтовые работники — не только бесчувственные автоматы, целыми днями ворочающие груды писем и чудесным образом отсылающие мои чеки за авторские гонорары какому-то парню в Вермонте по имени Билл Бубба, а еще и преданные своему делу отличные профессионалы, ворочающие груды писем и отсылающие мои чеки за авторские гонорары парню из Вермонта по имени Билл Бубба.

В любом случае, мне было очень приятно. И теперь я злюсь оттого, что вы можете подумать, что мою благосклонность к системе почтовой

доставки можно запросто купить пончиком в шоколадной глазури и пластиковым стаканчиком кофе — ведь получается, что и вправду можно. Насколько бы я ни боготворил Королевскую почтовую службу, она ни разу не предложила мне завтрак, так что должен сказать: пока я брел домой, выполнив свою миссию и стирая крошки с губ, мое отношение к американскому образу жизни в целом и почтовой службе США в частности несравнимо улучшилось.

Однако, как почти всегда происходит с государственными службами, это не может длиться вечно. Когда я пришел домой, свежие письма уже лежали на коврике. И помимо привычных толстых конвертов с предложением заказать новую кредитную карту, спасти тропические леса, стать пожизненным членом Национального фонда воздержания, внести свое имя (за символическую плату) в справочник «Кто есть кто из всех по имени Билл в Новой Англии», бесплатно ознакомиться с первым томом «Великих взрывов», помочь Национальной стрелковой ассоциации в кампании «Вооружи своего ребенка» и множества прочих ненужных приглашений, специальных предложений и настоятельных просьб в дешевых конвертах с маленькими прямоугольниками, на которых уже напечатаны твое имя и адрес и которые приходят ежедневно в дом каждого американца... (Просто невозможно поверить, сколько рекламы мы получаем в нашей стране!) Так о чем я? Ах да. Среди этого вороха бумаг нашлось одинокое измятое письмо, которое я сорок один день назад послал своему другу в Калифорнию по адресу его работы; оно вернулось с пометкой «Неполный адрес — уточните и повторите попытку», или что-то вроде того.

При виде конверта я издал легкий вздох отчаяния, и не только потому, что полчаса назад продал душу за пончик почтовой службе США. Так уж случилось, что я недавно прочел статью об игре слов в журнале «Смитсониан»; автор утверждал, что некий шутник нарочно послал письмо по неполному адресу:

Хилл
Джон
Масс

И письмо нашло адресата после того, как американские работники почты выяснили, что адрес такой: «Джону Андерхиллу, Эндовер, штат Массачусетс» (как вам?).

Это замечательная история, и я честно хотел бы в нее поверить, однако

мое письмо, отправленное в Калифорнию и только что вернувшееся после 41-дневного путешествия на запад, похоже, призывает относиться более осторожно к почтовой службе и ее сыскным навыкам.

Проблема с моим письмом заключалась в том, что я надписал конверт на имя друга по адресу «Блэк Оук Букс, г. Беркли, Калифорния», без названия улицы и номера дома, потому что не знал ни того ни другого. Я согласен, это неполный адрес, однако он гораздо подробнее, чем «Хилл, Джон, Масс», и, кроме того, «Блэк Оук Букс» — крупная организация в Беркли. Любой, кто знает этот город — а я наивно предполагал, что к числу таковых относятся местные почтовые отделения, — знает о «Блэк Оук Букс». Увы, нет. (Кто знает, что делало мое письмо в Калифорнии почти шесть недель, вернувшись с красивым загаром и уязвленным в лучших чувствах!)

А теперь, просто чтобы придать этой печальной истории чуть более веселый тон, позвольте рассказать следующее: незадолго до того, как я покинул Англию, Королевская почта доставила мне спустя 48 часов блуждания по Лондону письмо на адрес: «Биллу Брайсону, писателю, Йоркшир Дейлз», что демонстрирует неплохие сыскные навыки. (И не беда, что отправитель был большим шутником.)

И вот он я, чья любовь разрывается между почтовой службой, которая никогда меня не накормит, но решит любую сложную задачу, и почтой, которая предоставит мне бесплатную липкую ленту и быстрое обслуживание, но ничем не поможет, если вдруг я не смогу вспомнить название улицы. Какой урок могу я вынести? Конечно же, когда вы переезжаете из одной страны в другую, вам придется принять все плюсы и минусы нового места обитания, с которыми вы ничего поделать не сможете. Может быть, это не бог весть какое открытие, зато я получил бесплатный пончик и, думаю, в конечном счете вполне счастлив.

А теперь — простите меня, мне нужно съездить в Вермонт и забрать почту мистера Буббы.

Чем развлечься дома

Моя жена считает практически все стороны американской жизни прекрасными. Ей нравится, когда в магазине складывают продукты в сумку. Она обожает бесплатную воду со льдом и картонные спички. Она считает доставку пиццы на дом главным критерием цивилизации. У меня не хватает духу рассказать ей, что официантки любого кафе в Штатах настоятельно желают клиентам хорошего дня.

Лично я, хоть и люблю Америку и благодарен за многие удобства, не могу обойтись без критики. Взять хотя бы тот факт, что вам укладывают продукты в сумку. Я ценю помощь, но, если задуматься, что это вам дает, кроме возможности стоять и наблюдать за тем, как упаковывают ваши продукты? Это не сокращает затраты вашего времени. Я не хочу показаться грубым, но когда мне предоставляют выбор между бесплатной водой со льдом в ресторанах и, скажем, национальной системой здравоохранения, должен сказать, инстинкт поведет меня за последним.

Однако в американской жизни есть явления и вправду столь великолепные, что я сам с трудом могу устоять перед ними. И первая из них, без сомнения, — кухонный диспоузел. Диспоузел — олицетворение всего, что должно экономить наши силы, реже — шумное, забавное и чрезвычайно опасное устройство, и настолько поразительная штука, что вы и представить себе не можете, как бы вы без нее жили. Спроси меня кто-нибудь полтора года назад, какова вероятность того, что в кратчайшее время моим главным хобби станет засовывание разных предметов в дырку раковины на кухне, уверен, я бы рассмеялся тому человеку в лицо — но так уж вышло, что это стало правдой.

У меня никогда раньше не было диспоузла, так что я познавал принципы его работы путем проб и ошибок. Палочки для еды, возможно, являются наиболее ярким примером (это делать, конечно, не рекомендуется, но настает момент, когда вам просто необходимо увидеть, на что способен каждый винтик этой машины), однако кожура мускусной дыни производит глубокий, гортанный звук, а период временной нетрудоспособности диспоузла после нее короче. Молотый кофе в большом количестве лучше всего подойдет для достижения «эффекта Везувия», хотя по объективным причинам лучше всего не осуществлять столь сложные трюки до тех пор, пока ваша жена не уедет куда-нибудь на весь день, а рядом не будут стоять швабра и стремянка.

Но главный экстрим работы с диспоузлом — конечно же, когда его заклинивает и вам приходится лезть и чистить агрегат с мыслью о том, что в любой момент он может вернуться к жизни и превратить вашу руку из полезного хватательного приспособления в культяпку. И не надо мне рассказывать о полноценной жизни на полную катушку!

Равно удобное в своем роде и, несомненно, не менее гениальное изобретение — малоизвестный каминный зольник. Это всего-навсего металлическая емкость, похожая на крышку люка и вмонтированная в пол гостиной под камином, в углублении, обложенном кирпичом. Когда вы чистите камин, вместо того чтобы мести золу в ведро, а затем выносить его, оставляя за собой след через весь дом, вы загоняете золу в эту дырку — и она исчезает навсегда. Гениально.

Теоретически зольник должен в конце концов переполниться, однако наш, похоже, поистине бездонный. Внизу, в подвале, есть маленькая металлическая дверца, через которую можно увидеть, как поживает наша зола, и иногда я спускаюсь туда, чтобы взглянуть на нее. На самом деле это необязательно, но сей довод оправдывает мой поход в подвал, и я всегда им пользуюсь, потому что подвалы суть третье великое достижение американской жизни. Это просто отличное место, главным образом благодаря удивительной просторной бесполезности.

Я знаком с подвалами, потому что вырос над одним из них. Все американские подвалы похожи один на другой. Там вечно хранятся вещи, которые могут пригодиться крайне редко, по полу бежит струйка воды из необнаруженного источника, чувствуется странный запах — смесь старых журналов, снаряжения для кемпинга, которое надо было бы просушить, но руки так и не дошли. А еще есть проблемка с морской свинкой Мистером Пушистиком, который пытался сбежать через решетку центрального отопления полгода назад и после этого сгинул без следа (предположительно теперь его лучше переименовать в Мистера Рожки да Ножки).

Подвалы на самом деле настолько бесполезны во всех смыслах этого слова, что вы спускаетесь туда ну очень редко и вечно удивляетесь, вспоминая, что у вас, оказывается, есть подвал. Каждый отец семейства, который, бывает, спускается туда, в какой-то момент останавливается и задумывается: «Боже мой, нам действительно надо что-то сделать со всем этим пространством. Можно было бы устроить бар для коктейлей с бильярдным столом и, быть может, музыкальным автоматом, и джакузи, и парой автоматов для пинболла...» Но, естественно, это всего лишь одна из тех идей, которые, бывает, приходят в голову, — к примеру, выучить испанский или заняться стрижкой на дому, — но так никогда и не

воплощаются в реальность.

Иногда, особенно в домах молодоженов, можно увидеть, как какой-нибудь молодой энергичный муж превращает подвал в игральную комнату для детей, но это зря, потому что ни один ребенок не станет играть в подвале. И не важно, насколько любят тебя родители и насколько хочется им верить, все равно в голову закрадывается мысль, что там, наверху, они могут тихонько запереть дверь и укатить во Флориду. Нет, подвал — это очень и очень страшное место; именно поэтому его всегда показывают в фильмах ужасов, обычно с тенью Джоан Кроуфорд и топором, вонзенным в дальнюю стену. Может быть, поэтому даже отцы туда редко спускаются.

Я мог бы продолжать и продолжать перечислять другие маленькие невоспетые радости американской повседневной жизни — холодильники, которые собирают воду со льдом и сами делают кубики льда; огромные стенные шкафы; электрические розетки в ванной комнате, — но не стану. Я и так уже достаточно написал; к тому же миссис Брайсон только что ушла за покупками и я вспомнил, что еще не видел, как диспоузел обойдется с пакетом из-под сока. Попробую и обязательно расскажу.

Дизайнерские изыски

У меня есть сын-подросток, который занимается бегом. По скромным подсчетам, у него 6 тысяч 100 пар кроссовок, и каждая из них представляет собой большой вклад в развитие дизайнерской мысли, чем, скажем, Милтон-Кейнс.^[2]

Эта обувь поражает воображение. Недавно в одном из спортивных журналов сына я прочитал обзор последних новостей о «кедах как спортивном инвентаре», именно так они там назывались, и весь материал состоял из фраз вроде «Двухслойная подошва, продукт космических технологий, с вентилируемым носком, задник обеспечивает устойчивость, в то время как гелевая прослойка под пяткой создает антишоковый эффект, а кроссовок оставляет узкий отпечаток, характерный для биомеханики движений профессиональных бегунов». Алан Шепард летал в космос, не располагая подобным количеством информации.

И вот что интересно. Если у моего сына столь широкий выбор бесконечного на вид ассортимента тщательно усовершенствованной, биомеханически продуманной обуви, почему клавиатура компьютера — такое дерьмо? Seriously.

На клавиатуре моего компьютера 102 клавиши — почти в два раза больше, чем у моей старой печатной машинки, и, на первый взгляд, выглядит это ужасно великодушно. Помимо роскоши печати, я могу выбрать один из трех стилей скобок и один из двух типов двоеточий. Я могу украсить свой текст символом вставки (^) и тильдой (~). Я могу поставить косую черту с наклоном влево или вправо и бог знает что еще.

У меня на самом деле столько клавиш! Справа расположилось целое сообщество, о чьих функциях я не имею ни малейшего представления. Как-то случайно я нажал одну из этих клавиш и в результате обнаружил, что несколько разделов моей работы те+ерь выглядят т?к, а то, что я написал на последних полутора страницах, отобразилось оригинальным, но, к сожалению, нечитаемым шрифтом, именуемым «Wingdings». И все равно я понятия не имею, для чего нужны те клавиши.

И неважно, что многие из них дублируют функции друг друга, другие, похоже, вообще ничего не делают (моя любимая в этом отношении — клавиша «пауза», которая, если ее нажать, не делает абсолютно ничего, поднимая интересный метафизический вопрос, — может быть, именно так она и должна работать), а еще несколько клавиш расположены слегка в

идиотском порядке. Клавиша «Del», к примеру, находится сразу под клавишей «Insert», так что частенько я вдруг заливаюсь веселым смехом, обнаружив, что мои самые последние рассуждения, как в «Пэкмене», жадно поглотили все, что я написал до этого. Довольно часто я нажимаю какую-то комбинацию клавиш, которая вызывает окошко, говорящее фактически следующее: «Это бесполезное окно. Вам оно нужно?», а после его закрытия выскакивает другое, гласящее: «Вы уверены, что вам не нужно бесполезное окно?». Ладно. Я уже давно знаю, что компьютер мне не друг.

Но вот то, что меня все-таки раздражает. Из всех 102 клавиш в моем распоряжении нет ни одной для дроби $\frac{1}{2}$. На клавиатуре пишущей машинки всегда была клавиша $\frac{1}{2}$. Теперь же, если хочу набрать $\frac{1}{2}$, я должен открыть меню документа и выбрать раздел «Обработка текста, символы», затем проштудировать множество подразделов, пока не вспомню или чаще всего нечаянно не попаду в нужный («Типографские символы»), где и прячется хитрый знак $\frac{1}{2}$. Это утомительно, бесполезно и, по-моему, совершенно неправильно.

Если уж на то пошло, большинство явлений в мире кажутся мне неправильными. На приборной доске нашего семейного автомобиля есть небольшое углубление под книжку в мягкой обложке. Если вы ищете место, куда положить свои очки от солнца или бросить мелочь на расходы, оно подойдет идеально и вообще чрезвычайно удобно, должен сказать, когда машина стоит на месте. Однако едва машина трогается, а особенно когда вы нажимаете на тормоз, поворачиваете за угол или едете вверх под небольшим углом, все скатывается в бездну. Видите ли, вокруг этого углубления нет никакого бортика. Это просто плоский участок с ребристым дном. У меня нет никакого имущества, способного надежно там закрепиться.

Потому я и спрашиваю: для чего тогда это углубление? Кто-то должен был его спроектировать. Оно не могло появиться случайно. Кто-то — возможно, насколько я могу предполагать, целая группа сотрудников отдела по местам для хранения вещей на приборной доске — должен был потратить время и творческий гений на внедрение в дизайн нашего средства передвижения («додж экскрета», если кому интересно) отделения для хранения вещей, где невозможно ничего хранить. Настоящее достижение!

Впрочем, это, конечно же, пустяк по сравнению с достижениями дизайнеров современных видеоманитофонов. Я не буду рассуждать о том,

что невозможно запрограммировать обычный видеомэгнитофон, потому что вы и так это знаете. Не буду и распространяться и о том, как раздражает, когда приходится пройти через всю комнату и, лежа на животе, удостовериться, что он действительно записывает. Поведаю лишь одно маленькое наблюдение на эту тему. Недавно я купил видеомэгнитофон, и главным аргументом продавца — повторявшего похвалбу производителя — оказался тот, что мэгнитофон можно запрограммировать на запись на год вперед. Теперь задумайтесь на минуту и приведите мне хоть какое-нибудь обстоятельство — я имею в виду абсолютно любое, — при котором вам теоретически захочется установить мэгнитофон на запись программы, которая будет транслироваться ровно через год.

Я не хочу выглядеть как старикан, который вечно ворчит. Я открыто признаю, что есть много отличных, хорошо продуманных вещей, которых не существовало, когда я был ребенком (карманный калькулятор и чайник, который выключается сам, — вот два предмета, до сих пор наполняющих мое сердце признательностью и удивлением); но мне также кажется, что есть ну очень много вещей, спроектированных людьми, которые, вероятно, забыли подумать о том, как их использовать.

Просто задумайтесь о тех предметах, над которыми ломаете голову каждый день, — факсимильных аппаратах, копировальных машинах, термостатах центрального отопления, билетных аппаратах в аэропортах, пультах дистанционного управления к телевизору, душах в отелях и будильниках, микроволновых печах; перечислять можно сколько угодно, — потому что они плохо продуманы.

А почему они плохо продуманы? Потому что все лучшие дизайнеры работают над кедами. Или так, или все дизайнеры — идиоты. В любом случае это абсолютно нечестно.

Открытые пространства

Два факта, которые следует запомнить на всю жизнь: Дэниэл Бун был идиотом и не стоит даже пытаться скататься из Ганновера, штат Нью-Гэмпшир, на денек в штат Мэн. Сейчас объясню.

Как-то вечером я валял дурака и вертел глобус (один из плюсов ужасного американского телевидения заключается в том, что под его аккомпанемент привыкаешь забавляться с чем угодно) и, сказать помягче, поразился, узнав, что наш бывший дом в графстве Йоркшир находится гораздо ближе к Ганноверу, где я сейчас живу, чем многие другие районы Соединенных Штатов. На самом деле оттуда, где я сижу, до Атту, самого западного из Алеутских островов у побережья Аляски, почти 4 тысячи миль. Другими словами, вы ближе к Йоханнесбургу, чем я к самому отдаленному уголку своей страны.

Конечно, вы можете возразить, что приводить в пример Аляску нечестно, потому что между нею и остальной территорией США — другая страна, но, даже если ограничиться основной территорией США, расстояния впечатляют. От моего дома До Лос-Анджелеса оно почти такое же, как от вашего дома до Лагоса. Короче, мы с вами рассуждаем о масштабах!

А вот для сравнения еще один неоспоримый факт. За последние двадцать лет (в этот период, позвольте заметить, я заводил потомство далеко отсюда) население США выросло практически настолько, сколько всего людей ныне проживают в Великобритании. Вот-вот, я тоже был удивлен, во многом тем, что понятия не имею, где же все эти новые люди.

Что поражает в Америке человека, долгое время прожившего в уютном маленьком местечке вроде Великобритании, — это то, какая она огромная и сколько пространства в ней пустует. Только представьте: Монтана, Вайоминг, Северная и Южная Дакоты располагают площадью в два раза большей, чем вся Франция, а населения там меньше, чем в южной части Лондона. Аляска еще больше, а людей там еще меньше. Даже ставший для меня родным штат Нью-Гэмпшир на относительно многонаселенном северо-востоке покрыт на 85 % лесами, а оставшуюся территорию занимают озера. Вы можете ехать по Нью-Гэмпширу очень долго и не увидеть ничего, кроме деревьев и гор, — ни дома, ни деревушки, зачастую даже ни единой встречной машины.

Я постоянно на это ловлюсь. Не так давно ко мне в гости приезжала

пара друзей из Англии, и мы решили прокатиться к озерам на западе штата Мэн. Денек обещал быть отличным. Все, что требовалось сделать, — пересечь Нью-Гэмпшир (который, в конце концов, четвертый по миниатюрности американский штат) и после пересечения границы проехать немного на восток нашего красивого соседа, где водится много лосей. По моим подсчетам, это должно было занять около двух — двух с половиной часов.

Конечно, вы хотите узнать, чем все закончилось. Семь часов спустя мы, совсем выдохшиеся, выбрались на берег озера Рейнджли, дважды щелкнули фотоаппаратом, переглянулись, молча забрались в машину и отправились домой. И так происходит постоянно.

Самое любопытное, что почти все американцы, насколько я знаю, считают, что их страна в известном смысле перенаселена. В национальных парках и заповедниках зачастую позволяют передвигаться только пешком, чтобы ограничить доступ на территорию, где собирается слишком много людей. Местами народа действительно много, но лишь потому, что 98 % посетителей приезжают на автомобилях и 98 % из них не отваживаются отходить от своих «железных коней» дальше чем на 400 ярдов. Однако в других местах вам могут предоставить горы в личное пользование, даже в самых популярных парках в часы наплыва посетителей. Тем не менее скоро, по-видимому, во многие заповедники будет просто не попасть, если не побеспокоиться заранее и не забронировать визит за несколько недель вперед, из-за избыточного наплыва желающих.

Еще более серьезные опасения вызывает все возрастающая уверенность в том, что лучший способ справиться с предполагаемым кризисом — выгнать всех, кто не здесь родился. Есть организация, название которой я так и не узнал (возможно, они называются «Недалекие умом и опасные для общества борцы за лучшую Америку») и которая периодически размещает серьезную, тщательно продуманную рекламу в «Нью-Йорк таймс» и других крупных изданиях с призывами остановить иммиграцию, потому что, как объясняется в одном из объявлений, это «истощает нашу окружающую среду и снижает качество нашей жизни». Дайте вздохнуть. Где-то еще они добавили: «Главным образом из-за иммиграции мы несемся на головокружительной скорости к экологической и экономической катастрофе».

Думаю, можно собрать массу доказательств необходимости прекратить иммиграцию — но, ради бога, не на основании того, что в стране не хватает места! Противники иммиграции сознательно не упоминают, что Америка уже изгоняет миллион иммигрантов в год и что те иммигранты,

которые все еще здесь, выполняют большей частью такую грязную, опасную или низкооплачиваемую работу, на какую не согласится ни один американец. Избавление от иммигрантов не будет означать моментального появления рабочих мест для «аборигенов»; все, к чему оно приведет, — к грудам грязных тарелок и тоннам несобранных фруктов. И еще менее вероятно, что оно удивительным образом даст нам больше пространства, чтобы свободно вздохнуть.

Из всех развитых стран в Америке один из самых низких процентов иммиграции. Всего 6 % населения США — иностранцы, по сравнению с 8 % в Великобритании и 11 % во Франции. Возможно, Америка и возглавляет список стран, которым грозит природная и экономическая катастрофа, но если и так, то уж точно не потому, что каждому шестому ее жителю суждено было родиться где-то в другом месте. Хотя — попробуйте заикнуться об этом большинству американцев...

Америка — одна из самых малонаселенных стран, со средней плотностью населения всего 68 человек на квадратную милю; во Франции эта цифра составляет 256, а в Великобритании — более 600 человек. В целом всего 2 % территории США считаются заселенными в привычном смысле этого слова.

Конечно, американцы всегда стремились смотреть на свою страну по-другому. Говорят, Дэниэл Бун выглянул однажды из окна своего дома, увидел струйку дыма из трубы жилища фермера-поселенца на далеком холме и заявил, что надо перебираться дальше: мол, по соседству стали селиться слишком много.

Это к тому, почему я назвал Дэниэла Буна идиотом. Я просто видеть не могу, как вся страна продолжает в том же духе.

Правило № 1: соблюдать все правила

Как-то вечером я совершил глупость. Я зашел в один из местных баров и уселся, не дождавшись официанта. Право, в Америке так не делают, но мне необходимо было записать одну очень важную мысль до того, как она вылетит из головы (а именно: «Из тюбика с зубной пастой ВСЕГДА можно выдавить еще немного. Честное слово!»). Кроме того, в баре была куча свободных мест, так что я просто занял одно, у двери.

Через пару минут хозяйка заведения — «менеджер по рассаживанию гостей» — подошла ко мне и загробным голосом произнесла:

— Вижу, вы сели сами.

— О да, — гордо ответил я. — Шнурки я тоже завязал сам.

— Разве вы не видели табличку? — Она мотнула головой в сторону объявления, написанного большими буквами: «Пожалуйста, подождите. Вас пригласят».

Я был в этом баре 150 раз и видел эту надпись со всех возможных ракурсов, разве что не с изнанки.

— Табличку? — невинно переспросил я. — Боже, я и не заметил.

Менеджер вздохнула.

— Просто у официантки в этом зале очень много работы, и иногда нужно подождать, пока она к вам подойдет.

В ближайших пятнадцати метрах не было ни единого посетителя, но ведь дело не в этом, а в том, что я проигнорировал вывешенное объявление и в итоге должен понести наказание.

Абсолютно неверно утверждать, что американцы любят правила, но они определенно их придерживаются. Они относятся к правилам так же, как и британцы к очередям — как к основе, на которой держится цивилизованное и добропорядочное общество. Можно сказать, я полез без очереди, когда проигнорировал табличку у входа.

Надеюсь, все-таки можно что-то сделать с нашими германскими корнями. Не мудрствуя лукаво, должен признать: бывают случаи, когда небольшой тевтонский орден не помешал бы в Англии — к примеру, когда люди занимают сразу два места на автомобильной парковке (единственное правонарушение, сказать по правде, за которое я бы ввел смертную казнь).

Но в целом американская преданность закону переходит все границы. К примеру, в нашем местном бассейне вывешено двадцать семь правил пользования — двадцать семь! — из которых мое любимое гласит: «При

прыжке с трамплина разрешается нырнуть только один раз». Причем все эти правила — обязательные.

И что расстраивает — нет, не злит, но расстраивает, — то, что на самом деле не важно, имеют ли эти правила хоть какой-то смысл. Год назад или около того в рамках борьбы с возросшей угрозой терроризма американские авиалинии сделали обязательным предъявление документов с фотографией при посадке на рейс. Впервые я узнал об этом в аэропорту в 120 милях от дома.

— Вы не могли бы предъявить документ с фотографией? — спросил служащий с таким очаровательным и безграничным пристрастием, которое можно найти только в работнике, чье главное достоинство — нейлоновый галстук.

— Э... Боюсь, у меня с собой ничего такого нет, — ответил я, демонстративно хлопая себя по карманам, будто это могло что-то изменить, а затем принялся опорожнять свой бумажник. У меня была куча разных документов: карточка из библиотеки, кредитные карты, карта социального страхования, медицинская страховка, билет на самолет — все с моим именем, но ни одного с фотографией. Случайно я обнаружил на дне бумажника старые водительские права, выданные в штате Айова, о которых я уже давно забыл.

— Они просрочены, — фыркнул служащий.

— Хорошо, я не буду проситься порулить самолетом, — ответил я.

— Все равно им уже 15 лет. Нужна более новая фотография.

Я вздохнул и принялся копаться в своих вещах. Внезапно я вспомнил, что у меня есть с собой копия одной из моих книг с фотографией на обложке. С облегчением я гордо вручил книгу служащему. Он посмотрел на обложку, затем на меня, затем в какую-то распечатку.

— Такого нет в нашем списке разрешенных для идентификации личности документов, — выдал он наконец сушную тарабарщину.

— Уверен, что нет. Однако это все-таки я. Больше меня, чем здесь, просто не может быть. — Я понизил голос и подался вперед. — Вы правда считаете, что я специально напечатал эту книгу, чтобы проникнуть на самолет в Баффало?

Он пристально поглядел на меня, затем позвал на помощь коллегу. Они посоветовались и послали за подкреплением. В конце концов наша компания разрослась до троих сотрудников регистрации, их начальника, начальника их начальника, двоих грузчиков, нескольких назойливых зевак, вытянувших шеи, чтобы лучше все рассмотреть, и продавца ювелирных изделий с алюминиевым кейсом.

Мой самолет должен был взлетать через несколько минут, и изо рта у меня уже готова была пойти пена.

— В чем смысл? — спросил я начальника начальника. — Зачем вам документ с фотографией?

— Такovy правила, — ответил он, грустно разглядывая мою книгу, просроченное водительское удостоверение и список «разрешенных для идентификации личности документов».

— Но к чему эти правила? Вы серьезно полагаете, что поймаете террориста, если попросите его показать ламинированную карточку? Вы думаете, что человека, способного запланировать и осуществить угон самолета, можно остановить, попросив предъявить водительское удостоверение? Может, для борьбы с терроризмом целесообразнее нанять кого-то поумнее, с уровнем IQ выше, чем у одноклеточных, чтобы пялиться на экран вашего рентгеновского аппарата?

Возможно, я выразился немного иначе, однако именно таким был ход моих мыслей.

Как видите, правило заключается в том, чтобы не просто идентифицировать личность, а идентифицировать ее непременно в соответствии с правилами.

Кончилось тем, что я изменил тактику и принялся извиняться. Я обещал никогда больше не появляться в аэропорту без документов с фотографией. Я выказывал полное и абсолютное раскаяние, не думаю, что кто-либо еще демонстрировал столь искреннее и страстное желание попасть в Баффало.

В конце концов начальник начальника, так и не поверив мне на все сто, кивнул администратору, чтобы тот меня пропустил, и предупредил меня на будущее, что лучше не пытаться повторять подобное, а затем, вслед за своими коллегами, удалился.

Администратор выдал мне посадочный талон, и я шагнул на посадку, а затем обернулся и доверительным тоном поделился с ним одной запоздалой, но очень полезной мыслью.

— Из тюбика с зубной пастой ВСЕГДА можно выдавить еще немного. Честное слово!

Рождественские чудеса

Одна из множества маленьких загадок, которые я надеялся разгадать сразу после переезда в Англию, была следующей: когда британцы поют «A-Wassailing We'll Go» («Мы идем, распевая рождественские песни»), куда именно они все-таки направляются и что именно собираются делать, когда доберутся до места назначения?

В детстве, в Америке, я слушал эту песню каждое Рождество и ни разу не встречал ни одного человека, который имел хотя бы малейшее представление о сугубо рождественском, загадочном и подернутом завесой тайны понятии *wassailing*. Моему юному воображению люди, задорно распеваящие рождественские гимны с чувством единения со всеми, все скопом казались розовощекими девицами, разносящими кружки пива на фоне всеобщего веселья и вдруг остановившимися перед ярко пылающим рождественским поленом в холле, украшенном остролистом. С такими вот мыслями я с нетерпением ждал своего первого английского Рождества. В моем доме наиболее зримым признаком приближения праздника, на какой только можно было надеяться, было печенье в форме елок.

Так что вы можете понять мое разочарование, когда первое Рождество в Англии прошло совершенно незаметно, не просто без песнопений, но и без единого человека (что меня позабавило), который оказался бы в курсе темной и священной тайны значения *wassailing*. На самом деле за последние двадцать лет в Англии я ни разу не встречал никого, кто ходил бы и распевал рождественские песни, по крайней мере сознательно. Я также не наблюдал в этот праздник ни одной пантомимы, ни одного уличного представления (организованной группы людей, выпрашивающих монетку, чтобы купить выпивку в ближайшем баре, — гениальная идея) и не сталкивался ни с какой другой традицией английского Рождества, которые с таким восторгом обещали рождественские стишки и романы Джейн Остин и Чарльза Диккенса.

И так было до тех пор, пока я не наткнулся на очень познавательную и не устаревающую с годами книгу Т. Дж. Криппена «Рождество и рождественские предания», изданную в Лондоне в 1923 году, где наконец прочел, что слово «*wassail*» первоначально означало приветствие, от древнескандинавского «*ves heil*», это означает «здравствовать». В саксонские времена, если верить Криппену, была традиция говорить «Wassail!», угощая кого-либо выпивкой, а тот, кто принимал бокал, должен

был ответить «Drinkhail!», и это упражнение повторялось до тех пор, пока все участники мероприятия не принимали удобное горизонтальное положение.

Из работы Криппена я почерпнул, что в Великобритании 1923 года эту и многие другие древние и общепринятые рождественские традиции еще можно было наблюдать довольно часто. Сегодня, к сожалению, о них, похоже, окончательно забыли.

Но даже несмотря на это, Рождество в Великобритании — чудесная пора, намного лучше американского Рождества, по многим причинам. Для начала, в Великобритании — по крайней мере, в Англии — все еще умещают все праздничные излишества (еда, выпивка, подарки, снова еда и выпивка) в одно Рождество, в Америке же мы делим это между тремя разными праздниками.

В Америке большой праздник живота — День благодарения — приходится на конец ноября. День благодарения — великий, возможно, самый лучший американский праздник, если вы меня спросите. (В случае, если вам всегда было интересно, это праздник в честь первого урожая и пира, который устроили отцы-пилигримы для индейцев в благодарность за их помощь, и на этом пиру они сказали: «Да, кстати, мы тут решили, что нам нужна ВСЯ земля».) Это великий праздник, потому что не нужно дарить подарки, посылать поздравительные открытки или делать что-то еще, надо лишь поглощать пищу до тех пор, пока вы не станете похожим на воздушный шар, который перекачали гелием.

Проблема в том, что он празднуется менее чем за месяц до Рождества. Поэтому, когда 25 декабря мама снова вносит индейку, вы не кричите: «Индейка! Ура!», а, скорее, произносите: «А, снова индейка, мам?» В таких условиях рождественский ужин чаще разочаровывает.

Пьют на Рождество американцы тоже немного, как правило. Честно говоря, я подозреваю, что многие просто не считают уместным вливать в себя что-то еще помимо глотка шерри до рождественского обеда. Американцы берегут силы для новогодней ночи.

У нашего Рождества, если уж на то пошло, нет многого из того, что вроде бы считается обязательным. В Америке нет рождественских пантомим. Никаких сладких пирожков и, скорее всего, рождественских пудингов. Никаких звонков в дверь в канун праздника. Никаких крекеров. Никакого толстого двойного номера «Рэдио таймс». Никакого масла с бренди. Никаких блюдец с орешками. Никакого «С Рождеством всех!» в исполнении группы «Слэйд» по меньшей мере каждые двадцать минут. И, помимо всего, никакого Дня подарков.

26 декабря все американцы снова идут на работу. На самом деле Рождество как примечательное событие благополучно завершается к полудню 26 декабря. По телевизору нет ничего интересного, большинство крупных магазинов и торговых центров с обеда уже открыты (так что многие могут обменять все, что им надарили, на что-нибудь более полезное). В Америке вы можете на Рождество пойти в кино. Вы можете пойти в боулинг. В каком-то смысле это ненормально.

Что до Дня подарков, большинство американцев слышать о нем не слышали, а в *лучшем* случае имеют весьма смутные представления о том, что это такое. Вас может удивить, кстати, что День подарков — относительно современное изобретение. В Окфордском толковом словаре английского языка это понятие прослеживается лишь с 1849 года. Хотя его корни уходят, по меньшей мере, в средневековые времена, когда существовала традиция на Рождество вскрывать в церквях ящики с пожертвованиями и раздавать их содержимое беднякам, однако как праздник День подарков стали отмечать лишь с девятнадцатого века; это объясняет, почему у них он есть, а у нас нет.

Лично я намного больше люблю День подарков, чем само Рождество, во многом потому, что он имеет все плюсы Рождества (обилие еды и напитков, всеобщая доброжелательность, шанс вздремнуть в кресле в дневные часы) и лишен всех его минусов, вроде часов, проведенных на полу в попытках собрать игрушечный домик и велосипед по тайваньской инструкции, или притворных возгласов благодарности тетушке Глэдис за вязаный джемпер, который не надел бы даже Джайлс Брандрет.^[3] (Нет, честно, милая тетя, я повсюду искал джемпер с изображением единорога.)

Потому, если мне чего-то и не хватает в Америке, так это Дня подарков. Ну и, естественно, бесконечной «С Рождеством всех!» в исполнении группы «Слэйд». Вкупе со всем прочим это заставляет намного больше ценить оставшиеся дни года.

Игра с цифрами

Конгресс Соединенных Штатов не перестает меня удивлять. Только что он проголосовал за то, чтобы выделить Пентагону на И миллиардов долларов больше, чем тот запрашивал.

Вы представляете вообще, сколько это — 11 млрд долларов? Конечно же нет. Никто не может представить. Невозможно постичь столь огромную сумму.

И куда ни повернись, относительно Америки и ее экономики вы сталкиваетесь с такими необъятными цифрами, что их невозможно вообразить. Обратите внимание на несколько чисел из газеты за прошлое воскресенье. Ежегодный ВВП США составляет 6,8 триллионов долларов. Федеральный бюджет — 1,6 триллиона. Дефицит федерального бюджета — около 200 млрд долларов. Экономика одной лишь Калифорнии стоит 850 млрд долларов.

Несложно потерять из виду реальные масштабы цифр. Общий долг Америки, по последним подсчетам журнала «Таймс», составляет чуть меньше 4,7 триллиона долларов. Точная цифра — 4,692 триллиона, так что сложно оспорить вышеуказанную сумму, пусть она и отличается на 8 миллиардов (неплохой остаток на чьем-нибудь счету).

Я достаточно долго работал в разделе деловых новостей в одной газете и знаю, что даже самые опытные журналисты в сфере финансов часто теряются, когда сталкиваются с понятиями типа «миллиард» и «триллион», по двум главным причинам. Во-первых, им, как правило, приходится потрещать на ланч много алкоголя, во-вторых, такие числа действительно смущают.

И это проблема. Большие числа просто выходят за границы того, что мы в состоянии охватить. В Нью-Йорке на Шестой авеню висит электронное табло, установленное и оплаченное неким анонимным доброхотом, с названием «Показатели национального долга». Когда я был там в последний раз, в ноябре, табло показывало, что национальный долг составлял 4,5 триллиона долларов, что равно 4,5 триллиона долларов, и это число увеличивалось на 10 тыс. долларов каждую секунду, по крайней мере так быстро, что последние три цифры на электронном счетчике имели размытые очертания. Но что на самом деле означают 4,5 триллиона долларов?

Давайте начнем с одного триллиона. Представьте, что вы в хранилище,

где лежит весь американский национальный долг, и вам поручили поставить на каждом долларе свои инициалы. Допустим также, ради эксперимента, что на подпись одной банкноты у вас уходит одна секунда и вы работаете без остановок. Как думаете, сколько времени уйдет на то, чтобы расписаться на одном триллионе долларов? Ну же, ради меня, попробуйте угадать. Двенадцать недель? Пять лет?

Если бы вы подписывали один доллар в секунду, ваши инициалы украшали бы 1 тысячу долларов каждые 17 минут. Через двенадцать дней безостановочной работы миновал бы первый миллион. Таким образом, у вас ушло бы 120 дней на 10 миллионов и 1200 дней — это около трех лет — на 100 миллионов долларов. Через 31,7 лет вы бы стали миллиардером, а почти через тысячу лет догнали бы по уровню достатка Билла Гейтса, основателя «Майкрософт». Но не ранее чем через 31 709,8 лет вам удалось бы расписаться на долларе номер один триллион (и вы прошли бы чуть меньше четверти пути к той сумме, которую составляет национальный долг Америки).

Вот что такое один триллион долларов.

Что любопытно, становится все очевиднее, что большинство этих огромных, непостижимых сумм, которые возглашают экономисты и высокопоставленные чиновники, в любом случае крайне приблизительны. Взять хотя бы валовый внутренний продукт, краеугольный камень современной экономики. ВВП — понятие, которое ввел в 1930 году экономист Саймон Кузнец. Это понятие оказалось очень удобным для измерения физических величин — тонн стали, досковых футов пиломатериалов, картофеля, шин и так далее. Все очень хорошо для традиционной промышленной экономики. Но сейчас большую часть выпускаемой продукции составляют услуги и идеи — программное обеспечение для компьютеров, телекоммуникации, финансовые услуги, — которые приносят прибыль, но не обязательно, причем в большинстве случаев, приводят к выпуску товара, который вы сможете погрузить на паллету и поставить в магазин.

И так как подобные процессы очень сложно измерять и обсчитывать, никто на самом деле не знает, сколько они стоят. Сегодня многие экономисты считают, что Америка, возможно, недооценивает темпы роста ВВП на 2–3 % в год уже в течение нескольких лет. Может быть, это и не так важно, однако, если это правда, стоимость американской экономики — которая очевидно нестабильна — может быть на треть больше, чем все думают. Другими словами, может случиться, что несколько сотен миллиардов долларов дрейфуют по американской экономике, а никто об

этом и не догадывается. Невероятно.

А вот еще одна занятая мысль. Все это не имеет никакого значения, потому что подсчет ВВП — абсолютно бесполезное понятие. В буквальном смысле слова это грубая мера измерения национального дохода, как говорится в учебнике, «стоимость готовой продукции и услуг в долларах» за конкретный период.

Всякого рода экономическая активность увеличивает ВВП. И не важно, хороший это бизнес или плохой. По оценкам, к примеру, суд над О. Дж. Симпсоном увеличил ВВП Америки на 200 млн долларов благодаря гонорарам адвокатов, судебным издержкам, счетам за отели для прессы и тому подобному. Но я не думаю, что многие станут утверждать, что этот дорогостоящий спектакль сделал Америку более великой и благородной страной.

Так уж получается, что дурные действия чаще содействуют росту ВВП, чем хорошие. Я был недавно в Пенсильвании на цинковом заводе, выбросы которого раньше содержали столько токсичных веществ, что попросту оголили весь горный склон. От заводского забора до вершины горы не росло ни одной травинки. С точки зрения ВВП, однако, это просто замечательно. Во-первых, это означало рост общего объема производства и продаж завода. Во-вторых, прибыль от тех десятков миллионов долларов, которые правительство должно было потратить на очистку и восстановление горы. А также постоянный доход от медицинского обслуживания рабочих и жителей города, которые обзавелись хроническими заболеваниями, дыша вредными испарениями.

С экономической точки зрения все это не потери, а приобретения. Как и чрезмерные объемы рыбной ловли в озерах и морях. Как и вырубка лесов. Короче, чем больше злоупотребляем мы своими природными ресурсами, тем быстрее растет ВВП.

Экономист Герман Дэли как-то сказал: «Сегодня национальная система учета обращается с нашей Землей как с бизнесом, готовым к ликвидации». А в статье прошлогоднего номера «Атлантик Мансли» еще три ведущих экономиста сухо заметили: «По странным стандартам ВВП герой национальной экономики — человек с раком в последней стадии, который проходит через дорогостоящую процедуру развода».

Так почему мы столь привязаны к этому нелепому шаблону экономической деятельности? Потому что это лучшее, до чего экономисты додумались на данный момент. Теперь вы знаете, почему они называют экономику мрачной наукой.

Обслуживание номеров

Если бы позволил размер гонорара от этой колонки, я бы тут же сделал то, что мне давно хочется, — посетил «Мотель Инн» в Сан-Луис-Обиспо, штат Калифорния.

На первый взгляд это желание может показаться странным, потому что «Мотель Инн», по общему мнению, уж точно не самое лучшее заведение на свете. Построенный в 1925 году в испанском колониальном стиле, который любят, пожалуй, только жители Калифорнии да Зорро, он располагается в тени шумной автострады на эстакаде среди скопления бензозаправок, заведений фаст-фуда и других, более современных мотелей.

Однако когда-то он был популярным местом ночлега на прибрежном шоссе между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско. Архитектор Пасадены Артур Хайнеман подарил ему роскошный стиль, однако главная заслуга Хайнемана — название, которое он выбрал. Играя словами «мотор» и «отель», он соединил их в «мотель», написав название через дефис, чтобы подчеркнуть новизну.

К тому времени в Америке уже было множество мотелей, но все они назывались как-нибудь иначе — «автодвор», «коттеджный двор», «двор-отель», «тур-отель», «бунгало-двор», турбаза, «турист-двор», «путь-отель». Долгое время казалось, что общепринятым названием станет турбаза. Так было приблизительно до 1950 года, когда мотелями стали называть все заведения подобного рода.

Все это я знаю, потому что как раз прочел книгу об истории американского мотеля под умопомрачительно оригинальным названием «Мотель в Америке». Написанная тремя академиками, это — скучнейшая работа, с фразами вроде «Потребности как постояльцев, так и хозяев недвижимости оказали большое влияние на создание организованных систем обслуживания», однако я все равно купил ее и жадно прочел, потому что обожаю все, имеющее отношение к мотелям.

Ничего не могу с собой поделаться. Всякий раз, когда вставляю ключ в замочную скважину и распахиваю дверь номера в мотеле, я всегда волнуюсь. Это одно из тех событий — наряду с едой на борту самолета, — которые меня волнуют и о которых мне следует знать больше.

Так уж случилось, что «золотой век» мотелей был и моим «золотым веком» — 1950-е годы (думаю, поэтому они настолько меня очаровывают). Тому, кто никогда не путешествовал по Америке на автомобиле в 1950-х

годах, практически невозможно представить, какими потрясающими были мотели. В ту пору национальные сети отелей вроде «Холидей Инн» и «Рамада» только начинали появляться. В 1962 году 98 % мотелей все еще были частными владениями, и потому каждый имел собственный характер.

Фактически было два типа мотелей. Первый тип — хорошие. Там почти всегда была домашняя атмосфера загородной жизни. Обычно их окружали широкие лужайки с раскидистыми деревьями и клумбами, обрамленными колесами от фургонов, покрашенными белой краской. (Почему-то хозяева любили красить в белый цвет еще и камни, а потом укладывать их вдоль дороги.) Зачастую был бассейн, магазинчик сувениров или кофейня.

Внутреннее убранство воплощало в себе комфорт и изящество, которые заставили бы целую семью ворковать от удовольствия — мягкий ковер, мурлыкающий кондиционер, ночная тумбочка с телефоном и встроенным радио, телевизор у основания кровати, собственная ванная, иногда гардероб, кровать с виброматрацем, который сулил массаж на протяжении четверти часа.

Второй тип мотелей — отвратительные. И мы вечно попадали именно в такие. Мой отец, который был одним из величайших в мире скряг, считал, что нет никакого смысла тратить деньги на... ну, тратить в принципе, и уж точно не в том месте, где вы собираетесь большей частью спать.

Поэтому мы обычно останавливались в мотелях с продавленными кроватями и обшарпанной мебелью, в комнатах, где можно было не сомневаться — ты обязательно проснешься от пронзительного крика, треска разламываемой мебели и женского голоса, умоляющего: «Опусти ружье, Винни! Я сделаю все, что ты скажешь». Не хочется думать, что эти случаи озлобили меня, однако помню, что смотрел, как в «Психо» Дженет Ли потрошат в мотеле «Бейтс» и думал: «По крайней мере, у нее была занавеска в душе».

Все это, включая наихудшие стороны мотельной жизни, придавало путешествию на автомобиле бодрящую непредсказуемость. Вы никогда не знали, что за условия вас ожидают к закату дня, какие маленькие радости могут быть предложены. Это придавало дорожным путешествиям остроту, с которой однотипные удобства современной эры не могут сравниться.

Все изменилось очень быстро с появлением сетей мотелей. Сеть «Холидей Инн», к примеру, выросла с семидесяти девяти мотелей в 1958 году до почти 1500 менее чем за двадцать лет. Сегодня треть всех номеров мотелей в Америке принадлежит всего пяти сетевым компаниям. В наши дни путешественники не любят неопределенность. Они хотят

останавливаться в одном и том же месте, есть одну и ту же еду, смотреть одно и то же телевидение, куда бы ни поехали.

Не так давно, во время поездки с семьей из Вашингтона в Новую Англию, я пытался объяснить это своим детям и понял, что нам нужно остановиться на ночь в старомодном местечке, принадлежащем какой-нибудь семейной паре. Все назвали мою идею чрезвычайно глупой, но я убедил их, что это будет отличное приключение.

Что ж, мы прилежно смотрели по сторонам. Мы проехали мимо десятков мотелей, но все они принадлежали национальным сетям. Наконец, наверное, минут через девяносто тщетных поисков, я съехал с шоссе в седьмой или восьмой раз и — ура! — в темноте увидел свет мотеля «Сонная Лощина», идеального образца 1950-х годов.

— Там через дорогу есть «Комфорт Инн», — показал один из моих детей.

— Мы не хотим в «Комфорт Инн», Джимми, — возразил я, забыв из-за охватившего меня восторга, что моего сына зовут вовсе не Джимми. — Нам нужен настоящий мотель.

Моя жена, будучи англичанкой, настояла на том, чтобы взглянуть на номер. Да, он был ужасен. Мебель исцарапанная и старая. В номере было так холодно, что изо рта шел пар. В душе имелась шторка, но висела она всего на трех кольцах.

— Зато тут есть характер, — настаивал я.

— И вши, — ответила жена. — Мы идем через дорогу, в «Комфорт Инн».

Не веря своим глазам, я смотрел, как они уходят.

— И ты не останешься, Джимми? — произнес я, но сын даже не оглянулся.

Я постоял секунд пятнадцать, а потом выключил свет, вернул ключи и направился к «Комфорт Инн». Он был скучным, таким же как остальные отели этой сети, в которых мне доводилось останавливаться. Но он был чистым, телевизор работал, и, должен признать, душевая занавеска оказалась довольно милой расцветки.

Лось — друг человека

Жена только что крикнула, что обед на столе (я бы предпочел, чтобы он был на тарелке, ну да ладно), так что на этой неделе моя колонка, возможно, будет короче, чем обычно.

Видите ли, в нашем доме, если вы не придете к столу через пять минут, вам уже не достанется ничего, кроме хрящика и такой серой нитки, которой связывают части туши. Но, по крайней мере, — и это одна из приятных сторон современной жизни в Америке или в любом другом месте, кроме Великобритании, — мы можем есть говядину и не гадать, встав из-за стола, врежемся случайно на повороте в стену или нет.

Недавно я снова побывал в Британии и заметил, что многие из британцев снова едят говядину, что наводит на мысль, что они не смотрели последний фильм компании «Хоризон», отличную работу в двух частях о коровьем бешенстве, или не читали столь же замечательную статью Джона Аанчестера в «Нью-Йоркере» на ту же тему. Если бы они смотрели и читали, поверьте, никогда больше не прикоснулись бы к говядине. (Не настолько, конечно, чтобы жалеть, что вообще ее ели с 1986 по 1988 год. Тогда я тоже ее ел, и, боже, что с нами будет?!)

Однако сегодня я не собираюсь пугать неизвестным будущим (хотя мой совет — привести все ваши дела в порядок, пока вы еще в состоянии держать ручку), а, скорее, займусь придумыванием иных способов использовать всех тех бедных коров, которых отправили на скотобойни.

Мое предложение — отправить всех коров подальше и позволить им затеряться в Великих Северных Лесах, которые простираются вдоль Новой Англии от штата Вермонт до Мэна, и пусть развлекаются американские охотники. Думаю, это поможет отвлечь охотников от преследования лосей.

Кто знает, почему кому-то хочется охотиться на таких безобидных и скромных животных, как лоси, однако тысячам людей это нравится — причем такому числу людей, что штаты проводят лотереи, чтобы решить, кто получит лицензию. В прошлом году в Мэне было подано 82 тысячи заявок на 1500 лицензий. Более 12 тысяч приезжих платили по 20 долларов, только чтобы принять участие в самом процессе.

Охотники скажут, что лось — коварный и жестокий лесной зверь. На самом деле это корова, которую способен завалить трехлетний ребенок. Это все, что можно о нем сказать. Без сомнений, лось — самое невероятное, ласковое и безнадежное создание, которое когда-либо обитало

в лесах. Он огромен, как лошадь, однако восхитительно неуклюж. Лось передвигается так, будто его ноги никогда не были знакомы друг с другом. Даже его рога безнадежны. Все животные имеют рога острые на концах, так что анфас выглядит прекрасно и внушает уважение врагам. Рога лося выглядят как кухонные рукавицы.

Помимо всех этих отличий, лосю свойственно почти полное отсутствие ума. Если вы едете на машине по шоссе и лось выскочит из леса прямо перед вами, он будет долгуую минуту на вас коситься, а затем резко понесется прочь по дороге, перебирая ногами сразу в восьми направлениях одновременно. Неважно, что по обеим сторонам дороги, возможно, 10 тысяч квадратных миль безопасного густого леса. Без малейшего понятия, где он и что на самом деле происходит, лось будет упрямо следовать по шоссе к Нью-Брансуику, пока своеобразная поступь случайно не занесет его снова в лес, где он тут же остановится и примет недоумевающий вид, будто говоря: «О! Лес! Только, черт возьми, как я сюда попал?»

На самом деле лоси настолько феноменально бестолковы, что, заслышав звук приближающегося автомобиля или грузовика, обычно выскакивают из леса на дорогу в странной надежде, что там безопаснее. Каждый год около 1000 лосей оказываются сбитыми насмерть легковыми автомобилями и грузовиками. (Учитывая, что лось весит около 2 тысяч фунтов, а его конституция такова, что при ударе о капот его тонкие ноги уходят вниз, тогда как остальная масса влетает в лобовое стекло, то такие аварии часто приводят и к гибели водителя.) Когда вы видите тихие и пустые шоссе, которые ведут через северные леса, то понимаете, насколько маловероятно, что кто-то может появиться на дороге, когда едет автомобиль, и значит, можете оценить, насколько удивительны бывают подобные случаи.

Еще более удивительно, однако, что при отсутствии у лосей хитрого и до странности тупого инстинкта выживания, они — одни из долгожителей Северной Америки. Когда мастодонты гуляли по Земле, лоси уже паслись среди них. Лохматые мамонты, саблезубые тигры, горные львы, волки, северные олени, дикие лошади и даже верблюды — все они одно время большими стаями обитали на востоке Соединенных Штатов, однако постепенно столкнулись с вымиранием, тогда как лось просто брел дальше, не обеспокоенный ни ледниковым периодом, ни падениями метеоритов, ни извержениями вулканов, ни смещением континентов.

Но все изменилось. На стыке веков во всем Нью-Гэмпшире насчитывалось уже не более дюжины лосей, а в Вермонте, возможно, и вовсе ни одного. Сегодня в Нью-Гэмпшире около 5000 лосей, в Вермонте

— на тысячу больше, в Мэне — что-то в пределах 30 тысяч.

И эти цифры постоянно сокращаются, ввиду того что, как способ удержания популяции на одном уровне, снова постепенно разрешили охоту. Однако есть проблемы. Во-первых, число животных на самом деле весьма приблизительно. Ясно, что лоси не выстраиваются для переписи. По крайней мере, один ведущий натуралист считает, что численность популяции может быть преувеличена процентов на 20, а это означает, что лоси скорее подвергаются не естественному отбору, а бездумному убою.

И еще более уместным мне кажется мнение, что охотиться и убивать таких незащитных животных, как лоси, нехорошо. Застрелить лося — не подвиг. Я встречал лося в природе и могу сказать, что его вполне можно прихлопнуть свернутой газетой. Тот факт, что более 90 % охотников удается убить лося в сезон, который длится всего неделю, — доказательство того, что истребление нужно прекратить, иначе лоси исчезнут.

Вот почему я предлагаю, чтобы Англия отправляла всех своих безумных коров нам. Это обеспечит нашим охотникам своего рода мужское занятие, которого они явно ищут, и, как я уже сказал, поможет спасти этих странных лосей.

Так что высылайте больных коров. По адресу Боба Смита. Он — из наших сенаторов от Нью-Гэмпшира и, если то, за что он голосует, о чем-то говорит, уже страдает расстройством мозгов.

А теперь, если вы меня простите, я должен идти, чтоб проверить, осталось ли еще немного мяса на той сероватой нитке.

Потребительские удовольствия

Кажется, я нашел явное подтверждение того факта, что Америка — настоящий потребительский рай. Подтверждение пришло в виде видеокаталога с утренней почтовой рассылкой. Там, помимо обычных разнообразных предложений — «Скрипача на крыше», «Тай-цзи для здоровья и поддержания формы» и всех фильмов Джона Уэйна, — был видеотренинг под названием «Танцуй макарену обнаженным», который обещал показать голому зрителю «горячие движения этого танца в латиноамериканском стиле, который увлек всю нацию».

Среди других интригующих предложений из каталога — документальный фильм «Древние сельскохозяйственные тракторы», полная коллекция трудов Дона Нотта и занятная подборка под названием «Обнаженные домохозяйки Америки (части 1 и 2)», демонстрирующая, как «обычные домохозяйки исполняют свои привычные дела в чем мать родила»!

А я-то попросил на Рождество гаечный ключ!

По моему мнению, нет практически ничего, что нельзя было бы купить в этой стране. Конечно, шопинг уже несколько десятилетий является в Америке национальным видом спорта, однако три самых важных нововведения в торговле последних лет подняли шопинг на поистине головокружительный уровень.

Телемаркетинг. Это абсолютно новый вид бизнеса, в котором орды торговых агентов звонят по телефону абсолютно незнакомым людям, можно сказать, вслепую, и упорно зачитывают им подготовленную речь, обещающую бесплатный набор ножей для стейка или радиоприемник, если они купят определенный продукт или услугу. И эти агенты совершенно непреклонны.

Шансы того, что я куплю таймшер во Флориде у незнакомца из телефонной трубки почти равны шансам, что я сменю религию, едва переступив порог молельного дома мормонов, но, видимо, мое мнение разделяют не все. По данным «Нью-Йорк таймс», стоимость телемаркетинга в Америке сегодня составляет 35 млрд долларов в год. Эта цифра настолько поражает, что я не могу не думать о ней без головной боли, так что перейдем к торговой новинке номер 2.

Фирменные торговые центры. Это крупные центры, где такие компании, как «Ральф Лоран» или «Кэльвин Клайн», продают свои линии

одежды со скидками. В общем, это скопления магазинов, где все постоянно продается со скидками, и эти скопления выросли до гигантских размеров.

Во многих случаях фирменные торговые центры — вовсе не торговые центры, а, скорее, целые микрорайоны, завоеванные брендовыми товарами. Возможно, самым отличительным из них является город Фрипорт, штат Мэн, родина компании «Л. Л. Бин», известного поставщика одежды для путешественников и спортивного инвентаря для яппи.

Мы остановились там по пути прошлым летом, и меня до сих пор передергивает от воспоминаний. Процесс посещения Фрипорта всегда неизменен. Вы вползаете в город в длинной очереди транспорта, проводите сорок минут в поисках места для парковки, затем присоединяетесь к многотысячной толпе, снующей по Мейн-стрит и магазинам, продающим любой известный бренд, который был, есть или будет.

В центре располагается магазин «Л. Л. Бин», огромный оазис торговли. Он открыт 24 часа в сутки 365 дней в году. Вы можете купить там каяк в три часа ночи, если захотите. А хотят многие. Мой мозг снова начинает кипеть.

И наконец, каталоги. Шопинг по почте существует уже давно, однако он развился до такой степени, что можно только изумляться. Практически с момента нашего появления в Америке каталоги начали непрошенно плюхаться на коврик с дневной почтой. Сейчас мы получаем, наверное, дюжину в неделю, а иногда и больше — каталоги видео, садовых инструментов, женского белья, книг, снаряжения для кемпинга и рыбалки, штук, которые сделают вашу ванну более стильной и жизнерадостной, ну, вы поняли.

Долгое время я выбрасывал их вместе с остальной рекламой. Какой дурак! Теперь я понял, что это не только приятное чтение; с ними я познал мир возможностей, о существовании которых с трудом мог подозревать.

Только сегодня, вместе с вышеупомянутой брошюрой о голой макароне, мы получили каталог под названием «То, что нужно серьезным людям». В нем предлагался широкий ассортимент обычной бумаги для записей и подставок для письменных принадлежностей, однако мое внимание привлекло нечто под названием «Портфельный слуга» — маленькая тележка на колесах, высотой около четырех дюймов от пола.

Оттенка темной или натуральной вишни, по привлекательной цене 139 долларов, эта тележка смоделирована, чтобы решить одну из самых неразрешимых проблем нашего века — проблему хранения вещей в офисе. Как объясняется в каталоге, «большинство из нас сталкиваются с одной и той же мучительной проблемой — что делать с портфелем, когда мы

ставим его на пол офиса или дома. Вот почему мы изобрели „Портфельного слугу“. Он держит ваш портфель над полом, позволяя легко класть и вынимать из него то, что вам нужно, в течение дня».

Мне особенно нравятся последние слова — «в течение дня». Сколько раз к концу рабочего дня я думал: «О, что бы я отдал за маленькую штуку на колесах из любых на выбор пород дерева, только бы мой кейс не доставал до пола на четыре дюйма».

И ужасно то, что зачастую эти описания составляются настолько красиво, что вы практически ведетесь на них. Недавно я вычитал в еще одном каталоге о волшебном кухонном приспособлении из Италии под названием «Порто ротоло ди карта», который похвалялся «упругостью кронштейна», «нержавеющей сталью», «медным наконечником ручной работы» и «резиновым уплотнителем для сверхустойчивости» — всего за 49,95 долларов; но в конце концов понял, что это держатель для бумажных полотенец.

Конечно, в каталоге не напишут: «Неважно, как вы на это смотрите, это просто держатель бумажных полотенец, и вы будете идиотом, если его купите», так что вам стараются вскружить голову экзотическим происхождением и техническими прибабасами.

В результате даже обычные предметы из каталогов могут похвастаться более изощренным дизайном, чем «бьюик» 1945 года. Передо мной лежит глянцевая книга еще одной фирмы, объявляющая с нескрываемой гордостью, что их фланелевые рубашки, помимо всего прочего, имеют пуговицы на рукавах, экстра-длинные рукавные планки, двухслойную конструкцию из ниток 40S (для приятного сна), скрытый шов на спине, двойную строчку в местах наиболее сильного трения, аккуратно скрытые петли и не-плавящийся воротник, что бы это ни значило. Даже носки получают длинное научное описание, провозглашающее бесшовные края, ровные петли и приятные на ощупь нитки.

Признаюсь, иногда мне хочется поддаться искушению соблазнительных речей и сделать покупку, но потом я осознаю, что, выбирая между рубашкой для приятного сна за 37,50 долларов и просто приятным сном, я всегда выберу последнее.

Однако позвольте прямо сейчас заявить, что если кто-нибудь предложит «Абсолютно голую макарену для домашних упражнений с гаечным ключом и незаметными петлями в любом цвете», я готов купить.

Рай вредной пищи

Однажды я решил вычистить свой холодильник. Обычно мы этого не делаем — просто пакуем его в коробку каждые четыре-пять лет и отправляем в центры по контролю заболеваний в Атланту с пометкой «Угощайтесь, если найдете что-нибудь имеющее научную ценность»; кстати, мы уже несколько дней не видели одного из наших котов, и я смутно припоминаю, что мельком заметил что-то пушистое на нижней полке у задней стенки. (Как оказалось, это был большой кусок горгонзолы.)

И вот я, на четвереньках, разворачивая кусочки фольги и осторожно заглядывая в одноразовые контейнеры фирмы «Таппервэр», наткнулся на интересный продукт под названием «пицца на завтрак». Я изучил его с печальной нежностью, с какой обычно разглядывают старую фотографию, где вы в таком наряде, что не верится, что когда-то вы считали его модным. Видите ли, «пицца на завтрак» была последним свидетельством моего приступа крайне серьезной покупательской глупости.

Несколько недель назад я заявил жене, что в следующий раз иду в супермаркет вместе с ней, потому что то, что она постоянно приносит домой, как бы так сказать, не совсем в духе американских привычек еды. Здесь мы живем в раю вредной пищи — в стране, которая подарила миру сыр в банке с распылителем, — а она постоянно приносит домой здоровую пищу вроде свежей брокколи или упаковок хлеба «Райвита».

Конечно, это все потому, что она англичанка. Она на самом деле не понимает, сколько непревзойденных вариантов жирности и сладости предлагает американская диета. Меня манят ломтики искусственного бекона, плавленый сыр с желтым оттенком неизвестного происхождения и кремообразная шоколадная начинка, иногда все в одном. Мне хочется еды, которая брызжет, когда ее кусаешь, или шлепается на вашу рубашку в таких количествах, что приходится аккуратно встать из-за стола и, проявляя чудеса эквилибристики, добраться до раковины, чтобы ее отмыть. Так что я пошел с женой в супермаркет и, когда она оставила меня, чтобы потискать дыни и прицениться к грибам шиитаке, отправился в отдел полуфабрикатов, занимавший, в принципе, все остальное пространство супермаркета. О, это был истинный рай!

Одни сухие завтраки могли занять весь остаток моего вечера. Там было, наверное, 200 видов, я не преувеличиваю. Любая субстанция, которую только можно высушить и покрыть сахарной глазурью, там

имелась. Самым заметным и поражающим воображение было блюдо из злаков под названием «Домашние хрустяшки», которые пытались убедить всех, что они являются здоровым завтраком, и не важно, что это просто печенье с кусочками шоколада, которое засыпается в чашку и запивается молоком. Гениально.

Также заслуживают внимания сухие завтраки «Сухари с арахисовым маслом», «Мини-кексы с корицей», «Штучная чокула» («с очень толстой прослойкой зефира») и гвоздь программы — «Потрясающее овсяное печенье», сразу четыре вида в одной коробке. Я прихватил сухие завтраки, по одной коробке каждого, и две коробки овсяных хлопьев — как часто я говорил, что не следует начинать день без большой миски дымящегося печенья! — и помчался с ними назад к тележке.

— Что это? — спросила меня жена особым тоном, какой она часто использует, разговаривая со мною в торговых заведениях.

У меня не было времени толком объяснить.

— Завтрак на ближайшие полгода. — Я никак не мог отдышаться после пробежки. — И даже не думай о том, чтобы выложить хоть что-то и взять мюсли.

Я даже не представлял, насколько расширился рынок полуфабрикатов. Везде, куда бы ни повернулся, я сталкивался с едой, после употребления которой вы гарантированно начали бы ходить вразвалочку; многое я видел впервые в жизни — желеино-кремовые пироги, крекеры «мун-пай», ореховые сдобные рулеты, персиковые жевательные колечки, леденцы из корнеплодов с мускатным маслом, шоколадные пирожные «девил-догз» и воздушную зефирную массу для бутербродов под названием «Флафф», в тазике таких размеров, что в нем вполне можно купать детей.

Просто не верится, сколь огромное разнообразие нездоровой пищи предлагается американским покупателям в наши дни и в каких количествах ее потребляют. Недавно я вычитал, что средний американец съедает 17,8 фунтов сухих завтраков в год.

Сеть «Айл севен» («Еда для настоящих толстяков») постаралась особенно. Там был целый отдел, посвященный исключительно продукту под названием «Жареная сдоба», к которой относились, помимо многого другого, восемь разных видов жареного штруделя. Что такое жареный штрудель? Да какая разница? Он был покрыт сахарной глазурью и выглядел вполне съедобно. Я набрал целую охапку.

Признаю, я немного увлекся — но их было так много, а я так давно ничем не увлекался.

Но что в конце концов разъярило мою жену, так это пицца на завтрак.

Она взглянула на коробку и сказала: «Нет».

— Прости, милая?

— Ты не принесешь домой ничего, что называется пиццей на завтрак. Я разрешу тебе взять, — она нырнула в тележку, — леденцы из корнеплодов с мускатным маслом, жареный штрудель и...

Она вытащила пакет, который не заметила раньше.

— Что это?

Я заглянул ей через плечо.

— Блины для микроволновки, — сказал я восторженно.

— Блины для микроволновки, — повторила она с куда меньшим энтузиазмом.

— Ну разве наука не прекрасна?

— Ты съешь все это, — заявила жена. — Все до крошки из того, что сейчас не поставишь обратно на полку. Ты меня понял?

— Конечно, — произнес я вполне искренне.

И вы знаете, она действительно заставила меня это есть. Неделями я пробирался сквозь симфонию американской пиццы быстрого приготовления, и та была отвратительна. Вся до последней крошки. Не знаю, или американская еда испортилась, или мои вкусовые рецепторы созрели, но даже те удовольствия, с которыми я вырос, теперь казались либо удивительно безвкусными, либо отвратительно невкусными.

И самым ужасным из всего была пицца на завтрак. Я пробовал ее три или четыре раза, запекал в духовке, засовывал в микроволновку, один раз в отчаянии даже намазал ее зефиром «Флафф», но она так и не превратилась ни во что другое, кроме дряблой, резиновой массы. В конце концов я спрятал коробку на кладбище контейнеров «Таппервэр» на нижней полке холодильника.

Вот почему при новой с нею встрече меня посетили смешанные чувства. Я решил ее выбросить, затем помедлил и открыл крышку. Она пахла нормально — думаю, она настолько напичкана химикатами, что там никогда не поселилась бы ни одна бактерия, — и я подумал было сохранить ее в качестве напоминания о моем безумии, но все-таки выбросил. А затем, чувствуя, что проголодался, я отправился в кладовку посмотреть, не завалился ли там простой кусочек «Райвиты» и, может быть, пучок сельдерея.

Сказки северного леса

Около года назад, в середине зимы один молодой студент колледжа ушел с сельской вечеринки недалеко от небольшого городка в штате Нью-Гэмпшир, где я живу, и пошел пешком к дому родителей, который находился в двух милях от этого места. Это было глупо с его стороны — потому что стемнело, а парень был пьян, — но он решил срезать дорогу через лес. Никогда раньше он этого не делал.

На следующий день, когда стало известно о его исчезновении, сотни добровольцев отправились в лес на поиски. Они искали много дней, но безуспешно. Только весной кто-то, прогуливаясь по лесу, споткнулся о его тело.

Пять недель назад произошел весьма похожий случай. Небольшой частный самолет с двумя людьми на борту никак не мог зайти на посадку из-за плохой погоды в районе нашего местного аэропорта. Пилот развернулся на северо-восток, чтобы подготовиться к новому заходу, и сообщил об этом по радио диспетчеру.

Через секунду маленький зеленый значок, обозначающий самолет на радаре аэропорта, исчез с экранов. Где-то там, в лесу, неожиданно и необъяснимо самолет рухнул.

И снова начались активные поиски, на сей раз дюжина самолетов и одиннадцать вертолетов присоединились к более чем двумстам добровольцам на земле. И снова поиски продолжались много дней, но завершились безрезультатно. Пропавший самолет был рассчитан на 18 мест, так что его крушение должно было оставить след, однако никаких обломков самолета, никаких сломанных деревьев. Самолет просто бесследно исчез.

Я не хочу сказать, что мы живем на границе с чем-то вроде «бермудского треугольника», только среди лиственных лесов; просто леса Нью-Гэмпшира — довольно странное и опасное место.

Во-первых, там очень много деревьев — я не шучу. Прошлым летом я провел несколько недель в лесу и могу сказать: единственное, что там можно увидеть — невероятное количество деревьев. Иногда их действительно нельзя сосчитать, они буквально сливаются в густую зеленую пелену. Каждый изгиб тропы открывает панораму, неотличимую от прочих, и не важно, как далеко ты ушел в лес. Если вдруг потеряешь тропу, то запросто — вероятнее всего — окажешься в беспомощном

положении заблудившегося путника. Можно ходить до изнеможения, пока не поймешь, что твой маршрут описывает большой и, к сожалению, бессмысленный круг.

Зная это, не так сильно удивляешься, когда слышишь, как иногда лес поглощает целиком самолеты или обрекает людей на бесконечные неудачные поиски пути. Нью-Гэмпшир занимает такую же площадь, что и Уэльс, и на 85 % покрыт лесами. Там немало лесов, в которых бесследно пропадают люди. Каждый год по меньшей мере один или два человека теряются в этих местах, порой бесследно.

Однако вот примечательный факт. Всего век назад и даже позже в некоторых районах всех этих лесов попросту не было. Почти вся территория сельской Новой Англии, включая земли вокруг нашего района в Нью-Гэмпшире, представляла собой открытые поля.

На неделе местные власти прислали нам в качестве новогоднего подарка календарь со старыми городскими фотографиями из местного архива, и я пришел домой с полной уверенностью, что так было всегда. На одной из картин, панораме с холма, сделанной в 1874 году, изображение напоминало родные места очень смутно, хотя я и не мог сказать почему. Там изображен угол кампуса Дартмутского колледжа и грязная дорога, ведущая к отдаленным холмам. Все остальное — бескрайние поля.

Лишь через несколько минут я сообразил, что смотрю на прилегающие к нашему дому земли. Это было так странно, потому что наша улица — типичная улица Новой Англии, с дощатыми домиками в тени высоких и стройных деревьев. Однако на самом деле почти все это появилось в начале 1920-х годов, спустя полвека после того, как были сделаны фотографии. Холм, с которого снимали панораму, покрыт ныне 20 акрами леса, и почти весь пейзаж, от крайних домов до далеких холмов, представляет собой густой взрослый лес. Едва ли одно из этих деревьев существовало в 1874 году.

Фермы исчезли, потому что фермеры перебрались на запад, на более богатые земли вроде Иллинойса и Огайо, или переехали в растущие промышленные города, где заработок был надежнее и щедрее. Фермы, которые они оставили, а иногда и целые деревни, в которых они жили, стерлись с лица земли и постепенно обратились в дикую пустошь. По всей Новой Англии во время прогулки по лесу можно наткнуться на развалины старых каменных стен и на фундаменты заброшенных амбаров и домов, спрятанные в папоротниках и подлеске.

Возле нашего дома проходит лесная тропа, которая ведет по почтовому маршруту восемнадцатого века. На протяжении восемнадцати миль тропа

вьется через темный и густой лес, однако еще есть люди, которые помнят, что вся эта территория была сельскохозяйственными угодьями. Всего где-то в четырех милях от нас старая почтовая дорога проходила мимо деревни под названием Куиннтаун, где были мельница, школа и несколько домов. Ее можно найти на старых картах Геологической службы США.

Я предпринимал несколько попыток найти Куиннтаун, когда проходил мимо предполагаемого района его расположения, однако даже с хорошей картой это место чертовски сложно найти, так как на всех условных обозначениях нет и намека на лес. Я знаю одного человека, который занимается поисками деревни Куиннтаун уже много лет, однако до сих пор так ее и не нашел.

На прошлых выходных я решил снова попытаться счастья. Как раз выпал свежий снег, который так украшает лес. Естественно, меня посетила мысль, что, возможно, я найду какой-нибудь обломок пропавшего самолета. На самом деле я не надеялся ничего найти — я находился в семи или восьми милях от предполагаемого места крушения. Но, с другой стороны, самолет должен где-то быть, и вполне возможно, что никто не искал его в этом районе.

Так что я отправился в лес и отлично прогулялся. Я надышался свежим морозным воздухом и хорошо размялся, а сам лес был просто изумительным в мягком снежном покрывале. И становилось странно от мысли, что в этом необъятном спокойствии прячутся руины некогда процветавшей деревни, и еще более странно знать, что где-то недалеко от меня лежат обломки ненайденного самолета с двумя телами на борту.

Мне бы очень хотелось рассказать, как я обнаружил Куиннтаун, или пропавший самолет, или то и другое вместе, но, увы, я их не нашел. Иногда у жизненных историй нет конца.

Как и у журнальных статей.

Слава главе государства

Завтра в Америке День президента. Знаю. Я тоже с трудом сдерживаю волнение.

День президента для меня новый праздник. Когда я был маленьким, в феврале у нас было два праздника, посвященных президентам, — день рождения Линкольна 12 февраля и день рождения Вашингтона 22 февраля. Возможно, я ошибаюсь насчет дат, я назвал их весьма приблизительно, потому как, если честно, это было очень давно и в любом случае эти дни не были такими уж интересными праздниками. Подарков не раздают, пикников не устраивают...

Проблема с днями рождения, как вы сами, я уверен, заметили, состоит в том, что они могут выпасть на любой день недели, тогда как больше всего людям нравится, когда праздник выпадает на понедельник, чтобы насладиться чудесным продлением уик-энда.

Так что некоторое время Америка отмечала дни рождения Вашингтона и Линкольна в ближайшие к названным датам понедельники. Однако это возмущало отдельные слои населения, поэтому решили отмечать единый праздник в третий понедельник февраля и назвать его Днем президента.

Смысл нового праздника — отдать дань всем президентам, как хорошим, так и плохим, что я считаю замечательным, потому что это дает нам возможность объявить благодарность малоизвестным и эксцентричным президентам — таким, как Гровер Кливлэнд, который, согласно легенде, имел занятную привычку облеγχаться прямо из окна собственного офиса, или Захари Тейлор, который никогда не голосовал на выборах, тем более за себя.

Если учесть все заслуги, Америка произвела довольно немного великих президентов — Вашингтон, Линкольн, Джефферсон, Франклин и Тедди Рузвельты, Вудро Вильсон, Джон Ф. Кеннеди. Она также произвела нескольких великих людей, которые стали президентами случайно, среди них Джеймс Мэдисон, Улисс Ч. Грант и — возможно, вас это удивит — Герберт Гувер.

Я с особым уважением отношусь к Гуверу — «нежность», пожалуй, слишком сильное слово, — потому что он был родом из Айовы, как и я. Кроме того, вы должны хоть немного посочувствовать бедняге. Он единственный за всю американскую историю пережил, после обитания в Белом доме, карьерный спад. Сегодня, когда вспоминают о Гувере, его

называют человеком, который подарил миру Великую депрессию. И едва ли кто-то помнит ту половину века, которая предшествовала этому событию и была примечательной и даже героической.

Только взгляните на его биографию: осиротев в восемь лет, он отучился в колледже (был в первом выпуске Стэнфорда) и стал успешным горным инженером на западе Соединенных Штатов. Затем уехал в Австралию, более или менее организовал горнодобывающую промышленность в Западной Австралии — в регионе, который до сих пор остается одним из самых производительных в мире, — и в конце концов оказался в Лондоне, где сделался весьма обеспеченным и влиятельным человеком.

В начале Первой мировой войны его пригласили войти в британский кабинет министров, однако он отклонил предложение и вместо этого занялся борьбой с голодом по всей Европе, с чем справился превосходно — по оценкам, спас десять миллионов жизней. К концу войны он был одним из самых уважаемых и почитаемых людей в мире, недаром его прозвали Великим гуманистом.

Вернувшись в Америку, он стал ближайшим советником Вудро Вильсона, затем работал министром торговли при президентах Гардинге и Кулидже и именно тогда предсказал рост американского экспорта на 58 % за 8 лет. Затем в 1928 году он баллотировался на президентских выборах и был избран с рекордным перевесом голосов.

В мае 1929 года прошла инаугурация. Семь месяцев спустя рухнула Уолл-стрит и экономика оказалась в кризисе. Несмотря на всеобщее убеждение в обратном, Гувер отреагировал немедленно. Он потратил больше денег на общественную деятельность и борьбу с безработицей, чем все его предшественники вместе взятые, выделил 500 миллионов долларов в качестве помощи обанкротившимся банкам и даже пожертвовал собственную зарплату на благотворительные цели. Однако он потерял связь с народом и оттолкнул от себя электорат, постоянно повторяя, что подъем не за горами. В 1932 году он проиграл столь же ощутимо, как победил четыремя годами ранее, и с тех пор его помнили лишь как президента-неудачника.

Однако, по крайней мере, его за что-то помнят, это больше, чем можно сказать о многих других наших главах правительства. Из сорока одного человека, избранного на пост президента, по крайней мере половина не совершила никаких великих деяний, так что сейчас о них никто и не помнит, хотя, я считаю, они заслуживают более теплого отношения к себе. Быть президентом Соединенных Штатов и не сделать ничего, в конце

концов, — уже само по себе достижение.

По мнению почти всей Вселенной, самым незаметным и бездеятельным из всех наших лидеров оказался Миллард Филлмор, который вступил на этот пост в 1850 году, после смерти Захари Тейлора, и провел следующие три года демонстрируя, что стало бы со страной, если бы Тейлора просто поддерживали в кресле диванными подушками. Однако Филлмор стал столь знаменит своей незаметностью, что перестал быть незаметным, поэтому его кандидатуру можно вычеркнуть.

Достойной внимания фигурой, по моему мнению, является и великий Честер А. Артур, который в 1881 году принял присягу президента, снялся для официальной фотографии, а затем, насколько могу судить, никто никогда больше о нем ничего не слышал. Если смыслом всей жизни Артура было вырастить великолепные заросли на лице и оставить как можно больше места в учебниках по истории для достижений других, тогда его правление можно назвать полным успехом.

Также почитаемым в своем роде был глава государства с 1877 по 1881 год — Резерфорд Б. Хейз; его основные жизненные принципы состояли в отстаивании твердой валюты и отмене закона Блэнда — Эллисона. Оба эти пункта настолько бессмысленны и неясны, что никто сейчас и не вспомнит, что они означали, как не помнят и о Франклине Пирсе, чье правление с 1853 по 1857 год было периодом неясности между двумя более продолжительными периодами анонимности. По сути, он провел весь срок в столь безнадежно пьяном состоянии, что так и хочется выдвинуть девиз: «Франклин Пирс, победитель многочисленных сражений с бутылкой».

Однако моими любимчиками являются два Гаррисона. Первый — Уильям Генри Гаррисон, который героически отказался надевать на церемонию инаугурации в 1841 году пальто, подхватил воспаление легких и скоростно скончался. Он был президентом всего 30 дней и почти все из них провел без сознания. Сорок лет спустя его внук, Бенджамин Гаррисон, тоже был избран президентом и в своих амбициях успел достичь того немногочисленного, что сделал его дед за месяц, через четыре года.

Я уверен, что эти люди заслуживают национального праздника в свою честь. Поэтому можете представить мое смятение, когда я услышал в новостях, что Конгресс получил петицию с требованием отменить День президента и снова отмечать отдельно дни рождения Линкольна и Вашингтона на том основании, что Линкольн и Вашингтон действительно были великими людьми и, помимо всего прочего, не писали из окон. Вы можете в это поверить? Некоторые абсолютно ничего не понимают в истории.

ЖИЗНЬ В ХОЛОДНОМ КЛИМАТЕ

В это время года больше всего на свете мне хочется бесстрашно выскочить на улицу без пальто, перчаток и любой другой защиты от стужи, пройти около тридцати ярдов до дороги и забрать утреннюю почту из маленького почтового ящика.

Вы можете возразить, что звучит не так уж отважно, и в каком-то смысле будете правы, потому что на все уйдет около двадцати секунд, однако делает это подвигом следующее обстоятельство: иногда я еще немного брожу по своим владениям, чтобы выяснить, долго ли могу выносить такой холод.

Я отнюдь не хочу, чтобы мои слова звучали как хвастовство, но я посвятил много времени проверке выносливости человеческого тела в экстремальных ситуациях, зачастую мало задумываясь о последствиях для самого себя — к примеру, позволяя в кинотеатре своей ноге онеметь, а потом посмотреть, что выйдет, если я попытаюсь пойти за попкорном, или, полностью обернув указательный палец эластичным пластырем, узнать, смогу ли я его размотать. Однако благодаря этому я сделал несколько важных открытий, в частности узнал, что раскаленные поверхности не всегда выглядят таковыми на первый взгляд и что можно запросто вызвать временную амнезию, если сунуть голову под открытый ящик письменного стола.

Возможно, ваш инстинкт назовет такое поведение бездумным, однако позвольте вам напомнить обо всех тех случаях, когда вы сами подносили палец к огню, просто чтобы посмотреть, что будет (и что на самом деле было? А?), или стояли в ванне с кипятком сначала на одной ноге, а потом на другой, в ожидании, когда холодная вода из крана снизит температуру до умеренной, или сидели за кухонным столом, прислушиваясь к ощущениям, когда воск с тающей свечи капал на палец, — да о чем угодно.

По крайней мере, я занимаюсь подобными делами с целью серьезных научных изысканий. Вот почему, как я уже сказал, мне нравится выбегать за утренней газетой в самом легком облачении, которое только могут позволить приличия и миссис Брайсон.

Тем утром, когда я отправился на прогулку, на улице было —28° по Цельсию, достаточно холодно, чтобы применить выражение «колотун», кажется, есть такое. Правда, если у вас не очень богатое воображение или вы читаете мой текст не в морозилке, может оказаться сложно представить

такие экстремально холодные условия. Так что давайте объясню, насколько это холодно: очень-очень.

Когда вы только выходите на улицу в *такую* погоду, в первую секунду воздух необычайно бодрит — это не похоже на ныряние в холодную воду, скорее, это сигнал подъема для каждой клеточки организма. Однако первая фаза проходит быстро. Не успеете вы пройти и несколько ярдов, как ваше лицо почувствует себя так, будто ему только что дали хорошую затрещину, все конечности начинают болеть, а каждый вздох дается с трудом. К тому времени, когда вы снова зайдете в дом, пальцы на руках и ногах пульсируют от несильной, но настойчивой боли и вы с интересом отмечаете, что щеки не чувствуют вообще ничего. Все остаточное тепло, которое вы вынесли из дома, давно ушло, и одежда перестала иметь хоть какую-то теплоизоляционную ценность. Это решительно неприятно.

Тридцать градусов ниже нуля — необычайно холодно даже для севера Новой Англии, так что мне было интересно выяснить, как долго я смогу выдержать такой контакт с природой; ответ — 39 секунд. И я не имею в виду, что через 39 секунд мне разонравилась идея или пришла мысль: «Боже мой, да тут довольно холодно, думаю, надо зайти в дом». Я хочу сказать, что через 39 секунд замерз до такой степени, что сбил бы с ног родную маму, только бы оказаться в доме первым.

Нью-Гэмпшир известен своими суровыми зимами, но на самом деле есть куча мест, где дела обстоят еще хуже. Самая низкая температура была зарегистрирована здесь в 1925 году: -43° по Цельсию, но двадцать других штатов — почти половина страны — имеют свои низкотемпературные рекорды. Самая низкая температура в США была зафиксирована в Проспект-Крик, штат Аляска, в 1971 году и равнялась -62° по Цельсию.

Конечно, почти в любом месте может случиться резкое похолодание. Настоящий показатель зимы — ее продолжительность. В городе Интернешнл-Фоллз, штат Миннесота, зимы настолько длинные и суровые, что среднегодовая температура равна всего $2,5^{\circ}$ по Цельсию, безусловно, нежарко. Недалеко располагается город под названием (честное слово) Фригид, где, как я подозреваю, ситуация еще хуже, однако они не сообщают об этом, чтобы не расстраиваться.

Но звание самого безотрадного населенного пункта должен, несомненно, получить Лэнгдон, штат Северная Дакота, где зимой 1935/36 года было отмечено 176 дней подряд с температурой ниже нуля, включая 67 дней подряд, когда она падала ниже -18° по Цельсию (то есть до отметки пронзительного колотуна), по крайней мере, в какое-то время суток, и 41 день подряд, когда температура не поднималась выше -18° .

Чтобы объяснить нагляднее, 176 дней — отрезок времени между февралем и августом. Лично мне было бы сложно провести 176 дней подряд в Северной Дакоте при любой погоде, но, думаю, это к делу не относится.

В любом случае, у меня есть все, что я в состоянии пережить, прямо здесь, в Нью-Гэмпшире. Я дрожал долгими суровыми зимами в Новой Англии, но, к моему удивлению, это даже доставляло мне наслаждение. Отчасти потому, что здешние зимы — потрясающие. На самом деле есть что-то бодрящее в резком холоде и прозрачном воздухе. И зимы здесь необыкновенно красивы. Каждая крыша и почтовый ящик покрываются на несколько месяцев изящной шапкой снега. Почти каждый день светит яркое солнце, так что нет никакой тяжести серого мрака, характерной для зимы во многих других районах. А когда снег начинает темнеть и таять, обычно начинается новый сильный снегопад, который опять покрывает все пушистым покрывалом.

Местные жители радуются зиме. Они катаются на лыжах, коньках и санках по полю для гольфа. Один из наших соседей заливает свой садик на заднем дворе и превращает его в каток для детей, живущих на нашей улице. В местном колледже проводят зимний карнавал с фигурами изо льда на газоне. Все очень весело.

Но прекраснее всего осознание того, что зима — лишь один из периодов бесконечного круговорота непременно наступающих и ярких времен года. Когда вас начинает пронизывать холод, появляется уверенность в том, что жаркое лето уже не за горами. Помимо всего прочего, лето означает целый набор новых интересных событий, таких как солнечные ожоги, ядовитый плющ, инфекционные клещи, электрические садовые ножницы и — без сомнений — разжигательная жидкость для барбекю. Не могу дождаться.

Утонувшие в бумагах

Я даже не буду рассказывать о том, как утомительно пытаться зарегистрировать свою супругу или возлюбленную, родившуюся в другой стране, как законного жителя Соединенных Штатов, потому что мне не хватит на это бумаги, да и, в любом случае, слишком скучно. Вдобавок без слез я об этом говорить не могу. Кроме того, вы можете решить, что я выдумываю.

Уверен, вы усмехнетесь, если я расскажу, как один наш знакомый — известный ученый — сидел с открытым ртом, пока его дочери задавали вопросы вроде «Участвовали ли вы в какой-либо незаконной коммерческой деятельности, как то: азартные игры и прочее?» и «Были ли вы когда-нибудь членом или связаны каким-либо другим образом с коммунистической партией либо любой другой партией тоталитарного режима?», а также — мой любимый вопрос — «Планируете ли вы вступать в полигамные отношения на территории США?». Его дочери, следует заметить, было пять лет.

Видите, я уже почти рыдаю.

Определенно что-то не так в стране, где подобные вопросы задают всем без исключения, не просто потому, что они скучны и неуместны, и не потому что расспросы о политических пристрастиях ведутся под прикрытием американской конституции, а по той причине, что эти вопросы — ошеломляющая трата времени впустую. В конце концов, кто на вопрос о том, собирается ли он заниматься геноцидом, шпионажем, угоном самолетов, многоженством и любой другой деятельностью из экстремально длинного и удивительно параноидального списка нежелательных действий, ответит: «Конечно да! Скажите, это отразится на моих шансах получить регистрацию?»

Если бы все просто отвечали под присягой на эти бесцельные вопросы из списка, я бы просто вздохнул и смирился. Однако это не все. Чтобы получить легальный статус жителя США, необходимо сдать отпечатки пальцев, пройти медицинский осмотр, сдать анализы крови, письменные показания, свидетельства о рождении и браке, копию трудовой книжки, справку о доходах и многое другое — и все должно быть составлено, заверено, представлено и оплачено весьма своеобразным способом. Моей жене только что пришлось съездить в клинику, одобренную Иммиграционной службой США, в 250 милях отсюда, чтобы сдать анализ

крови, несмотря на то что одна из самых лучших клиник в Америке находится здесь, в городе, в котором мы живем.

Бесконечные формы для заполнения, каждая с инструкциями на нескольких страницах, зачастую противоречат другим инструкциям и почти всегда приводят к тому, что, оказывается, чего-то не хватает. Вот типичный отрывок из инструкции по сдаче отпечатков пальцев:

«Предоставьте отпечатки всех пальцев по форме FD-258... Заполните графу в верхней части таблицы и отметьте ваш номер А# (если таковой имеется) в поле „Номер вашей грин-карты“ или „Номер любого другого документа, удостоверяющего личность“».

Если у вас нет формы FD-258 (а у вас ее нет) или вы не уверены, какой именно номер удостоверения личности нужно отметить (а вы не уверены), вы проведете несколько дней, набирая номер, который вечно занят, а потом, когда вы наконец прорветесь, вам скажут, что нужно звонить по другому номеру, и тут же произнесут его так невнятно, что вы не успеете разобрать — а вас уже разъединили. И так происходит при любом контакте с любым государственным органом Америки. Через некоторое время вы начнете понимать, почему ковбои с немилосердным взглядом где-нибудь в Монтане превращают свои ранчо в крепости и угрожают застрелить любого гостиничника, оказавшегося достаточно глупым, чтобы пересечь границы их владений.

Просто заполнить все формы как можно старательнее недостаточно, потому что, если хоть что-нибудь будет не в порядке, все отсылается назад. Моей жене вернули документы только потому, что расстояние между ее подбородком и линией роста волос на фотографии для паспорта оказалось больше поля на одну восьмую дюйма.

Для нас все это длится уже два года. Понимаете, моя жена не собирается заниматься нейрохирургией, шпионажем, участвовать или организовывать наркоторговлю, выступать за смену американского правительства (хотя, если честно, я бы ее не отговаривал) или принимать участие в любой другой незаконной деятельности. Она просто хочет иногда заниматься шопингом и быть законной гражданкой страны вместе со своей семьей. Не так много, на мой взгляд.

Кто знает, почему произошла задержка. Иногда мы получаем уведомление о том, что не хватает документов. Каждые несколько месяцев я письменно запрашиваю, что случилось, но ни одного ответа так и не получил. Три недели назад пришло письмо из иммиграционной службы в Лондоне, которое, как мы решили, должно быть официальным разрешением. Хорошая шутка! В этом письме, составленном компьютерной

программой, говорилось, что ввиду того, что заявление жены не рассмотрено в течение 12 месяцев, оно стало недействительным.

Все это очень напоминает историю наших британских друзей здесь, в Ганновере. Муж работает профессором в местном университете уже несколько лет. Восемнадцать месяцев назад он и его семья приехали в Англию в годичный отпуск. Когда они, обрадованные тем, что дома, прибыли в Хитроу, чиновник иммиграционной службы спросил, как долго они собираются пробыть в Англии.

— Один год, — радостно ответил мой друг.

— А американский ребенок? — спросил работник, приподняв бровь.

Видите ли, их младший сын родился в Америке, и они не утруждали себя тем, чтобы зарегистрировать его как гражданина Великобритании. Ему было всего четыре года, так что навряд ли он стал бы искать работу и все такое.

Они объяснили ситуацию. Иммиграционный чиновник серьезно выслушал, а затем отошел, чтобы посоветоваться с инспектором.

Прошло восемь лет с тех пор, как мои друзья покинули Великобританию, и они попросту стали подозревать, что за это время их страна вполне могла сделаться похожей на Америку. Так что они ожидали чиновника с большим волнением. Через минуту тот вернулся вместе с инспектором и тихо сказал: «Инспектор спросит вас о сроке пребывания в Великобритании. Скажите „Две недели“».

Инспектор спросил, сколько времени они планируют пробыть в Англии, и они ответили: «Две недели».

— Отлично, — произнес инспектор, а затем добавил, будто только что вспомнив: — Можно зарегистрировать вашего ребенка в ближайшие пару дней, если вдруг вы решите остаться на более долгий срок.

— Конечно, — ответил мой друг.

И они так и сделали. Вот почему я люблю Великобританию. За это, а еще за пабы и маринад «Брэнстон», за сельские кладбища и за много что еще, но главное — за то, что там все еще есть госслужба, способная на искреннюю человечность, которая не ведет себя так, будто ее от вас тошнит.

С этими словами я собираюсь отправиться за партией боеприпасов для своего склада.

Пустая трата времени

Недавно я посмотрел фильм под названием «Великолепная одержимость». Снятый в 1954 году, с Рокком Хадсоном и Джейн Уаймен в главных ролях, это один из тех удивительно никчемных фильмов, которых в начале 1950-х годов снималось великое множество, когда люди еще смотрели все подряд (в отличие от сегодняшнего кинематографа, где приходится включать в меню множество ярких взрывов и по меньшей мере одну сцену, где герой спускался бы по канату в шахту лифта).

В любом случае, если я правильно понял, «Великолепная одержимость» повествует о красивом молодом гонимом, которого играет Рокк и который из-за своей беспечности становится виновником слепоты мисс Уаймен, попав с ней в автокатастрофу. Рокк настолько сильно чувствует свою вину, что бросает любимое дело и едет изучать медицину в «Оксфордский университет в Англии», а может, в какое-нибудь другое место, а затем возвращается в Перфектвилл под вымышленным именем и посвящает свою жизнь лечению Джейн. Только вот она, конечно, не в курсе, что это он виноват в ее слепоте, и, похоже, плохо распознает голоса покалечивших ее людей.

Не нужно говорить, что они влюбляются друг в друга и ее зрение восстанавливается. Лучшая сцена в этом фильме — когда Рокк снимает с глаз Джейн бинты, она произносит: «Это... ты!» — и красиво падает в обморок, но, к несчастью, сильно ударяется головой и снова теряет зрение, что делает историю гораздо интереснее, по моему мнению. Кроме того, у Джейн оказывается десятилетняя дочь, которую играет одна из смазливых актрис 1950-х годов — отвратительно скороспелых девочек с косичками, — которую так и хочется вытолкнуть из окна многоэтажки. Ллойд Нолэн тоже участвует в этом фильме, думаю, потому, что в любом фильме 1950-х годов роль врача всегда исполняет Ллойд Нолэн.

Возможно, я где-то наврал, потому что не смотрел этот фильм как положено, а может, даже нарочно перепутал детали. Я смотрел этот фильм, потому что один из наших кабельных каналов показывал его по крайней мере пятьдесят четыре раза за последние два месяца, и я постоянно наткнулся на него во время поисков чего-нибудь, что мне действительно хотелось бы посмотреть.

Вы не поверите — на самом деле не поверите, — насколько ужасно и тоскливо американское телевидение. О, я знаю, насколько кошмарным

может быть британское телевидение. Я жил в Англии двадцать лет, так что я хорошо знаком с разочарованием, которое вас посещает, когда вы смотрите на список телепрограмм и видите, что из самых популярных вечерних сеансов выделены «Продолжаем восхищаться», специальный выпуск передачи о природе, посвященный подводным личинкам на озере Байкал, и новый сериал с Джереми Бидлом «Ой, кажется, меня сейчас стошнит». Но даже с самой мрачной точки зрения, даже когда вам приходится выбирать между «Заклученный: тюремный корпус X» и Питером Шоу, который искренне интересуется сельскохозяйственными субсидиями в Европе, британское телевидение ни на йоту не приблизится к американскому, от которого хочется выбежать из дома и лечь посреди шоссе.

В нашем доме около пятидесяти каналов — думаю, с современными системами это число можно было бы увеличить до 200, — и вначале вы думаете, что вас может разбаловать столь широкий выбор, но постепенно приходите к выводу, что весь смысл местного телевидения заключается в том, чтобы заполнять эфирное время древним хламом.

Программы, которые даже канал «Скай Ван» не решился бы показывать (знаю, это невероятно, но тем не менее факт), занимают здесь большую часть эфирного времени. Похоже, будто просто наугад берут с полки кассету и ставят ее на воспроизведение. Я видел обзор «последних событий», которым было уже лет десять. Я видел Барбару Уолтерс, которая брала интервью у людей, умерших десятки лет назад и которые не были такими уж интересными личностями, если уж на то пошло. Семь дней в неделю вы можете наблюдать шоу Джонни Карсона, скучнейшие в 1976 году и скучнейшие и устаревшие сегодня.

Сейчас никого не посещает даже мысль о том, что телевидение могло бы, хоть иногда, быть новым и хорошим. А потому как раз сегодня вечером, в разделе «Художественные фильмы», самым интересным и притягательным, что может предложить мой журнал с телепрограммой, являются «Мэтлок» и «Маленький домик в прериях». Завтра мне советуют посмотреть «Уоллтонов» и «Даллас». На следующий день — снова «Даллас» и «Она написала убийство».

Начинаешь удивляться, кто все это смотрит. Один из наших каналов показывает мультфильмы 24 часа в сутки. То, что есть люди, которым хочется смотреть мультики всю ночь, уже знаменательно, но что на самом деле поражает — то, что по нему показывают рекламу. Что можно продать людям, которые добровольно смотрят «Микки Мауса» в 2:30 ночи? Слюнявчики?

Наверное, наиболее глубоко поражающая клетки мозга черта американского телевидения — то, что одни и те же передачи транслируются каждый вечер в одно и то же время. Сегодня вечером в 9:30 по 20 — му каналу мы можем посмотреть «Монстров». Завтра вечером в 9:30 по 20-му каналу будут идти — ну как, угадали? — «Монстры». Перед каждой серией «Монстров» демонстрируют серию «Счастливых дней», а после них — «Шоу Мэри Тайлер Мур». И так продолжается много лет, насколько я могу судить, и будет продолжаться вечно.

И то же самое происходит, честно говоря, на каждом канале в любое время. Если вы включите канал «Дискавери» и посмотрите программу «Трюкачи» (а вы ее тут же найдете), то можете быть уверены, что в следующий раз, когда вы снова включите «Дискавери» в то же самое время, там будет идти передача о голливудских трюкачах. И, возможно, та же самая серия.

Когда так много каналов, из которых можно выбирать, и почти все безнадежно скучны, получается, что смотреть в действительности абсолютно нечего. Но самое ужасное — другое. Несмотря на то, что американское телевидение предназначено для полных идиотов, несмотря на то, что оно заставляет вас рыдать, и рвать на себе волосы, и швырять в экран едой, в то же время перед ним нельзя устоять. Как однажды мне объяснил один приятель, здесь вы смотрите телевизор не чтобы увидеть, что идет, а чтобы увидеть, будет ли идти что-нибудь другое. Вы можете переключать каналы бесконечно. Когда дойдете до пятидесятого, вы уже забываете, что было по первому, и цикл повторяется снова с трогательно светлой надеждой найти что-нибудь, чем можно убить время.

Я даже не начал раскрывать тему. Ведь телевидение — моя жизнь, так что мы вернемся к этому вопросу подробнее через несколько месяцев. А сейчас мне придется вас покинуть. Скоро начнется «Великолепная одержимость», и мне действительно хотелось бы посмотреть, как Джейн Уаймен теряет зрение. Это ее лучшая роль. Кроме того, я тешу себя надеждой, что, если посмотрю этот фильм еще разок, Ллойд Нолэн наконец вытолкнет ту смазливую маленькую девочку из окна многоэтажки.

Реклама, реклама, реклама

Сейчас по телевизору идет реклама, в которой говорится: «Новый „Додж бэкфайер“. Превосходит „Крайслер инерт“ по легкости управления. Превосходит „Плимут репеллент“ по пробегу. Номер один по стоимости ремонта по сравнению с „Форд экзема“».

Как вы можете заметить, — ведь ваш мозг, к счастью, не продавлен и не затуманен многолетним переизбытком стремительной американской рекламы, — в каждой категории «додж» сравнивается только с одним автомобилем-конкурентом, что, если задуматься, делает сравнение бессмысленным. Я хочу сказать, что если бы «додж» сравнивался с десятью, или двенадцатью, или пятнадцатью автомобилями в каждой из этих категорий, тогда бы в рекламе об этом упомянули. Но поскольку в ней не говорится ничего подобного, естественно, можно сделать вывод, что «додж» оказался хуже всех своих конкурентов, кроме того самого, упомянутого. Получается, что реклама советует дважды подумать перед тем, как купить «додж».

Слабые стороны рекламных объявлений зачастую меня останавливают. В прошлом году один из производителей гордо хвастался тем, что его автомобили названы «самыми надежными среди всех автомобилей, сделанных или собранных в США», что для меня прозвучало как предложение покупателям пойти и купить иностранную машину. Но, очевидно, прочая аудитория смотрит на это иначе.

Осторожно относиться к правде — древняя традиция американской рекламы. Я испытываю особенную нежность к рекламному ролику одной страховой компании, в котором «реальные люди в реальных ситуациях» обсуждают свое материальное положение. Когда корреспондент задал вопрос, кто эти «реальные люди», пресс-секретарь компании ответил, что на самом деле это актеры и «в данном смысле это не реальные люди». Этого вполне достаточно, чтобы составить представление об отношении американцев к рекламе.

По правде сказать, не вся реклама в Америке пустая и ложная. Многое — ну, два ролика точно — сделано забавно и оригинально. В частности, меня трогает реклама компании по доставке пиццы, в которой разносчик с грудой коробок рушит все на своем пути. (Моя наименее любимая, кстати, та, где молодая леди Ну-разве-я-не-хороша поворачивается к камере и произносит: «Не надо меня ненавидеть за то, что я красива». На что я

всегда отвечаю: «О, ну что вы. Я вас ненавижу за то, что вы шарлатанка».)

Нет, проблема американской рекламы в том, что она попросту везде. На большинстве каналов передачи прерываются рекламой на пять или шесть минут. На Си-эн-эн, насколько я знаю, не показывают ничего, кроме рекламы.

Мне тут пришло в голову, что это довольно печальный факт, поэтому я потратил лишние полчаса, без дополнительной оплаты, на изучение типичного расписания программ Си-эн-эн и вот что узнал. За 30-минутный период канал прерывал эфир пять раз для демонстрации двадцати рекламных роликов. В целом это десять минут рекламы из 30 минут эфирного времени. Не считая первых семи минут в начале программы, самым продолжительным отрезком времени без рекламы были 4 минуты и 59 секунд. Кратчайший интервал между рекламными паузами составил 2 минуты. Для тех, кто страдает серьезным расстройством мозга, три ролика повторили дважды.

И это, спешу добавить, совершенно нормально. Вчера вечером на одном из каналов показывали фильм «Беглец», и я повторил наблюдения. Чтобы посмотреть фильм длительностью около 100 минут, пришлось высидеть еще 50 минут рекламы, которой прерывали кино раз двадцать (в среднем каждые семь минут).

По словам Нила Постмена, автора книги «Забавляясь до смерти», средний американец приговорен к 1 тысяче телевизионных рекламных роликов в неделю. К восемнадцатилетию средний американский ребенок просматривает с выпученными глазами не менее 350 тысяч рекламных роликов.

Сегодня все чаще, если вы не смотрите рекламу, это означает, что вы просто не знаете о том, что все равно ее смотрите, если можно так выразиться. К примеру, телекомпания Эй-би-си недавно транслировала специальный выпуск программы, посвященный съемкам диснеевского мультфильма «Горбун из Нотр-Дама». Как сообщается в «Нью-Йорк таймс», несколько телеканалов, принадлежащих Эй-би-си, также вставили в вечерний выпуск новостей «празднование студией Диснея окончания съемок фильма в Новом Орлеане». И все потому, что Эй-би-си принадлежит студии «Уолт Дисней».

Тем временем канал «Хистори» объявил о намерении показать сериал под названием «Душа компании», посвященный истории и достижениям таких корпораций, как «Боинг», «Дюпон» и «Дженерал моторе». И эти передачи должны быть подготовлены — вот это да! — самими корпорациями. Позже, когда до сведения канала довели, что это уж

чересчур, «Хистори» отказался от своей идеи.

Си-эн-би-си, еще один кабельный телеканал, который объявил о начале показа еженедельного информационного альманаха «Скан», принципы честности и справедливости волновали не сильно. Эта программа должна была сообщать о последних технических достижениях — или, чуть точнее, о тех достижениях, которые одобрил спонсор, корпорация «Ай-Би-Эм», получившая право цензуры. «Это не политические новости, — объяснил пресс-секретарь Си-эн-би-си. — Это научно-популярная программа». А, тогда все нормально.

В общем, от рекламы здесь никуда не деться — и не только дома. Меня шокирует то, что тысячи школ по всей Америке сегодня работают, по меньшей мере отчасти, по материалам, предоставленным крупными корпорациями, и потому среди прочего школьники изучают правила питания от «Макдоналдс» и экологию от «Эксон». С 1989 года телекомпания «Чэннэл Ван» транслирует образовательные передачи в школах через систему замкнутого типа. Эти передачи бесплатны, однако прерываются рекламой, направленной исключительно на молодую аудиторию. Я бы назвал это неприемлемым злоупотреблением, но, очевидно, таково мнение меньшинства: «Чэннэл Ван» получил большой куш, его передачи принимают в 350 тысячах классных комнат.

Даже выпуски программы «Улица Сезам» — и это действительно разрывает сердце — стали, по словам «Бостон глоуб», «прерываться тридцатью минутами рекламы». Как отмечает «Бостон глоуб», «Улица Сезам» ежегодно приносит компании более 800 миллионов долларов от розничных продаж, а директора компании получают зарплату до 200 тысяч долларов в год. Поскольку же программа транслируется по общественному телевидению, она получает ежегодную государственную субсидию в размере 7 миллионов долларов.

Короче, я хочу сказать вот что: представьте, если эти 7 миллионов долларов потратить на городские школы. Однако мне тут же пришло в голову, что те просто пойдут и купят еще телевизоров, чтобы подключить еще больше классов к «Чэннэл Ван».

Все это перегрузило мой мозг, так что пойду приму «Тайленол». Я знаю, что, согласно опросу, этот бренд предпочитает каждый второй американец. Хотя, может, говорили о «Пепси»...

Дружелюбные соседи

Я как раз собирался написать на этой неделе что-нибудь о раздражительности или какой-либо другой черте современной американской жизни, когда миссис Брайсон (которую, позвольте заметить, я очень ценю) принесла мне чашку кофе, прочла первые несколько строк с экрана монитора и, пробормотав «Все ноешь», направилась к выходу.

— Прости, моя свежая английская роза, ты о чем? — окликнул я.

— В этой колонке ты постоянно жалуешься.

— Но мир нужно улучшать, моя сочная, краснощекая воительница, — спокойно возразил я. — К тому же жалобы — моя работа.

— Жалобы — твоя жизнь.

Уж простите, но это не совсем так. Я считаю, что как раз на этих самых страницах я как-то произнес несколько слов похвалы в честь американского кухонного диспозула, а также четко помню, что хорошо отзывался о местном почтовом отделении за то, что они угостили меня бесплатным пончиком в День клиента. Но, возможно, жена в какой-то мере права.

В Соединенных Штатах Америки есть много прекрасного и заслуживающего похвалы: билль о правах, закон о свободе информации и бесплатные картонные спички — вот что сразу пришло на ум. Но нет ничего более выдающегося, чем доброжелательность американцев.

Когда мы переехали в маленький городок в Нью-Гэмпшире, местные приняли нас так, будто единственным, чего им не хватало для полного счастья, было наше присутствие. Они носили нам пироги, печенье и вино. Из уст не одного человека мы слышали: «Что ж, вы те, кто принес удачу в Смит-Плейс». Думаю, это традиционное приветствие в Новой Англии. Наши новые соседи, узнав, что мы собираемся сходить куда-нибудь перекусить, запротестовали, сказали, что слишком скучно обедать в неизвестном ресторане в первый же вечер в новом городе, и настояли на том, чтобы мы непременно пришли к ним в гости, будто накормить шесть лишних ртов ничего им не стоило.

Когда разговор коснулся того, что наша мебель все еще в море, на пути из Ливерпуля в Бостон, очевидно, где-то в районе Порт-Саида, Момбасы и Галапагосских островов, и временно нам не на чем спать, сидеть и есть, целый отряд дружелюбных незнакомцев (многих из которых я с тех пор никогда не видел) занес нам невзначай стулья, лампы, столы и даже

микроволновку.

Это поразительно. На Рождество в этом году мы ездили на десять дней в Великобританию и, вернувшись домой голодными поздно ночью, увидели, что соседка набила наш холодильник не только самым необходимым, но и вкусным, а в вазы поставила свежие цветы. И такое происходит постоянно.

Недавно я ходил со своим ребенком на матч по бейсболу в местный колледж. Мы пришли как раз к началу и присоединились к очереди за билетами. Через минуту к нам подошел человек и спросил:

— Вы собираетесь купить билеты?

Мне хотелось ответить: «Нет, я стою здесь, чтобы очередь была еще более впечатляющей». Но, естественно, все, что я сказал, было: «Да».

— Можете взять эти, — произнес он и протянул мне два билета.

Моей первой мыслью, после многих лет неправильно по глупости понятых ситуаций, было, что он перекупщик и в этом должен быть какой-то подвох.

— Почему? — осторожно спросил я.

— Нет, нет, просто берите. Бесплатно. Понимаете, мы не сможем пойти на игру, — он показал на машину за воротами, с заведенным двигателем и женщиной на пассажирском месте.

— Правда? — спросил я. — Что ж, большое спасибо.

А затем меня осенило.

— Вы специально приехали сюда, чтобы отдать свои билеты?

— Иначе они бы просто попали в мусорный ящик, — ответил он извиняющимся тоном. — Наслаждайтесь игрой.

Я мог бы продолжать сколько угодно — поведать о молодом человеке, который вернул потерянный бумажник моего сына с деньгами на расходы почти на все лето и не взял вознаграждения; о работниках кинотеатра, которые выходят на улицу, если начинается дождь, и поднимают окна автомобилей, припаркованных вдоль близлежащих улиц, предполагая, что, по крайней мере, некоторые из них принадлежат посетителям кинотеатра, которые не знают, что идет дождь; о том, как после того, как жена местного начальника полиции потеряла волосы после химиотерапии, все полицейские побрили свои головы и собрали деньги на благотворительность для больных раком, а жена начальника перестала чувствовать себя белой вороной.

То, что жители города оставляют свои машины незапертыми с открытыми окнами, конечно, тоже кое о чем говорит. Дело в том, что здесь нет преступности. Абсолютно. Люди обычно ставят свой велосипед

стоимостью 500 долларов на подножку около дерева и уходят за покупками. Если кто-то его украдет, я почти уверен, что жертва будет бежать за воров с криками:

— Не могли бы вы вернуть его по адресу Уилсон авеню, 32, когда закончите? И будьте осторожны — третья скорость западает.

Никто ничего не запирает. Я помню, как это поражало во время моего первого визита, когда риэлтер повела меня показывать дома (еще один факт — риэлтеры в Америке знают, как не терять время даром) и постоянно оставляла свою машину незапертой, даже когда заходила в ресторан пообедать, причем на переднем сиденье валялся ее мобильный, а на заднем лежали пакеты с покупками.

У одного из домов она поняла, что взяла не тот ключ.

— Задняя дверь не заперта, — доверительно сообщила она мне и оказалась права. Позже я понял, что ничего необычного в этом нет. Мы знаем местных жителей, которые уезжают в отпуск и не запирают дверей; даже не представляю, где может быть ключ от их дома, если таковой имеется.

Теперь вы, возможно, вправе удивиться, почему тогда это не рай для воров. Я считаю, тому две причины. Во-первых, здесь нет рынка сбыта краденых вещей. Если вы подойдете к кому-нибудь в Нью-Гэмпшире и исподтишка спросите: «Не хочешь купить автомагнитола?», человек посмотрит на вас как на сумасшедшего и ответит: «Нет, у меня уже есть одна». А потом сообщит о вас в полицию, и — это вторая причина — придет полицейский и вас застрелит.

Щучу, конечно; полицейские здесь не стреляют в людей, потому что в этом нет необходимости, ведь преступность отсутствует. Это редкий и согревающий душу пример социального благоразумия. Мы уже привыкли к этому, но, когда мы только переехали и я выразил свое удивление в разговоре с женщиной, которая выросла в Нью-Йорке, но прожила здесь уже двадцать лет, она положила руку мне на плечо и сказала, будто делая великой тайной:

— Милый, ты больше не в реальном мире. Ты — в Нью-Гэмпшире.

На горячей линии

Как-то раз в нашей ванной комнате я наткнулся на предмет, который сразу занял все мои мысли. Это был небольшой диспенсер с зубным флоссом.

Но мой интерес вызвал не флосс, а сам контейнер, на котором имелся номер бесплатной горячей линии. Вы можете звонить по горячей линии компании-изготовителя двадцать четыре часа в сутки. Однако возникает вопрос: зачем может понадобиться туда звонить? Я постоянно представляю парня, который набирает номер и говорит взволнованным голосом: «Знаете, я купил флосс. Что теперь делать?»

Исходя из своего опыта, смею утверждать, что, если вам нужно по какой-либо причине звонить поставщику флосса, вероятно, вы просто не готовы к такому уровню гигиены рта.

Мое любопытство возросло, я осмотрел наши шкафы и с интересом выяснил, что почти все американские хозяйственные товары имеют на упаковке номер горячей линии. Оказывается, вы можете позвонить, чтобы вам объяснили, как пользоваться мылом и шампунем, получить полезные советы по поводу того, как хранить мороженое, чтобы оно не растаяло и не побежало через край контейнера, а также получить профессиональный совет о том, на каких частях тела вы можете с наибольшим успехом и не в ущерб красоте использовать лак для ногтей («Так, давайте разберемся. Вы говорите, он не подойдет для лба?»).

Для тех, у кого нет телефона, или у кого он, возможно, есть, но кто еще не научился им пользоваться, большинство продуктов также имеют на упаковке полезные советы наподобие следующих: «Очистите от скорлупы перед употреблением в пищу» (на упаковке с арахисом) и «Предупреждение: не использовать для хранения пищевых продуктов» (на бутылке с отбеливателем). Только что мы купили электрический утюг, который напомнил нам, помимо всего прочего, что его нельзя использовать со взрывоопасными веществами. Прямо-таки в тему, пару недель назад я прочел, что компании-изготовители программного обеспечения для компьютеров подумывают о том, чтобы переформулировать инструкцию «Нажмите любую клавишу для загрузки», потому что многие звонят, чтобы спросить, где же находится эта Любая Клавиша.

До недавнего времени мне хотелось открыто смеяться над людьми, которым нужны такого рода элементарные инструкции, однако затем

произошли три события, которые заставили меня пересмотреть свои взгляды.

Первое: я прочел в газете, как Джон Смольц, питчер бейсбольной команды «Атланта брейвз», однажды вышел на тренировку с ярко-красным рубцом на груди и, когда его попросили объяснить, смущенно признался, что пытался погладить рубашку на себе.

Второе: меня осенило, что, хотя я никогда в жизни не делал ничего столь глупого, это всего лишь потому, что это просто не приходило мне в голову.

Третье и, возможно, самое впечатляющее событие произошло, когда два дня назад я вышел, чтобы выполнить два несложных дела — купить немного курительного табака и отослать несколько писем. Я купил табак, пересек с ним улицу по направлению к почтовому ящику, поднял крышку и бросил табак вовнутрь. Не могу сказать, сколько я прошел, пока не понял, что сделал что-то не то.

Видите? Люди, которым нужны наклейки на почтовых ящиках со словами: «Не бросать табак и другие личные вещи», не могут насмеяться над другими, даже если те гладят грудь утюгом или ищут телефон горячей линии, чтобы получить инструкцию по использованию шампуня.

Я упомянул об этом однажды вечером за ужином и был удивлен тем, что вызвал энтузиазм и рвение у всех членов моей семьи, которые начали наперебой предлагать варианты наклеек специально для меня, к примеру: «Внимание: если висит надпись „На себя“, бесполезно толкать дверь в противоположную сторону» и «Осторожно: не пытайтесь снимать через голову свитер в окружении столов и стульев». Моим любимым стало: «Будьте внимательны: убедитесь, что пуговицы рубашки попали в правильные петли, до выхода из дома». И горячее обсуждение длилось несколько часов.

Я признаю, что, когда касается памяти, личной гигиены, прохода через низкие дверные проемы и многого другого, иногда я оказываюсь не на высоте, однако виной всему мои гены. Позвольте объяснить.

Только что я прочел газетную статью об исследовании, проведенном Мичиганским университетом, а может, это был Университет Миннесоты (в любом случае в названии университета стоял какой-то «холодный» город), которое показало, что рассеянность — порок генетический. Я вложил эту статью в папку «рассеянность» и, конечно же, тут же о ней забыл.

Однако в процессе ее поисков этим утром я обнаружил еще один файл с интригующим названием «Гены и все прочее», который оказался не менее любопытным и — вот уж повезло — не совсем бесполезным. В нем я

нашел статью от 29 ноября 1996 года из журнала «Сайенс» под заглавием «Связь тревожного состояния с полиморфизмом транспортера серотонина».

Если быть совсем честным, я не слежу за полиморфизмом транспортеров серотонина должным образом, по крайней мере во время баскетбольного сезона, но когда я увидел предложение «Управляя силой и продолжительностью серотонергетических реакций, ген 5-НТ (5-НТТ) является центральным для точной настройки мозговой серотонинергической нейротрансмиссии», я подумал: «Эй, эти ребята, похоже, знают, о чем говорят».

Главным достижением исследования стало то, что ученые назвали ген (его номер SLC6A4 в хромосоме 17q12, в случае, если захотите проверить дома), который определяет, является ли беспокойство врожденным свойством или нет. Чтобы быть точным, если у вас длинная версия гена SLC6A4, то вы, скорее всего, человек, легкий на подъем и спокойный, но если у вас короткий ген, то каждый раз, выйдя из дома, вы в какой-то момент непременно произносите: «Остановите машину. Кажется, я забыл выключить в ванной воду».

На практике это означает, что если беспокойство — не врожденная черта, тогда вам не о чем беспокоиться (хотя вы все равно будете), тогда как, если беспокойство дано от рождения, здесь абсолютно ничего уже не поделаешь, так что вы с тем же успехом можете перестать беспокоиться (все равно не сможете). А теперь сопоставим это с вышеупомянутыми выводами о рассеянности, сделанными в «Университете какого-то „холодного“ города», и, думаю, вы увидите, что нашим генам есть за что ответить.

И еще один важный факт из файла «Гены и все прочее». По мнению Ричарда Докинза в «Слепоем часовщике», каждая из 10 триллионов клеток человеческого тела содержит больше генетической информации, чем вся энциклопедия «Британника» (причем без заказа доставки на дом), а при этом 90 % всего генетического материала не отвечает абсолютно ни за что. Гены просто сидят, как дядюшка Фред и тетушка Мюриэль, которые заскакивают в гости по воскресеньям.

Из всего этого, я думаю, мы можем сделать четыре основных вывода, а именно: (1) несмотря на то что ваши гены ничего не делают, они могут подвести вас множеством довольно некрасивых способов, (2) всегда сначала отправляйте письма, а потом уже покупайте табак, (3) никогда не обещайте составить список из четырех пунктов, если не можете вспомнить последний и (4).

Эти скучные иностранцы

Джулиан Барнс в строке, авторство которой я собираюсь приписать себе, когда наступит подходящий момент, однажды заметил, что любой иностранец, приехавший в Соединенные Штаты, может показать фокус: «Купи газету и посмотри, куда же делась твоя страна».

На самом деле не обязательно читать газеты. Вы можете пролистать журнал, или посмотреть телевизор, или просто пообщаться с людьми. Мой сын только что рассказал мне, что на тесте на тему последних политических событий на одном из занятий в старших классах назвать имя премьер-министра Великобритании смог только один человек, то бишь он. Я почти уверен, что всего один из 500 американцев в курсе, что в Великобритании надвигаются всеобщие выборы.

Конечно, надо быть справедливым, большинство жителей многих стран имеют очень смутное представление об остальном мире. Я хочу сказать, можете ли вы назвать лидеров Дании, или Нидерландов, или даже Ирландии? Конечно нет — а ведь вы необычайно умны и внимательны. Теперь вы меня понимаете. Вам просто незачем это знать.

Вокруг слишком большой мир, чтобы за всем уследить, а вы слишком заняты изучением «EastEnders». ^[4] Я понимаю.

Но есть разница. По крайней мере, из газет и новостей вы знаете, что за Ла-Маншем существует мир и что люди что-то в нем делают (в большинстве случаев блокируют порты и усложняют жизнь законопослушным дальнобойщикам из растущего числа демократий, если мне не изменяет память).

Здесь тоже так было — раньше. Журнал «Тайм» полнился историями о слабом коалиционном правительстве в Италии и коррупционных скандалах в Южной Америке, вечерние новости показывали, по крайней мере временами, репортажи корреспондентов в костюмах от «Бербери», стоящими с микрофонами напротив фондовой биржи, или сампана, или Конгресса народной революции — в любом случае заведомо не в Небраске. Даже если вы не обращали внимания на эти мелочи, они хотя бы напоминали о том, что вы живете в огромном мире.

Сейчас такого нет. За первые три месяца этого года в американском издании «Тайм» не появилось ни одного репортажа из Франции, Италии, Испании или Японии, если назвать всего несколько стран, которые, похоже, избежали упоминаний. Британия заняла несколько страниц только из-за

Долли — клонированной овцы. Германия попала в этот журнал только благодаря спору правительства с учеными. Иначе в Западной Европе все покрывала бы крошечная тьма. Международный раздел «Тайм» включает теперь одну-единственную историю — или две, максимум. Удивительно, если посмотреть на первую страницу, корреспонденты «Тайм» есть везде — в Париже, Лондоне, Риме, Вене — всех не перечислить. Пожалуйста, я тоже хочу такую работу!

Телевизионные новости не лучше. Просто чтобы убедиться, что я не вру (или в самом деле не говорю ничего глупого и неподходящего), я просмотрел вчера вечерний выпуск новостей Эн-би-си. Это одна из главных общенациональных программ новостей, подобных шестичасовому выпуску новостей Би-би-си, однако с несколькими минутами рекламы фиксаторов зубных протезов, кремов от геморроя и слабительного. (Люди, которые смотрят вечерние новости в Америке, очевидно, не обладают идеальным здоровьем.)

Выпуск состоял из одиннадцати репортажей, из которых десять были посвящены исключительно Соединенным Штатам. И только один, о визите вице-президента Гора в Китай, признал, что есть еще мир за пределами этой страны, хотя на самом деле был посвящен торговым возможностям Америки и длился ровно двадцать две секунды. Причем целых две секунды показывали толпу людей на велосипедах напротив здания, похожего на пагоду, так что, думаю, это считается.

Позже я повторил опыт с главным вечерним выпуском новостей Си-эн-эн. Он длился час, так что вместил еще больше рекламы болеутоляющих, масел и ментоловых мазей (кто-то действительно должен доставить всех этих зрителей в больницу), но также вместил двадцать два отрывка с новостями, из которых все двадцать два были об Америке. И это в программе, которая называется «Мир сегодня».

Именно потому, что все неамериканское демонстрируется настолько редко, люди здесь часто просто выходят из себя, когда видят что-то незнакомое с первого же взгляда. Передо мной лежит номер «Нью-Йорк таймс» с обзором книги британского журналиста Стивена Фэя о Нике Лисоне и крахе банка «Бэрингз»; исследователь жалуется, довольно сильно раздражаясь, что книга «захламлена без всякой на то необходимости сбивающим с толку британским английским». Среди ярких выражений он приводит примеры: «напортачить», «без шансов» и фразу относительно торгового зала, который был «размером с футбольное поле». Представьте себе — книга британского автора о служащем британского банка с несколькими британскими выражениями. Это так бесцеремонно с их

стороны. А потом они захотят, чтобы мы знали, кто у них премьер-министр.

Грустно, честное слово. При чтении британских книг или просмотре британских фильмов, когда я рос, мне нравилось то, что я не сразу понимал смысл происходящего, пытался угадать, что имеют в виду герои, когда говорят: «Ловко мы ударили по бошам на шестицилиндровых, с теми самолетами-снарядами, с которыми профи из гражданской авиации завалили на полдник две недели назад, правда?», или старался догадаться, что такое «Мармайт» (и в голову ни разу не приходило, что это съедобная замазка). Боюсь, американцы сейчас не хотят этого делать.

Я только что посмотрел «Английского пациента» в нашем местном кинотеатре, и какая-то дама позади меня повторяла каждое слово, произнесенное Жюльетт Бинош, повернувшись к своему партнеру, и спрашивала громким, обиженным, гнусавым голосом: «Что она говорит?» Это было так утомительно, что в конце концов мне пришлось задушить ее своим пиджаком.

На той же неделе я прочел в газете обзор фильма Джеки Чана, в котором обозреватель жаловался, опять сильно раздражаясь, что не смог понять диалоги. (Подсказка обозревателю: привлекательность фильмов Джеки Чана состоит не в качестве текста). Я читал и слышал о похожих жалобах на следующие фильмы и их отрывки: «Тайны и ложь», «Моя левая нога», «Обязательства», «Блеск», «Мелкая могила» — безусловно, почти на все фильмы, пришедшие из говорящего не-по-американски мира.

Я мог бы продолжать бесконечно, но, увы, мой лимит исчерпан, и я чувствую, как вы не можете дождаться новостей по приемнику, чтобы послушать о результатах повторных выборов в Бельгии. Тем временем я собираюсь смотреть британские новости как можно внимательнее. Но хотел бы попросить только об одном. Если Маргарет Тэтчер вдруг покинет свой пост, дайте мне знать. И прекратите, пожалуйста, радио называть приемником.

Революция подстаканников

Меня заверили, что это правда.

Один человек звонит по телефону технической поддержки и жалуется, что его держатель для чашки на компьютере отломался, и он хотел бы знать, как прикрепить его обратно.

— Держатель для чашки? — озадаченно переспрашивает сотрудник техподдержки. — Простите, сэр, я не понимаю. Вы купили этот держатель на компьютерной выставке или получили в подарок?

— Нет, это входило в стандартный набор комплектации моего компьютера.

— Но наши компьютеры не поставляются с держателями для чашек.

— Ну прости, друг, видимо, поставляются, — немного резко отвечает клиент. — Я сейчас на него смотрю. Ты нажимаешь кнопку на панели, и он выдвигается вперед.

Как выяснилось, он использовал лоток CD для того, чтобы ставить на него свой кофе.

Я упомянул эту историю в качестве вступления для темы этой недели: подстаканники. Не знаю, существуют ли они в Великобритании, но если нет, поверьте мне, страна на пути к этому. Подстаканники завоевывают мир.

Если вы не знакомы с этим приспособлением, поясню: это маленькие подносы, подставки или другие плоские предметы с углублением для чашки или стакана, которые можно найти во многих местах каждого современного американского автомобиля. Часто они располагаются на задних сиденьях или встроены в подлокотники кресел, однако, поскольку они зачастую встроены весьма искусно, вам никогда не придет в голову искать специальное устройство, на которое можно поставить напиток. В общем, по моему опыту, если вы нажмете незнакомую кнопку в американском автомобиле, она либо запустит дворники на заднем стекле, которые будут натужно тереть стекло каждые шесть секунд до конца ваших дней, причем не важно, что вы будете предпринимать, чтобы их остановить, либо заставит выдвинуться, приподняться, выпасть или каким-либо другим способом загадочно войти в вашу жизнь держатель для чашки.

В наши дни почти невозможно преувеличить важную роль держателей для чашек в американской автомобильной промышленности. «Нью-Йорк таймс» только что выпустила длинную статью, в которой рассказано о

тестировании дюжины семейных автомобилей. Все они сравнивались между собой по десяти основным критериям, таким как размер двигателя, багажное отделение, управляемость, качество подвески и, конечно же, количество подстаканников. Один наш знакомый автодилер сказал, что это первое, на что люди обращают внимание, о чем в первую очередь спрашивают и что сразу проверяют, когда приходят посмотреть автомобиль. Люди покупают машины из-за держателей для чашек. Почти все рекламные объявления ярко выделяют подстаканники в тексте.

Некоторые автомобили, такие как последняя модель «Додж караван», выходят в свет с семнадцатью подстаканниками. Семнадцатью! Самый большой «Караван» может вместить до семи пассажиров. Не нужно быть ядерным физиком, да и просто чересчур внимательным, чтобы подсчитать, что в таком случае на одного пассажира приходится по 2,43 держателя. Зачем, можете вы справедливо спросить, каждому пассажиру в автомобиле по 2,43 подстаканника? Хороший вопрос.

Американцы, и это правда, поглощают в хорошем смысле шокирующий объем жидкостей. На одной из наших местных бензозаправочных станций, как мне сказали, продают ароматизированный сладкий напиток под названием «Слэрпи» в контейнерах объемом до 1,7 литра. Это три английские пинты отвратительного вещества, от которого язык становится синего цвета. Но даже если бы каждый член семьи налил «Слэрпи» и собственную бутылку молочка магнезии, чтобы справиться с последствиями, все равно осталось бы три свободных держателя для чашек.

Существует старая традиция заполнения интерьера американских автомобилей множеством гаджетов и новинок, и я думаю, что изобилие держателей для чашек — просто дань традиции.

Причина, по которой американцы стремятся к комфорту в своих автомобилях, состоит в том, что они в них живут. Почти 94 % всех поездок из дома в Америке осуществляется на автомобиле. (В Англии эта цифра составляет 60 %, что довольно плохо.) Люди в Америке не берут машину, чтобы просто съездить в магазин, а берут ее, чтобы передвигаться между магазинами. Большинство компаний в Америке имеет собственные парковки, так что любой работник, выполняющий шесть поручений, может порой уехать и приехать на одно и то же место парковки шесть раз, даже если ему нужно попасть в пару мест на противоположной стороне улицы.

В Соединенных Штатах 200 миллионов автомобилей — это 40 % от общего числа автомобилей во всем мире при 5 % мирового населения, — и еще 2 миллиона новых машин появляются на дорогах каждый месяц (хотя

очевидно, что многие отправляются на пенсию). Даже если так, в Америке вдвое больше автомобилей, чем двадцать лет назад, и они катаются на возросшем вдвое числе дорог, накапливая в пробеге вдвое больше миль.

Так что американцам нравится комфорт, у них много машин, в которых они проводят много времени. Однако есть предел тому, сколько сложных приспособлений можно встроить в автомобильный салон. Что лучше, чем украшать салоны щегольскими держателями для чашек, особенно когда люди, похоже, ими увлеклись? Это моя теория.

Истинная правда то, что те, кто не встраивают подстаканники в автомобили, совершают большую ошибку. Пару лет назад я прочел, что «Вольво» именно по этой причине пришлось изменить комплектацию всех своих моделей для американского рынка. Инженеры «Вольво» наивно предполагали, что первым делом покупатель смотрит на надежный двигатель, защиту от боковых ударов и подогрев сидений, когда на самом деле они обожают маленькие подставки, на которых можно разместить свой «Слэрпи». Поэтому ребята по имени Нильс Нильссон и Ларе Ларссон занялись проектированием подстаканников, и «Вольво», таким образом, была спасена если не от финансового краха, то от позора.

Из всего вышесказанного мы можем сделать важный вывод — как ни старайся, просто невозможно заполнить колонку лишь дискуссией о подстаканниках.

Так что позвольте рассказать, как мне удалось узнать, что тех ребят из «Вольво» звали Нильс Нильссон и Ларе Ларссон.

Несколько лет назад я был в Стокгольме и однажды вечером, не найдя более интересного занятия (понимаете, это было после 7 вечера, так что до начала ночной жизни в городе оставалось еще много времени), провел несколько часов до отхода ко сну, лениво листая местный телефонный справочник и считая имена. Я слышал, что в Швеции всего несколько фамилий, и это абсолютная правда. Я насчитал более двух тысяч Эрикссонов, Свенссонов, Нильссонов и Ларссонов. Там так мало имен (я должен это сказать — может быть, шведы настолько скучный народ), что многие люди использовали одно и то же имя дважды. В Стокгольме 212 человек по имени Эрик Эрикссон, 117 Свенов Свенссонов, 126 Нильсов Нильссонов и 259 Ларсов Ларссонов. Я записал эти имена и цифры на листке бумаги и все эти годы гадал, где смогу их использовать.

И здесь, думаю, мы можем сделать два следующих вывода. Храните все клочки бумаги с бесполезной информацией, потому что однажды вы будете рады тому, что это сделали, а если поедете в Стокгольм, закажите выпивку.

Как заполнять налоговую декларацию

Прилагаю форму 1040-ES OCR Федеральной налоговой службы США образца 1997 года: «Расчет приблизительного налога для индивидуальных предпринимателей». Эту форму можно использовать, чтобы оценить ваш текущий финансовый год, если:

Вы владелец домашнего хозяйства и сумма возраста вашей супруги и иждивенцев минус возраст ваших домашних животных (смотри график 12G) делится на целое число. (Используйте дополнительную таблицу 142C, если животные умерли, но похоронены на вашей территории.)

Ваш совокупный скорректированный доход не превышает ваш скорректированный совокупный доход (где применимо) и вы не выплачивали облагаемые налогом проценты по доходам от дивидендов до 1903 года.

Вы не претендуете на налоговые льготы за выплату налогов в других странах, кроме случаев подачи на «иностранные» налоговые льготы по кредиту. (Внимание: если вы подаете на налоговые льготы за выплату налогов в других странах, кроме тех случаев, когда имеются в виду иностранные «налоговые льготы по кредиту», вы можете быть оштрафованы на 125 000 долларов либо приговорены к 25 годам тюремного заключения.)

Вы принадлежите к одной из категорий: женат/замужем и подаете документы вместе; женаты/замужем и не подаете документы вместе; не женаты/ не замужем и не подаете документы вместе; работаете вместе, но подаете документы отдельно; другое.

Инструкция

Заполните все пункты чернилами, номер второй — графитовым карандашом. Не выходите за границы поля. Не используйте аббревиатуры или знаки повторения. Не делайте орфографических ошибок во фразе «прочие положения». Напишите свое имя, адрес и номер социального страхования, а также имя, адрес и номер социального страхования вашей супруги/супруга и иждивенцев, полностью на каждой странице дважды. Не ставьте галочку там, где надо ставить крестик, и не отмечайте крестиком поле, которое нужно отметить галочкой, если, конечно, вы не сгораете

желанием все начать с начала. Ни в одном из полей не пишите «не знаю». Не рисуйте.

Вначале заполните разделы с 47-го по 52-й, затем займитесь четными пунктами и завершите в обратном порядке. Не используйте эту форму, если общая сумма ваших субсидий и расходов на ренту превышает размер налоговой льготы по трудовому доходу либо наоборот.

В графе «доход» укажите размер своей зарплаты, чистого дохода, облагаемого налогами, из иностранных источников, авторских гонораров, чаевых, денежных вознаграждений, процентов, прибыли с капитала, воздушных миль, кружек пива, за которые было заплачено наличными, и денег, найденных за шкафом. Если ваши доходы полностью или частично вторичны или полностью или частично не первичны и поступают из других стран, помимо Соединенных Штатов (если не уверены, какие это страны, обратитесь к брошюре Информационного агентства США 212W «Страны, не являющиеся Соединенными Штатами»), либо ваш оборотный совокупный доход из таблицы Н больше, чем ваша налоговая льгота по трудовому доходу от чистых, не облагаемых налогом расходов, вы должны приложить отказ от прав арендодателя/цедента. При невыполнении этого условия налагается штраф в размере 1 500 000 долларов и забирается ваш ребенок.

В разделе 890f укажите размер фермерского дохода (если такового нет, объясните подробно). Если вы родились после 1 января 1897 года и вы не вдовец (вдова), включите дополнительные расходы в форс-мажорные обстоятельства и перенесите эти цифры с учетом девальвации в строку 27iii. Вы должны указать число индеек, отправляемых на убой для экспорта. Вычтите, но не списывайте, чистые совокупные дивиденды соразмерно выплатам по процентам, умножьте на общую длину вашего дома в шагах и перейдите к строке 356d.

В таблице F1001, строка C, перечислите содержимое вашего гаража. Включите все электрические и неэлектрические приборы в таблицу 295D, но не включайте электрические и неэлектрические приборы, не указанные в дополнительной форме 243d.

В «личных расходах» перечислите все расходы наличными дороже 1 доллара и приложите чеки. Если вы прошли курс лечения у дантиста и не требуете возмещения за утечку нефти, допущенную федеральными властями, внесите все размеры вашей обуви, начиная с рождения и заканчивая настоящим временем (только правая нога). Умножьте на 1,5 или 1319, эта цифра больше, и разделите показания строки 3f на 3d. В разделе 912g введите размер федерального денежного пособия на производство

люцерны, ячменя (но не сорго, если только не для домашнего использования) и охры, вне зависимости от того, получали вы его или нет. Если вы не укажете эти данные, штраф составит 3 750 000 долларов, а вы приговариваетесь к смертельной инъекции.

Если ваши дети являются иждивенцами, но не проживают с вами, или живут с вами, но не являются иждивенцами, либо являются иждивенцами и живут с вами, однако редко бывают дома и вы не обращаетесь за получением льготы на аренду морских судов водоизмещением больше 12 тыс. тонн (15 тыс. тонн, если вы родились на острове Гуам), вы должны заполнить и приложить форму на льготы на морские суда. При несоблюдении этого требования налагается штраф в размере 111 000 000 долларов и ядерная атака на маленькую нейтральную страну.

На страницах 924–926, строка D, впишите имена коммунистов или наркоманов, которых вы знаете лично. (При необходимости используйте дополнительные страницы.)

Если вы обладаете доходом от процентов с вкладов, ценных бумаг, облигаций на предъявителя, сертификатов на депозит или других фидуциарных инструментов, но не знаете размера вашей шляпы, заполните дополнительно таблицы 112d и 112f и приложите все смежные таблицы. (Но не высылайте таблоиды.) Приложите, но не объединяйте, текущие убытки от инвестиций в горнодобывающую промышленность, товарооборот и трансплантацию органов, разделите на общее число посещений мотелей в 1996 году и перейдите на любой незаполненный участок.

Если вы имеете непогашенные платежи на содержание наемных рабочих, плохо.

Для вычисления вашего приблизительного размера налога, сложите строки с 27-й по 964-ю, вычтите строки 45a и 699f из графика 2F (если цифра больше или меньше 2,2 % от среднего альтернативного минимального приблизительного размера налога за последние пять лет), умножьте на число оборотов двигателя вашего автомобиля, когда он застрял на дороге в гололед, и добавьте 2. Если показатель строки 997 меньше показателя строки 998, начните все сначала. В графе «налоговое обязательство» напишите очень большую цифру.

Оплатите чек для «Налоговой службы США и Республики, которую она поддерживает» и отметьте их доброжелательное отношение к ничтожному белокожему. На обратной стороне чека напишите номер вашего удостоверения социального страхования, идентификационный номер налогоплательщика, КПП налоговой службы, номер зоны

подъединицы регионального офиса налоговой службы (если вы не подали уведомление T/45 об исключении из этой зоны), укажите сексуальную ориентацию и название любимых сигарет и отправьте все это по адресу:

Налоговая служба Соединенных Штатов Америки

Центр принятия и распределения налогов

Здание D/строение C78

Кабинет 900

Нижняя зона 12

Ящик 132 677-02

Полка 2, которая находится на полпути назад Город
федерального значения Штат Мэриленд, 10 001.

Если у вас есть вопросы о подаче документов или нужна помощь, звоните 1-800-ЗАНЯТС). Спасибо и счастливого 1998 года. Несоблюдение этого требования карается штрафом в размере 125 тысяч долларов и длительной прогулкой к холодильнику.

Внимание: обо всех весельчаках будет доложено куда следует

В одном из баров нашего милого, аккуратного и небольшого городка в Нью-Гэмпшире, в котором я живу, недавно поставили маленькие таблички, на которых обычно предлагают заказать бокал пинаколады по специальной цене или с надписью типа «Заходите к Чипу и Тиффани каждый день в счастливый час».

Однако на этих табличках значилось отнюдь не гедонистическое предложение принять в чем-либо участие, а следующее: «Мы с большой ответственностью относимся к нашим гостям. Поэтому мы вводим политику ограничения количества напитков для каждого клиента до трех. Спасибо за понимание и сотрудничество».

Когда бармен (причем в таком университетском городке, как наш) начинает говорить, что вам пора удалиться после трех бутылок пива — а это около полутора английских пинт, — вы понимаете, что что-то не так. Как видите, проблема не в том, что народ в Ганновере позорит сам себя. Проблема в том, что они могли бы веселиться на уровне выше среднего, что считается приемлемым в обществе в тяжелый век, в который мы живем.

Г. Л. Менкен однажды назвал пуританство «навязчивым страхом, что кто-то где-то может быть счастлив». Он произнес это семьдесят лет назад, однако до сих пор, как и в те времена, это правда. Повсюду в Америке, куда бы вы ни повернулись, вы сталкиваетесь со странной и настойчивой заботой о вашей персоне, как на этих бессмысленных новых табличках в местном баре.

Самое главное — что эти таблички в любом случае абсолютно бесполезны. К собственному разочарованию, я узнал, что когда американский приятель приглашает тебя выпить кружечку пива, то он имеет в виду именно кружечку пива. И вы осторожно потягиваете свою кружку сорок пять минут, пока пиво не кончится, а затем ваш друг говорит:

— Эй, это было здорово. Давай повторим еще разок в следующем году.

Я не знаю никого — никого, кто бы был настолько дерзок, чтобы выпить три напитка за одно посещение. Все, с кем я знаком, почти не пьют, никогда не прикасаются к табаку, следят за своим холестерином, будто они ВИЧ-больные, бегают рысцей до Канады и обратно дважды в день и рано

ложатся спать. Сегодня все это чрезвычайно важно, и я знаю, что они переживут меня на несколько десятков лет, однако это не так уж здорово.

Американцы в наши дни находят самые необычные причины для беспокойства. Газетные обзоры фильмов, к примеру, почти всегда заканчиваются абзацем, в котором отмечено, что в данном фильме может вызвать у зрителей отрицательные эмоции — жестокость, сексуальные сцены, грубые выражения и так далее. В принципе, это выглядит достаточно резонно, но примечательны те пункты, которые газеты считают достойными упоминания. «Нью-Йорк таймс» недавно подвела итог обзору нового фильма Чевы Чейза мрачным предупреждением: «„Каникулы в Лас-Вегасе“ получили статус „Только с родителями“». Помимо сексуального подтекста, в нем есть сцены с гремучими змеями и азартными играми».

О нет, спасибо, тогда вычеркиваем.

Тем временем «Лос-Анжелес таймс» предупреждает своих читателей, что «Лучше не бывает» содержит кадры с «грубыми выражениями и элементами грубости» (чем бы те ни были), а «Мышиная охота» содержит «драки, похотливый юмор и выражения». Не «грубые выражения» или «непристойные выражения», а просто «выражения». Боже мой, подумайте только. Выражения в фильме! Не считая драк. А я уже хотел повести детей в кино!

Короче, в этой стране активно и бессмысленно беспокоятся почти обо всем на свете. Книжные магазины и списки бестселлеров заполнены книгами типа «Соскальзывание в Гоморру» Роберта Борка, в которой предполагается, что Америка находится на грани катастрофического морального падения. Среди буквально сотен поводов для тревоги Борк особо выделяет «злобную активизацию феминизма, гомосексуализма, инвайронментализма [и] сторонников прав животных». Я вас умоляю.

То, что в других странах едва ли вызовет хоть какое-то волнение, здесь рассматривается как почти губительная распущенность. Одну женщину в городе Хартфорд, штат Коннектикут, недавно чуть не арестовали, когда охранник увидел, как она кормит грудью своего малыша — имейте в виду, осторожно, с детским одеяльцем через плечо и сидя спиной ко всему миру — в своей машине, на дальнем углу парковки ресторана. Она вышла из ресторана и пошла к своей машине покормить ребенка, потому что там она могла бы уединиться — но, видимо, недостаточно хорошо. Должно быть, кто-то с биноклем заметил, что она делает, и можете представить последствия такого поступка в стабильном и порядочном обществе.

Тем временем в Боулдере, штат Колорадо, в котором один из самых строгих в Америке законов против курения (то есть они просто вас

застрелят), один актер в любительской постановке также едва не был арестован, уж поверьте, за курение сигареты на сцене во время представления, как того требовала роль. Курение, конечно же, в наши дни запретное действие. Зажгите сигарету где угодно в Америке — и на вас посмотрят как на отверженного. Закурите в помещении в публичном месте, и, скорее всего, вас тут же выметет оттуда фаланга службы охраны.

Во многих штатах — Вермонте и Калифорнии, если назвать хотя бы два, — законы объявляют курение практически в любом помещении, кроме частных владений, а зачастую и на улице, незаконным. Сейчас я полностью против курения, однако все чаще запреты переходят в истерику. Одна компания в Нью-Гэмпшире только что объявила, что работник, которого подозревают в том, что он выкурил сигарету раньше, чем за сорок пять минут до прихода на работу, подлежит увольнению, даже если он курил в собственном доме в свое свободное время сигареты из материалов, одобренных правительством.

Но самое удивительное то, что даже молодежь добровольно отказывается от веселья. Меня глубоко поразила недавно статья в «Бостон глоуб», месяц назад, в которой говорилось, что два студенческих братства — клуба при общежитии — запретили алкогольные напитки любого рода для членов организаций.

Если какого-нибудь студента заметят на территории университета с банкой пива — причем не важно, что он, возможно, совершеннолетний и имеет право ее купить и выпить, — он будет тут же отчислен, а если само братство посмеет организовать вечеринку с целой каплей шерри, оно будет тут же закрыто без права на апелляцию.

Когда я был молодым, главной задачей братства было поддерживать активную деятельность американских пивоварен. Вы могли судить о качестве братства по количеству тел на лужайке в субботний вечер. Сейчас я не выступаю за невоздержанное употребление алкоголя в университетах (на самом деле выступаю, но давайте притворимся, что нет). Но представить, что группа студентов не может распить пару бутылок пива в выходной, или после победы в важном матче, или после выпускных экзаменов, или, да что за дела, когда бы им ни захотелось, — нет, невозможно. Это абсурдное пуританство.

Что удивительно, все, кроме одного, из опрошенных студентов заявили, что им нравится нововведение.

— Вероятно, пришло время для такой политики, как эта, — заявил один самодовольный молодой стипендиат Массачусетского технологического института, который, по моему мнению, заслуживает

хорошей порки.

Назовите меня бессердечным, но я надеюсь, что следующий фильм, который он посмотрит, будет содержать сцены с гремучими змеями, азартными играми, элементами грубости и выражениями, чтобы вывести его из комы. Разве это не пойдет ему на пользу?

Выясняем штат

Мой отец, как все отцы, которые время от времени, похоже, участвовали в конкурсе на звание самого большого зануды, когда я был маленьким, имел привычку называть и рассказывать о штатах происхождения всех попадавших на трассе автомобилей.

Думаю, вы знаете, что в Америке каждый штат выпускает свои номерные знаки, так что с первого взгляда можно определить, откуда та или иная машина. Вот мой отец и делал тонкие наблюдения, вроде: «Смотрите-ка, еще одна машина из Вайоминга. Уже третья за утро» и «Миссисипи. Интересно, что он вообще здесь делает?» Затем он оборачивался в надежде, что кто-нибудь из нас захочет развить тему, но никто никогда его не поддерживал. Он мог продолжать так весь день, что и делал.

Однажды я написал добрую комичную историю о старичке, обладающем множеством интересных и необычных талантов, проявляющихся за рулем автомобиля, — способностью непременно заблудиться в любом городе, ездить по встречной по односторонней улице так часто, что в конце концов люди выходят и смотрят на него с порогов своих домов, или провести целый вечер наматывая круги вокруг удивительного парка или какой-либо иной достопримечательности, так и не обнаружив вход. Один из моих детей-подростков недавно прочел впервые эту книгу, пришел с ней на кухню, где жена готовила ужин, и произнес фразу, которая звучала как поразительное открытие:

— Так это же наш папа.

Он имел в виду, конечно же, меня.

Должен признать, он прав. Я стал как мой отец. Я даже читаю автомобильные номера, хотя большой интерес вызывают у меня слоганы: многие штаты, видите ли, пишут на номерах какие-нибудь милые фразы или дают краткую информацию вроде «Родина Линкольна» (Иллинойс), «Штат развлечений» (Мэн), «Солнечный штат» (Флорида) или невероятно глупое «Береговая сторона» (Нью-Джерси).

Мне нравится острить и комментировать эти слоганы, поэтому, когда, к примеру, мы видим знак Пенсильвании «У тебя есть друг в Пенсильвании», я поворачиваюсь к пассажирам и спрашиваю обиженно:

— Тогда почему он мне не звонит?

Однако, кроме меня, никому больше не нравится столь отличный

способ коротать время длительной поездки.

Что интересно — ну, может быть, на самом деле не интересно, однако факт, — многие штаты выдают абсолютно бессмысленные слоганы. Я никогда не понимал, о чем думали люди, когда называли Огайо «Каштановым штатом», и не имею ни малейшего представления, что имели в виду, называя Нью-Йорк «Имперским штатом». Насколько я знаю, Нью-Йорк прославился многим, бесспорно, однако заморских владений у него никогда не было.

Индиана тем временем называет себя «Штатом дураков» уже 150 лет. Никому не удалось до сих пор найти разумное объяснение (возможно, потому, что кому какое дело?) происхождению этого названия, хотя, по своему опыту, могу сказать, что если упомянуть об этом в книге, то 250 человек из Индианы напишут 250 разных объяснений и выразят единодушное мнение, что вы болван.

Похоже, нам преподносят урок: Соединенные Штаты, скорее, не страна, а собрание пятидесяти небольших независимых государств, и вы, на свой страх и риск, забываете об этом, путешествуя между штатами. Нас словно возвращают к временам создания федерального правительства после Войны за независимость, когда бывшие колонии не доверяли друг другу. Чтобы угодить всем, штатам предоставили множество полномочий. Даже сегодня каждый штат контролирует все, что касается частной жизни — где, когда и с какого возраста вы можете употреблять спиртные напитки, имеете ли вы право на ношение оружия под полкой, можете ли вы покупать фейерверки или играть в азартные игры, с какого возраста вы можете сесть за руль, будете ли вы приговорены к электрическому стулу, смертельной инъекции или нет и что нужно сделать, чтобы вляпаться в такую историю, и так далее.

Если я выеду на автомобиле из Ганновера и поеду вдоль Коннектикут-ривер в Вермонт, я незамедлительно стану субъектом как минимум 500 совершенно разных законов. Я должен буду, помимо всего прочего, пристегнуться ремнем безопасности, получить лицензию на случай, если мне захочется заняться зубоврачебной деятельностью, и забыть об установке придорожных рекламных щитов, потому что Вермонт — один из двух штатов, где реклама на шоссе незаконна. С другой стороны, я могу безнаказанно иметь при себе ружье, а если меня арестуют за вождение в нетрезвом виде, я имею право отказаться сдавать кровь на анализ.

Так как я, в любом случае, всегда пристегиваюсь ремнем безопасности, у меня нет ни ружья, ни малейшего желания засовывать пальцы кому-либо в рот, даже за хорошие деньги, все эти законы меня не

касаются. Однако в других штатах различия между местными законами могут быть серьезными и даже пугающими.

Штаты сами решают, чему можно и нельзя учить в школах, а во многих случаях, в частности на Юге, школьная программа не должна противоречить местным религиозным взглядам. В Алабаме, к примеру, незаконно объяснять эволюционную теорию, так как это не что иное, как «недоказанная гипотеза». Все учебники по биологии должны содержать примечание следующего характера: «В этом учебнике обсуждается теория эволюции, спорная теория, которую некоторые ученые позиционируют как научное объяснение происхождения живых видов». По закону учителя должны уделить не меньшее внимание утверждению, что Земля была создана за семь дней и всему на ней — ископаемым, угольным месторождениям, костям динозавров — не более 7500 лет. Я не знаю, какой слоган Алабама ставит на свои номерные знаки, но «Горды отставанием», кажется, звучит что надо.

Впрочем, не мне пенять, поскольку Нью-Гэмпшир сам имеет несколько устаревших законов. Это единственный штат, который отказывается отмечать день памяти Мартина Лютера Кинга (конечно, он же общался с коммунистами!), и один из двух, который не гарантирует по меньшей мере несколько основных прав геев. Что еще хуже, в этом штате самый сумасшедший слоган на номерных знаках, странный и агрессивный: «Живи свободным или умри». Возможно, я воспринимаю его слишком буквально, однако мне действительно не нравится ездить на машине с недвусмысленным призывом покончить с собой, если что-то пойдет не так. Я бы с большим удовольствием предпочел что-нибудь более уклончивое и менее смертельное — «Живи свободным или надейся», может быть, или «Живи свободным, если тебе все равно, то огромное спасибо».

С другой стороны, Нью-Гэмпшир — единственный штат, который гарантирует в своей конституции право людей восставать и свергать правительство. Я не собираюсь пользоваться этой возможностью, вы понимаете, но чувствуешь определенный комфорт из-за того, что такая возможность есть, особенно если сверху начнут устраивать неразбериху в наших школьных учебниках.

Война с наркотиками

Только что я узнал от одного старого приятеля из Айовы, что если вас уличат в употреблении одной-единственной дозы ЛСД в моем родном штате, вы непременно получите семь лет тюрьмы без права на досрочное освобождение.

И не важно, что вам, скажем, восемнадцать лет и вы всегда были законопослушным гражданином, не важно, что это разрушит всю вашу жизнь, что каждый год вашего содержания в тюрьме обойдется государству в 25 тысяч долларов. Не важно, что, возможно, вы даже не знали, что это ЛСД — потому что приятель положил наркотик в бардачок вашей машины без вашего ведома, или, возможно, он увидел, как полицейский входит на вечеринку, и сунул пакетик вам в руку до того, как вы успели отреагировать. Не имеют значения никакие смягчающие обстоятельства, каковы бы они ни были. Это Америка 1990-х и, когда дело касается наркотиков, никаких исключений быть не может. Простите, но так оно и есть. Следующий!

Практически невозможно преувеличить уровень жестокости, с которым Соединенные Штаты преследуют преступников-наркоманов. В пятнадцати штатах вы можете быть приговорены к пожизненному заключению, если у вас обнаружат кустик марихуаны. Ньют Гингрич, спикер нижней палаты парламента, недавно предложил, чтобы любого, кто провезет в США не менее двух унций марихуаны, приговаривали к пожизненному заключению без права на досрочное освобождение. Всякий, кого поймут с более чем двумя унциями марихуаны, будет осужден. Закон с такими условиями в настоящее время проходит обсуждение в Конгрессе.

По данным 1990 года, 90 % всех людей, впервые пойманных за наркотики, федеральными судами приговаривались в среднем к пяти годам тюремного заключения. Лица, впервые судимые за насильственные преступления, для сравнения, заключались в тюрьму реже и получали в среднем четыре года. Другими словами, вероятность того, что вы попадете в тюрьму, столкнув старушку с лестницы, меньше, чем если вас поймут с дозой запрещенного препарата. Назовите меня слабоумным, но это мне кажется слегка неразумным.

Пожалуйста, поймите, я ни в коем случае не собираюсь защищать наркотики. Я признаю, что они могут доставить большие неприятности. У меня есть один старый школьный приятель, который где-то в 1977 году

слишком часто уходил в другую реальность с ЛСД и с тех пор сидит в кресле-качалке на веранде родительского дома, изучая обратную сторону ладоней и хихикая сам с собой. Так что я знаю, до чего могут довести наркотики. Я просто не дошел еще до такой степени просветления, когда кажется уместным приговорить кого-то к смерти за тупость.

Не многие мои соотечественники согласились бы со мной. Большинство американцев сгорают от явного и страстного желания засадить всех наркоманов за решетку и готовы добиваться этого любой ценой. Жители Техаса только что проголосовали против предложения выделить 750 миллионов долларов на строительство новых школ, но единодушно высказались за строительство новых тюрем стоимостью 1 миллиард долларов, в которые попадут в основном люди, приговоренные за преступления, связанные с наркотиками.

Число содержащихся в тюрьмах Америки выросло с 1982 года более чем вдвое. В тюрьмах США сейчас содержится 1 630 000 человек. Это больше, чем проживает во всех городах США, кроме трех крупнейших. Шестьдесят процентов федеральных заключенных отбывают срок за преступления, не связанные с насилием, большинство за наркотики. Американские тюрьмы переполнены мелкими, неопасными для общества преступниками, чья главная вина — слабость к нелегальным веществам.

Поскольку за большинство преступлений, связанных с наркотиками, выносят обязательный приговор, исключающий возможность досрочного освобождения, других заключенных приходится выпускать на свободу досрочно, чтобы освободить места для многочисленных преступников, пойманных на наркотиках. В результате в среднем в США пойманному убийце сейчас «светит» менее шести лет тюремного заключения, насильнику — всего пять. Более того, однажды выпущенный на свободу, убийца или насильник тут же получает денежное пособие, продовольственные талоны и другую поддержку со стороны государства. Приговоренный наркоман, не учитывая, насколько отчаянными последствиями может обернуться заключение, никогда в жизни не получит никаких льгот.

Преследования не заканчиваются. Мой друг из Айовы однажды провел четыре месяца в местной тюрьме за преступление, связанное с наркотиками. Это было почти двадцать лет назад. Он отбыл свой срок и с тех пор ни разу не притрагивался к наркотикам. Недавно он подал заявление о приеме на временную работу в Почтовую службу на место сортировщика писем по праздникам — в составе армии временных работников, которых набирают каждый год для разборки рождественской

почты. Он не только не смог устроиться на эту работу, но через неделю или около того получил официальное письмо, угрожавшее тюремным заключением за то, что он не указал в заявлении о поступлении на работу свое греховное прошлое.

Почтовая служба не поленилась проверить анкетные данные людей, подававших заявления на временную работу по сортировке почты! Видимо, это полагается делать в обязательном порядке — но только в отношении наркотиков. Если бы мой приятель убил свою бабушку или изнасиловал свою сестру двадцать пять лет назад, он бы, скорее всего, эту работу получил.

И становится все хуже. Власти могут конфисковать имущество, если вы, даже сами того не подозревая, умудрились связаться с наркотиками. В Коннектикуте, как сообщается в последней статье «Атлантик мансли», федеральный обвинитель Лесли С. Охта создала себе имя, конфискуя имущество у всех подряд, в том числе у восьмидесятилетней пары, чей внук продавал марихуану прямо из своей спальни. Старики понятия не имели о том, что их внук держит марихуану дома (позвольте повториться: им было по восемьдесят лет), и, конечно, ничего не могли поделать. В любом случае, они потеряли свой дом. (Вскоре после этого восемнадцатилетний сын Охты был арестован за торговлю ЛСД из автомобиля матери; также он обвинялся в торговле наркотиками из ее дома. Потеряла ли прелестная миссис Охта свой дом и машину? Черта с два. Ее просто перевели на другую должность.)

Самое печальное в этой неистовой мстительности — то, что она попросту не эффективна. Америка тратит 50 миллиардов долларов в год на борьбу с наркотиками, однако же наркотики продолжают употреблять, как и прежде. Отчаявшееся государство принимает все более суровые законы, и мы не оказываемся в нелепой ситуации, когда спикер нижней палаты парламента всерьез предлагает сажать людей — привязывать ремнями к каталке и губить их жизни — за эквивалент двух бутылок водки, и никто даже не пытается ему возражать.

Я бы предложил два варианта решения проблемы. Во-первых, я бы признал преступлением быть Ньютом Гингричем. Это не помогло бы улучшить ситуацию с наркотиками, зато мне стало бы легче. Затем я бы взял большую часть тех 50 миллиардов долларов и потратил их на реабилитацию и профилактику. Часть средств можно было бы использовать на то, чтобы свозить юнцов на одну веранду в Айове, чтобы они посмотрели на моего школьного приятеля. Я уверен, это убедило бы большинство из них никогда больше не прикасаться к наркотикам. И это

однозначно менее жестоко и бессмысленно, чем попытки засадить их за решетку до конца их дней.

Почему никто не ходит пешком

Я вам скажу, только вы должны пообещать, что это останется между нами. Вскоре после того, как мы сюда переехали, мы пригласили на ужин семью, живущую в соседнем доме, и — я клянусь, это правда — они приехали на машине.

Я был поражен (помню, в шутку спросил их, используют ли они частный самолет, чтобы добраться до супермаркета; невинный вопрос вызвал недоуменные взгляды и мысленное вычеркивание моего имени из всех будущих пригласительных списков), но с тех пор я понял: нет ничего странного в том, что они приехали на машине, вместо того чтобы пройти пару сотен футов пешком к нашему дому. Сегодня в Америке никто не ходит пешком.

Один исследователь из Калифорнийского университета в Беркли недавно изучил национальные привычки передвижения и пришел к выводу, что 85 % людей в Соединенных Штатах ведут «фактически» сидячий образ жизни, а 35 % — «абсолютно» сидячий. Средний американец проходит пешком менее 75 миль в год — это около 1,4 миль в неделю, едва ли 350 ярдов в день. Мне самому не чужда лень, однако это поразительно мало. Я прохожу больше миль только в поисках пульта дистанционного управления.

Одним из наших пожеланий, когда мы переезжали в Америку, было жить в городе, в котором до любого магазина можно дойти пешком. Ганновер, где мы поселились, — типичный для Новой Англии университетский городок, приятный, спокойный и небольшой. Здесь есть широкая зеленая старомодная Мэйн-стрит, милые здания колледжа с широкими лужайками и засаженные деревьями улицы жилых кварталов. В общем, это приятное место для прогулок. Почти каждый в городе живет в пяти минутах ходьбы от какого-нибудь магазина, и все же, насколько я знаю, никто пешком не ходит.

Почти каждый день, когда я дома, я хожу в город пешком. Я иду на почту, или в библиотеку, или в местный книжный магазин, а иногда, в особо благожелательном расположении духа, я захожу в кафе «Росси Джекс» на чашечку капучино. Приблизительно каждые несколько недель я звоню в парикмахерскую и позволяю одному из этих ребят сделать с моей головой что-нибудь неожиданное и оригинальное. Все это занимает большую часть моей жизни, и я не хотел бы перемещаться по городу иначе

чем пешком. Люди уже привыкли к столь удивительному и эксцентричному поведению с моей стороны, а первое время, когда я гулял по соседству, они останавливались на обочине и спрашивали, не подкинуть ли меня куда-нибудь.

— Но нам по пути, — настаивали они, когда я вежливо отказывался. — Правда, нам не сложно.

— Честно, мне нравится ходить пешком.

— Ну, если вы точно уверены... — говорили они и неохотно отъезжали, будто покидая место дорожного происшествия.

Люди настолько привыкли повсюду ездить на автомобилях, что им даже не приходит в голову воспользоваться своими врожденными способностями к ходьбе. Иногда доходит до смешного. Как-то я был в соседнем городке под названием Этна, ожидал ребенка с занятий фортепиано, чтобы отвезти домой; у здания местного почтового отделения остановился автомобиль, и мужчина приблизительно моего возраста выскочил из него и ринулся вовнутрь (оставив машину заведенной — еще один факт, который сильно меня беспокоит). Внутри он провел минуты три или четыре, затем вышел, залез в машину, отъехал где-то на 16 футов (я не поленился измерить расстояние шагами) до соседней двери универсама и снова выскочил, оставив мотор работать.

Самое интересное то, что мужчина был вполне спортивного телосложения. Я уверен, он бегает по утрам на поразительные расстояния, играет в сквош и делает кучу разнообразных полезных упражнений, но я также уверен, что до каждого спортзала он ездит на машине. Это дикость. Одна наша знакомая как-то жаловалась, как сложно найти место для парковки возле местного спортзала. Она ходит туда несколько раз в неделю, чтобы позаниматься на беговой дорожке. Спортзал находится, самое дальнее, в шести минутах ходьбы от входной двери ее дома. Я спросил ее, почему бы ей не ходить пешком до спортзала и заниматься на беговой дорожке на шесть минут меньше.

Она посмотрела на меня так, будто я безнадежно глуп, и ответила:

— Но моя беговая дорожка запрограммирована. Она записывает пройденное расстояние и скорость, и я могу установить ее на необходимый уровень сложности.

Мне даже не пришло в голову, насколько бездумным и неадекватным было мое замечание.

Как сообщается в последнем, настораживающем и слегка пугающем выпуске «Бостон глоуб», Соединенные Штаты тратят менее 1 % дорожного бюджета стоимостью 25 миллиардов долларов на улучшение условий для

пешеходов. На самом деле я даже удивлен, что так много. Посетите почти любой пригород, возникший за последние тридцать лет — таких сейчас тысячи на выбор, — и вы нигде не найдете тротуаров. Зачастую вы не найдете и ни одного пешеходного перехода. Я не преувеличиваю.

Прошлым летом я вернулся с этой мыслью домой после того, как мы ехали по штату Мэн и остановились попить кофе в одной из бесчисленных зон с торговыми центрами, мотелями, бензозаправками и ресторанами быстрого обслуживания, которых развелось в Америке в наши дни великое множество. Я заметил один книжный магазин на другой стороне улицы и решил вместо кофе заглянуть туда. Мне нужна была определенная книга, и, кроме того, я посчитал, что этим дам жене немного времени, которое она качественно потратит на общение с четырьмя упрямыми и перевозбужденными детьми.

Несмотря на то что магазин был не дальше чем в 50 или 60 футах от кафе, я пришел к выводу, что добраться туда пешком нет никакой возможности. Переезд для автомобилей — пожалуйста, но никаких перспектив для пешеходов, никакой возможности перейти улицу без необходимости уворачиваться от трех полос мчащегося транспорта. Мне пришлось забраться в автомобиль и пересечь улицу таким образом. В тот момент, помнится, я злился, но позже понял, что, вероятно, я был единственным человеком, который когда-либо забавлялся рассуждениями на тему пешеходных переходов.

На самом деле американцы не только никуда не ходят пешком, они и не будут никуда ходить. Горе тем, кто попытается их заставить; один городок, здесь, в Нью-Гэмпшире, под названием Лакония, уже серьезно поплатился. Несколько лет назад Лакония потратила 5 миллионов долларов, благоустроявая центр города для пешеходов, чтобы сделать шопинг приятным развлечением. С эстетической точки зрения это был триумф — отовсюду съехались архитекторы, чтобы восхищаться и фотографировать; а вот с точки зрения коммерции проект оказался катастрофой. Вынужденные ходить пешком целый квартал от парковки, покупатели променяли центр Лаконии на пригородные торговые центры.

В 1994 году Лакония убрала аккуратные пешеходные дорожки, выложенные кирпичом, скамейки и клумбы с геранью и декоративными деревьями и вернула улице прежний вид. Теперь горожане снова могут парковаться прямо напротив магазина, и центр Лаконии снова процветает. И если эта история не печальна, я не знаю, что может быть грустнее.

Садоводство с моей женой

Сегодня я собираюсь управиться поскорее, потому что сегодня воскресенье, погода великолепна и миссис Брайсон набросала амбициозный план работы в саду. Что хуже, она одета в то, что я нервно называю девизом бренда «Найк», который гласит: «Просто сделай это».

Не поймите меня неправильно. Миссис Брайсон — редкое и очаровательное создание, и мне положительно необходимы порядок и контроль, но когда она достает блокнот и карандаш и пишет ужасный заголовок «Список дел» (решительно подчеркивает несколько раз) — тут сразу понимаешь, что время до понедельника будет тянуться бесконечно.

Мне нравится работать в саду — в сочетании бездумной активности и постоянного выкапывания червей что-то есть, и мне это в каком-то смысле по душе; но, если честно, я не очень люблю возиться в саду с женой. Видите ли, проблема в том, что она англичанка и поэтому способна наводить на меня ужас. Она запросто может спросить что-нибудь вроде: «Ты срезал наросты на гвоздике китайской?» Или: «Ты не забыл проверить уровень секвестрена у флокса шиповидного?»

Все британцы так делают, а я нахожу это ужасным. Даже теперь я помню свое изумление, когда впервые, много лет назад, прослушал «Время вопросов садоводов» и с тихим ужасом осознал, что нахожусь в недрах нации, которая не только знает и понимает, что такое ложномучнистая роса, грушевая тля-листокрутка, оптимальный уровень pH, и видит разницу между кореопсисом мутовчатым и кореопсисом многоцветковым, но и на самом деле интересуется длительными и оживленными дискуссиями на подобные темы.

Я родом из тех мест, где тебя считают великим садовником, если ты можешь вырастить кактус на подоконнике, так что мой собственный подход к садоводству был всегда менее чем научным. Мой метод, который на самом деле работает довольно хорошо, — обращаться как с сорняками со всем, что не зацветет к августу, и посыпать остальное костной мукой, металлической крошкой и всем, что найдется возле гаража. Один или два раза за лето я собираю канистры с этикетками, где изображены череп и кости, и радостно, от души все поливаю. Это необщепринятый подход, и иногда, признаю, мне приходится отскакивать от неожиданно падающего дерева, которое не ответило благодарностью на мои старания, но в основном все получается, и я добивался интересных и оригинальных

мутаций. К примеру, однажды я вырастил вместо плодового дерева заборный столб.

В течение многих лет, особенно когда дети еще были маленькими и способными практически на все, жена оставляла меня в саду одного. Временами она выходила, чтобы спросить, что я делаю, и мне приходилось признаваться, что я посыпал заросшие на вид сорняками растения неизвестной порошкообразной субстанцией, которую нашел в гараже и которая, в чем я почти уверен, не была ни азотом, ни сухим цементом. Обычно в этот момент один из детей выскакивал из дома, чтобы объявить о том, что у маленького Джимми горят волосы, или о чем-то еще не менее спасительном и отвлекающем, и жена убегала обратно в дом, оставляя меня с моими экспериментами наедине. Это был правильный подход, и наш брак процветал.

Потом дети выросли и стали заниматься собственными изысканиями, мы переехали в Америку, и я обнаружил миссис Би в саду с собой. Точнее, я был в саду с нею, потому что, похоже, я получил второстепенную роль, которая включает в основном задания вроде «привези» или «быстренько увези тележку». Раньше я был опытным садоводом, теперь я стал кем-то вроде рикши.

В любом случае, садоводство здесь совсем другое. В Америке у людей даже нет садов. У них есть дворы. И они ничего не сажают в своих дворах. Они там работают. Они называют это «двороводством». В общем, никакого удовольствия.

В Великобритании природа богата и добродушна. Вся страна — большой сад, правда. Я хочу сказать, посмотрите, как пастушья сумка выглядывает на каждом повороте дороги и танцует по лугам. Фермерам на самом деле приходится ее выпалывать (ну, может, и не приходится, но им это занятие точно нравится). В Америке природа стремится к полному захвату. Здесь к вам отовсюду ползут похожие на трилистник растения, с которыми вы постоянно сражаетесь с помощью сабель и мачете. Я почти уверен, что если мы оставим дом хоть на месяц без присмотра, то по возвращении увидим, что его схватили и утащили в лес хищные растения-живоглоты.

Американские сады — это в большинстве своем газоны, а американские газоны в большинстве своем огромны. Вы тратите всю свою жизнь на стрижку травы. Когда наступает осень, слышится «Шшш!» — и листва со всех деревьев дружно опадает (что-то вроде массового растительного суицида); и вы проводите около двух месяцев, собирая листья в кучки, а ветер изо всех сил старается вернуть листву туда, где вы

ее нашли. Вы без конца стрижете газон, отвозите опавшую листву в лес, а затем бросаете это дело и запираетесь в доме на ближайшие семь месяцев.

Но если вы обернетесь, то увидите, как листья ползут вслед за вами. Я не знаю, как они это делают, но, когда вы выходите весной на улицу, они снова там, устилают толстым слоем газон, душат колючие кустарники и закупоривают водостоки. Так что вы снова проводите много недель, подстригая газон и избавляясь от листьев. В конце концов, когда вы наконец приводите газон в приличный вид, слышится «Шшш!» — пришла осень. Это и вправду довольно сильно удручает.

А теперь, помимо прочего, моя дорогая миссис внезапно продемонстрировала интерес к руководящей должности в бизнесе домашнего огородничества. Вина моя, должен признать. В прошлом году я заполнил нашу сеялку смесью собственного изобретения: в основном удобрениями, средством от мха, кормом для кроликов (вначале нечаянно, но потом я подумал: «Какого черта?» — и высыпал все, что осталось) — и щедро добавил нечто с громкими названиями «бупримат» и «трифорин». Через два дня газон резко покрылся яркими оранжевыми полосами настолько привлекательной и стойкой природы, что, думаю, обратил на себя внимание туристов из северного Массачусетса. Так что теперь я вроде как нахожусь на испытательном сроке.

Мне пора. Я только что услышал резкий клинический хлопок садовых перчаток, надеваемых на руки, и зловещий звук металлических инструментов, которые сняли с крючков. Теперь только вопрос времени, когда я услышу крик:

— Мальчик! Привези мне тележку — и живее!

Но знаете, что я ненавижу больше всего? То, что приходится надевать эту глупую соломенную шляпу.

Почему все такие беспокойные

Только представьте: в 1995 году, по данным «Вашингтон пост», хакеры успешно взломали систему безопасности Пентагона 161 тысячу раз. Получается, 18 незаконных входов каждый час, каждые 3,2 минуты по разу.

О, я уже знаю, что вы хотите сказать. Такого рода события происходят в любой монолитной военной организации, в руках которой судьба всей планеты. Кроме того, если сложить весь огромный ядерный арсенал в одно место, естественно, людям захочется зайти и взглянуть на него, может быть, потрогать все эти кнопки с надписями «Взрыв» и «Красная кнопка». Такова природа человека.

Кроме того, спасибо, Пентагон и без того имеет достаточно дел, пытаюсь найти отчеты, пропавшие во время войны в Персидском заливе. Не знаю, читали ли вы об этом, но Пентагон куда-то подевал — по правде сказать, безнадежно потерял — все официальные записи о краткосрочном, но занимательном приключении в пустыне, все, кроме тридцати шести страниц из двухсот. Половина утерянных файлов, оказывается, была стерта, когда один офицер в штабе в Персидском заливе — я бы с удовольствием приукрасил историю, но нет нужды — некорректно скачал несколько игр в командный компьютер. Другие же пропавшие файлы, не поверите, просто пропали. Все, что известно, — что два комплекта были отправлены в Центральный штаб во Флориде, но сейчас никто их не может найти (может, снова поработали уборщицы), а третий комплект был каким-то образом «украден из сейфа» на базе в Мэриленде, что звучит в высшей степени правдоподобно, учитывая обстоятельства.

Надо быть справедливым к Пентагону — без сомнений, его сбили с толку тревожные выпуски новостей о том, что военное ведомство получает не очень надежные доклады от ЦРУ. Только что выяснилось, согласно другим выпускам новостей, что, несмотря на поистине колоссальную сумму — два миллиарда долларов в год — на расширение наблюдения за СССР, ЦРУ не смогло предвидеть распад Союза (на самом деле я их понимаю) — и все еще старается подтвердить этот слух через контакты в московских «Макдоналдсах». Ясное дело, это расстроило Пентагон. Я хочу сказать, нельзя ждать от людей, что они будут вести учет, если не получают достоверной информации с поля боя, согласны?

ЦРУ, в свою очередь, было почти полностью сбито с толку выпуском новостей — и позвольте подчеркнуть, что я ничего не преувеличиваю, — о

том, что ФБР провело многие годы, следя за одним из своих агентов, Эдричем Эймсом, который вошел в советское посольство в Вашингтоне с пухлой папкой документов, а вышел с пустыми руками, однако до сих пор окончательно не выяснило, что он замышлял. В ФБР знали, что Эймс был сотрудником ЦРУ, знали, что он регулярно посещает посольство Советского Союза, и знали, что ЦРУ искало двойного агента среди его окружения, но так и не смогли повернуть достаточно сложную мозговую операцию, чтобы связать эти дразнящие воображение нити воедино.

Эймса в конце концов схватили и приговорили к ста тысячам миллионов лет тюрьмы за передачу секретной информации, однако ФБР не получило никаких благодарностей. Однако в то время, если быть честным, ФБР было по уши занято развалом всего, к чему прикасалось.

Во-первых, это ошибочный арест Ричарда Джуэлла, работника службы безопасности, подозревавшегося в организации взрыва бомбы в олимпийском парке Атланты в прошлом году; по мнению ФБР, он заложил бомбу и сделал телефонный звонок с предупреждением властям, затем за минуту переместился на пару миль от места происшествия, чтобы вернуться вовремя и стать героем. Даже несмотря на то, что не имелось ни одного свидетельства причастности Джуэлла к закладке бомбы и было убедительно продемонстрировано, что он не мог сделать звонок и вернуться в парк в установленное время, ФБР потратило месяцы, чтобы понять, что задержало не того человека.

В апреле поступили новости о том, что в судебно-медицинских лабораториях ФБР в течение многих лет небрежно обращались, теряли, проливали, портили, смешивали и выносили на автомобильную парковку большинство важнейших улик, попавших в руки бюро. Время от времени в ФБР просто фабриковали дела. Во время одного такого инцидента работник лаборатории написал отчет на основе микроанализа, хотя на самом деле даже не потрудился заглянуть в микроскоп. Благодаря напряженной и изобретательной работе лабораторий вынесена по меньшей мере тысяча, а возможно, и много тысяч обвинительных приговоров.

Несмотря на постоянные достижения ФБР, они все еще не нашли виновного в закладке бомбы в Атланте, серий взрывов в церквях по всему Югу, не арестовали никого, подозреваемого в мистическом и трагическом сходе с рельсов пассажирского поезда в Аризоне в 1995 году, не поймали Унабомбера^[5] (того выдал его собственный брат) и до сих пор не могут сказать, была прошлогодняя авария рейса 800 компании «Трансуорлд эйрлайнз» терактом, несчастным случаем или чем-то еще.

Поэтому многие приходят к мнению, что ФБР и его агенты страшно

некомпетентны. Несмотря на то, что это бесспорно, существуют и смягчающие обстоятельства, отчасти оправдывающие низкую эффективность работы бюро, — а именно прошлогоднее открытие, что есть люди, еще более ошеломляюще некомпетентные. Я имею в виду ведомства шерифа.

Формат статьи не позволяет дать полный обзор особых достижений ведомств шерифа в Америке, так что упомяну лишь два. Во-первых, как-то сообщалось, что окружное ведомство шерифа Лос-Анджелеса в прошлом году установило новый рекорд, по ошибке выпустив двадцать три заключенных, причем довольно опасных преступников и маньяков. После освобождения двадцать третьего заключенного чиновник объяснил журналистам, что их работник получил бумаги с указаниями о том, что заключенный должен быть перевезен в Орегон для отбывания длительного срока за грабеж и насилие, однако понял указания иначе, вернул заключенному все его вещи, проводил до ворот и посоветовал хорошую пиццерию за углом.

Еще оригинальнее, по-моему, представители ведомства в Милуоки, которых послали в аэропорт с группой собак-ищеек для тренировки в поиске взрывчатых веществ. Полицейские спрятали пятифунтовый пакет с настоящей взрывчаткой где-то в аэропорту, а потом — обожаю эту фразу — забыли, где именно. Не нужно говорить, что собаки не смогли ее найти. Это было в феврале, и взрывчатку все еще ищут. Это уже второй случай, когда ведомство шерифа в Милуоки умудрилось потерять взрывчатку в аэропорте.

Я мог бы продолжать бесконечно, но собираюсь на этом закончить, потому что хочу выяснить, смогу ли я взломать компьютер Пентагона. Назовите меня дьяволом, но мне всегда жутко хотелось стереть с лица земли какую-нибудь небольшую страну. Это будет идеальное преступление: ЦРУ не заметит, Пентагон заметит, но потеряет все записи, ФБР потратит восемнадцать месяцев на расследование, а потом арестует мистера Эда,^[6] а ведомство шерифа в Лос-Анджелесе выпустит его на свободу. Во всяком случае, это отвлечет людей от прочих беспокойных мыслей.

Невозможно связаться

Из всех людей и организаций на Земле, испытывающих мое терпение — боже мой, разве их много? — никто так не преуспел за все эти годы, как «Эй-ти-энд-ти», американская телефонная компания.

Если мне дадут выбрать, скажем, между тем, чтобы пролить стакан соляной кислоты себе на колени и пообщаться с «Эй-ти-энд-ти», я всегда выберу соляную кислоту как наименее болезненное из двух. У этой компании самые прочные в мире телефонные автоматы. Я знаю об этом не понаслышке, потому что никогда мое общение с этой компанией не заканчивалось без жестокого избиения их телефонов.

Как вы, наверное, уже поняли, я недолюбливаю «Эй-ти-энд-ти». Но и они, в свою очередь, недолюбливают меня. Они не любят всех своих клиентов, насколько я могу судить. На самом деле они ненавидят их настолько, что даже не разговаривают с ними. Они используют синтезированные голоса, а это означает, что не важно, насколько серьезные у вас проблемы — а можете быть уверены, что проблемы возникнут, — вы никогда не сможете переговорить с живым человеком. Вы услышите, при любом раскладе, лишь металлический и удивительно нахальный голос робота, произносящий что-то вроде: «Набранный вами номер не соответствует общепринятым параметрам вызова». Это чрезвычайно печально.

Мне однажды довелось застрять в аэропорте Логана в Бостоне, потому что водитель мини-баса, который должен был забрать меня оттуда домой, забыл об этом. Я знал, что он именно забыл — не сломался и не попал в аварию, — потому что, когда я стоял в назначенном месте, знакомый дартмутский мини-бас подкатил совсем близко, а когда я нагнулся, чтобы поднять сумки, плавно проехал мимо, к воротам, и исчез в направлении Нью-Гэмпшира.

Так что я отправился на поиски платного телефона-автомата, чтобы позвонить в транспортную компанию — просто, чтобы поздороваться, знаете ли, и уведомить их, что я здесь и готов ехать домой, если они хотя бы распахнут двери и проедут помедленнее, чтобы я мог запрыгнуть в автобус, — а это означало звонок по автомату «Эй-ти-энд-ти». Я глубоко вздохнул, предвидя перспективы. Я только приземлился после длительного перелета, устал, хотел есть и застрял в каком-то невзрачном аэропорту. Я знал, что следующего мини-баса придется ждать по меньшей мере три

часа. А теперь еще надо общаться с «Эй-ти-энд-ти». Короче, к ряду телефонных автоматов я подошел с очень дурным предчувствием.

У меня не было номера транспортной компании, поэтому я прочел инструкцию на доске справочной информации и набрал номер. Через минуту синтезированный голос грубо приказал мне бросить в аппарат 1 доллар и 5 центов монетами. Меня это застало врасплох. Справочная информация всегда предоставлялась бесплатно. Я проверил карманы, но нашел только 67 центов. Так что я провел быстрый тест на стрессоустойчивость телефонной трубки — да, они все еще противоударные, — схватил свои сумки и зашагал к терминалу, чтобы добыть мелочь.

Естественно, никто не разменял бы деньги, если бы я ничего не купил, поэтому мне пришлось купить «Нью-Йорк таймс», «Бостон глоуб» и «Вашингтон пост», каждую газету по отдельности, так как иначе нужные монеты никто не давал; но вот наконец я обзавелся 1 долларом и 5 центами в монетах разного достоинства.

Затем я вернулся к автомату и повторил свои действия, однако аппарат оказался одним из тех слишком придирчивых автоматов, которые, похоже, питают особую нелюбовь к десятицентовикам Рузвельта. Кроме того, не так просто кидать монеты в щель, когда плечом держишь трубку, а под мышкой у тебя три газеты, и особенно неудобно, когда телефон выплевывает каждую третью монету. Где-то через пятьдесят секунд голос робота начал меня ругать — клянусь, именно ругать, раздраженным синтезированным тоном; он практически сказал мне, что, если я сей же миг не сделаю все как надо, он меня разъединит. И разъединил. Секундой позже он изрыгнул мои монеты назад. Но вот что интересно — вернул не все. С теми монетами, которые аппарат вернул и которые не принял, у меня осталось всего 90 центов.

Так что я провел еще один, немного более продолжительный тест на стрессоустойчивость и снова потащился в терминал. Я купил «Провиденс джорнал» и «Филадельфия инкуайрер» и вернулся к автомату. В этот раз я дозвонился до справочной, сказал, какой номер мне нужен, и торопливо достал ручку и блокнот. По опыту я знал, что справочная произносит номер только раз, а потом разъединяет, так что нужно успеть оперативно записать. Я внимательно прислушался и собрался записывать. Ручка не писала. И я тут же забыл номер.

Я пошел в терминал, купил «Бэнгор дейли ньюс», «Пафкипси джорнал», пластмассовую шариковую ручку и снова вернулся. Мне назвали номер, я аккуратно его записал и позвонил. Наконец-то получилось.

Через минуту голос на другом конце провода весело произнес:

— Доброе утро! Колледж Дартмут!

— Колледж Дартмут? — заикаясь от ужаса, произнес я. — Мне нужна транспортная компания Дартмута.

Я потратил все оставшиеся монеты на этот звонок и не мог поверить, что мне придется снова возвращаться в терминал, чтобы добыть еще мелочи. Внезапно я задался вопросом, сколько же людей из тех, кто подходит к вам на углу и просит лишнюю монетку, были когда-то такими же, как я, уважаемыми американцами, которые вели нормальную жизнь, но, разорившись, оказались на улице с вечной необходимостью достать монетку, чтобы куда-то позвонить.

— Я могу дать вам номер, если хотите, — предложила девушка.

— Правда? О, да, пожалуйста.

Она отбарабанила номер, явно по памяти, причем эти цифры совершенно не походили на номер — даже отдаленно, — который мне дали в справочной «Эй-ти-энд-ти». Я от души ее поблагодарил.

— Не стоит, — ответила она. — Такое происходит постоянно.

— Что, дают ваш номер, когда люди просят номер транспортной компании Дартмута?

— Постоянно. Вы пользовались «Эй-ти-энд-ти»?

— Да.

— Так и думала, — только и сказала девушка.

Я снова ее поблагодарил.

— Пожалуйста. И да! Не забудьте устроить хорошую взбучку этому автомату перед уходом.

Конечно, она этого не сказала. Но говорить и не требовалось.

Следующего автобуса пришлось ждать четыре часа. Но все могло быть хуже. По крайней мере, было что почитать.

Затерянные в кино

Каждый год где-то в это же время я совершаю небольшую глупость. Я беру младших детей и веду их в кино на один из летних показов.

Летние премьеры — крупный бизнес в Америке. В этом году за период с Дня памяти погибших в войнах по День труда (аналоги британских праздников — майских и августовских банковских каникул) американцы потратят 2 миллиарда долларов на билеты в кинотеатры, плюс еще половину этой суммы на жвачки, чтобы занять чем-то рты во время просмотра с вытаращенными глазами кадров с чрезвычайно дорогостоящими кровавыми бойнями.

Летние показы почти всегда, как правило, ужасны, однако мне кажется, это лето было худшим за всю историю. Я пришел к такому убеждению, прочитав слова Яна де Бонта, режиссера «Скорости-2: Контроль за круизом» в «Нью-Йорк таймс»; режиссер похвастался, что самый потрясающий кадр в фильме — тот, где неуправляемый круизный лайнер с Сандрой Баллок врежется в деревню на карибском острове, — он увидел во сне. «Остальной сценарий вырос из этого эпизода», — гордо объявил де Бонт. Теперь, думаю, вы знаете все об интеллектуальном качестве летних премьер.

Я вечно твержу себе, что не надо ждать слишком многого, потому что летние фильмы — кинематографический эквивалент парка развлечений, а никто никогда не считал, что в парке можно обойтись одними американскими горками. Но беда в том, что летние показы стали такими тупыми — очень, очень тупыми, — и их тяжело даже досматривать до конца. Не важно, сколько денег было потрачено на производство — а это достойно упоминания, потому что по меньшей мере восемь летних премьер имеют бюджет свыше 100 миллионов долларов, — в этих фильмах всегда столько абсурдной неправдоподобности, что задаешься вопросом: может, сценарий испекли за ночь до показа?

В этом году мы ходили на «Парк юрского периода: Затерянный мир». Не буду упоминать, что он абсолютно неотличим от первой части — все те же тяжелые звуки шагов и дрожь земли, когда поблизости бродит тираннозавр, все те же смерти людей, пятащихся от дверей, на которые бросаются велоцерапторы (только чтобы обнаружить у себя на плечах других зубастых чудищ), те же сцены с автомобилями, безнадежно висящими на краю поросшего деревьями обрыва, те же герои, борющиеся

за жизнь. Не важно. Потрясающие динозавры и раздавленные или съеденные за первый же час десятки человек. Вот за этим мы и пришли!

А потом все просто развалилось. Во время кульминации тираннозавр неправдоподобным образом сбегает с корабля, галопом мчится по центру Сан-Диего, раздавливая автобусы и разрушая заправочные станции, а потом — внезапно и необъяснимо — оказывается в центре сладко дремлющего пригорода, один и никем не замечаемый. И тогда приходит в голову, насколько маловероятно, чтобы доисторическое животное, 20 футов в холке, которое никто не замечал последние 65 миллионов лет, могло разрушить центр города, а затем преспокойно ускользнуть в спальный район.

Не кажется ли слегка странным и необъяснимым, что когда центр Сан-Диего переполнен людьми, занятыми обычными вечерними делами — толпящимися у кинотеатров или гуляющими, — в пригороде улицы пусты, поскольку местные жители, до единого, одновременно и крепко заснули?

Дальше все продолжается снова. Пока полицейские машины носятся вокруг, беспомощно врезаясь друг в друга, герой и героиня умудряются найти тираннозавра, безобидного и — никем в этом удивительно ненаблюдательном городе не замеченного, — заманивают его на корабль, который стоит в нескольких милях от пригорода, и возвращают на родной тропический остров, тем самым обеспечивая возможность для счастливой, неизбежной и коммерчески выгодной третьей части «Юрского периода». «Затерянный мир» — слабый и предсказуемый фильм и на все свои 100 миллионов долларов бюджета содержит мыслей, может быть, на 2,35 доллара; поэтому, естественно, он на пути к установлению рекордов кассовых сборов. За первый уикэнд показа он заработал 92,7 миллионов долларов.

Однако моя проблема заключается на самом деле не в «Затерянном мире» или любом другом летнем показе. Я не ожидаю от Голливуда черепно-мозговых испытаний в теплые месяцы года. Моя проблема в шести кинотеатрах «Сони» в Уэст-Либанон, Нью-Гэмпшир, и тысячах других пригородных кинокомплексов, как этот, которые делают с американскими кинозрителями то же, что тираннозавр Стивена Спилберга сделал с Сан-Диего.

Любой, кто вырос в Америке 1960-х годов или более ранней поры, вспомнит дни, когда поход в кино означал посещение заведения с одним экраном, обычно широким и, как правило, в центре города. В моем родном городе Де-Мойне главный кинотеатр (оригинально называвшийся «Де-Мойн») представлял собой роскошную экстравагантность с приглушенным

освещением и декором, который напоминал египетскую гробницу. К моему времени он стал чем-то напоминать свалку — уверен, это из-за запаха, такого, будто где-то лежитдохлая лошадь, и, естественно, там не мыли с тех времен, как секс-символ немого кино Теда Бара была в зените славы, — однако просто находиться там, смотреть на большой экран в кубическом акре темноты было восхитительно.

Кроме нескольких крупных городов, почти все великие центральные кинотеатры к сегодняшнему дню закрыты. («Де-Мойн» закрыли еще в 1965 году.) Вместо них сегодня мы имеем пригородные мультиплексы с огромным количеством крошечных зрительных зальчиков. Несмотря на то что «Затерянный мир» — летний хит, мы смотрели его в зале почти смехотворных размеров, едва ли способном вместить девять рядов кресел, далеко не самых мягких и поставленных одно к другому так близко, что мои колени, честное слово, были натянуты на уши. Экран размером с большое пляжное полотенце был расположен так неудачно, что всем, кто сидел на первых трех рядах, приходилось смотреть практически вертикально вверх, как в планетарии. Звук был отвратительным, а изображение часто дергалось. До начала показа нам пришлось высидеть полчаса рекламы. Попкорн и сладости были возмутительно дороги, а продавцы запрограммированы на то, чтобы стараться продать то, чего вам не хочется и чего вы не просили. Короче, все в этом кинотеатре, похоже, тщательно продумано, чтобы сделать визит сюда сплошным разочарованием.

Я рассказываю все это не для того, чтобы пробудить в вас сочувствие, хотя за сочувствие всегда спасибо, а чтобы показать, насколько быстро подобное становится нормой для любителей кино в Америке. Я могу пережить некоторые аудиовизуальные недостатки, но не могу видеть, как исчезает волшебство.

Я как-то разговаривал об этом с одним из своих старших детей. Дочь внимательно, с сочувствием меня выслушала, а затем произнесла печальную фразу:

— Папа, — сказала она. — Ты должен понять, что людям не нравится чувствовать запахдохлой лошади, когда они приходят в кинотеатр.

Конечно, она права. Но если вы спросите меня, они просто не знают, что теряют.

Фактор риска

Хочу поведать о том, что мне представляется ужасно несправедливым. Поскольку я американец, а вы, слава богу, нет, мне кажется, что мои шансы преждевременно и скоропостижно скончаться вдвое выше, чем у вас.

Я знаю это, потому что только что прочел одну работу под названием «Книга рисков: поразительные факты об опасностях, которым мы подвергаемся каждый день» одного статистического умника (если использовать замечательный новый американский сленг для названия специальности этого типа) по имени Ларри Лодэн.

Книга содержит множество интересных и полезных статистических данных, по большей части касающихся непосредственно фермеров Соединенных Штатов. Так что теперь я знаю, что, если я вдруг займусь сельским хозяйством в этом году, шансы потерять какую-нибудь из моих конечностей возрастут в три раза, а вероятность смертельного отравления — вдвое по сравнению с тем, если бы я сидел тихо дома. Теперь я знаю, что вероятность того, что в ближайшие двенадцать месяцев меня могут убить составляет 1 к 11 тысячам, задушить — 1 к 150 тысячам, возможность того, что я погибну от прорыва дамбы, равна 1 к 10 миллионам, а получить смертельный удар по голове чем-то с неба — 1 к 250 миллионам. Даже если я останусь дома и буду держаться подальше от окон, оказывается, существует возможность, 1 к 450 тысячам, что я погибну от чего-либо еще до захода солнца. Лично меня это немного пугает.

Однако ничто так не беспокоит, как вывод, что, просто будучи американцем, стоя по стойке смирно у национального флага и полагая бейсбольный кубок главным предметом своего гардероба, я, в два раза вероятнее, чем вы, могу быть разрубленным на кусочки. Это не совсем правильный способ проводить естественный отбор, если вам интересно мое мнение.

Мистер Лодэн не объясняет, почему американцы представляют вдвое большую опасность для самих себя, чем британцы (это слишком грустно, осмелюсь сказать), но я много об этом думал, как вы, наверное, догадываетесь, и, если задуматься, ответ совершенно очевиден: Америка — очень опасное место.

Представьте только: каждый год в Нью-Гэмпшире более дюжины человек разбиваются в автомобильных авариях из-за лосей. А теперь поправьте, если я не прав, но крайне маловероятно, что подобное может

произойти с вами по дороге домой из английского Сэйнсбери. Быть съеденным гризли или пумой, растоптанным буйволом или схваченным за лодыжку разъяренной гремучей змеей — эти случайности сокращают число нерасторопных американцев на десятки человек в год. Еще бывают природные катаклизмы — торнадо, обрушения склонов, лавины, сели, снежные бури и внезапные землетрясения; они едва ли случаются на спокойном маленьком острове на севере Европы, но каждый год убивают сотни американцев.

В конце концов, есть еще оружие. В Соединенных Штатах 200 миллионов единиц оружия, так что существует большая вероятность сыграть в ящик. Каждый год 40 тысяч американцев погибают от огнестрельных ранений, подавляющее большинство — по случайности. Просто чтобы было понятнее — 6,8 смертей от огнестрельного оружия на 100 тысяч человек в Америке по сравнению с несчастными 0,4 на 100 тысяч человек в Великобритании.

Короче, Америка — довольно опасное место. И все же, как ни странно, в этой стране мы беспокоимся по всяким мелочам. Подслушайте любой разговор в забегаловке Лу здесь, в Ганновере, — речь непременно будет об уровне холестерина и натрия, маммограммах и частоте сердечных сокращений в состоянии покоя. Покажите большинству американцев яичный желток — и они отскочат в ужасе, зато более вероятные опасности вряд ли их напугают.

Сорок процентов американцев никогда не пользуются ремнями безопасности, что я нахожу просто поразительным, потому что пристегнуться и создать себе шанс предотвратить полет через лобовое стекло, подобно Супермену, ничего не стоит. Еще более примечательно, что, едва в потоке последних газетных новостей промелькнуло сообщение, будто бы маленькие дети погибают от подушек безопасности в авариях, люди бросились выдирать эти подушки. Не важно, что в любом случае дети все равно погибли бы, потому что находились на переднем сиденье, где не должны находиться, и почти во всех случаях не были пристегнуты ремнями безопасности. Подушки безопасности спасают тысячи жизней, а многие выдирают их из-за странного предубеждения, что они опасны для жизни.

Очень схожее отсутствие логики, основанное на статистике, относится и к оружию. Сорок процентов американцев хранят оружие в своих домах, обычно в выдвижном ящике за кроватью. Вероятность того, что одним из этих пистолетов воспользуются, чтобы застрелить преступника, составляет менее одного к миллиону. Вероятность того, что из этого пистолета будет убит член семьи — чаще всего ребенок, гуляющий по дому, — по меньшей

мере в двадцать раз выше. И все же более сотни миллионов людей решительно игнорируют этот факт, а иногда даже угрожают, что сами вас застрелят, если вы станете поднимать шум по этому поводу.

Однако ничто так хорошо не отражает суть иррационального отношения людей к рискам, как одна из наиболее модных «страшилок» последних лет — пассивное курение. Четыре года назад Агентство по охране окружающей среды опубликовало отчет, в котором делался вывод, что для людей, которым за тридцать пять и которые не курят, но регулярно дышат табачным дымом, существует вероятность (1 к 30 тысячам) подхватить рак легких уже в этом году. Реакция последовала незамедлительно, подобно разрыву бомбы. В офисах, ресторанах, торговых центрах и других общественных местах по всей стране курение запретили.

Но чего не учли, так это того, насколько микроскопически мал риск пассивного курения. Один шанс к 30 тысячам — звучит достаточно сурово, но это на самом деле не так много. Одна свиная котлета в неделю, по статистике, способна вызвать у вас рак быстрее, чем сидение в комнате, полностью заполненной курильщиками. Точно такую же опасность представляет потребление моркови раз в неделю, стакана апельсинового сока один раз в две недели или головки салата каждые два года. Вы в пять раз быстрее можете заработать рак легких от вашего волнистого попугайчика, чем от пассивного курения.

Сейчас я полностью против курения по той причине, что оно грязно и неприятно, вредно для здоровья, а пепел оставляет неприглядные пятна на ковре. Все, что я хочу сказать, — то, что мне кажется немного странным запрещать курение по причине общественной безопасности, когда вы с радостью позволяете любому старому дураку держать дома револьвер или ездить непристегнутым.

Но в подобных случаях логика вообще редко применима. Помню, как несколько лет назад мой брат купил лотерейный билет (шанс выиграть равен одному к 12 миллионам), затем сел в свою машину и не пристегнулся ремнем безопасности (вероятность попасть в серьезную аварию в любом возрасте составляет один к сорока). Когда я указал на это несоответствие, он посмотрел на меня и произнес: «По-твоему, какова вероятность того, что я высажу тебя в четырех милях от дома?»

После этого отпора я стал хранить свои мысли при себе. Не так рискованно, знаете ли.

Ах лето!

В Новой Англии, как заметил один мой друг, есть три времени года. Это либо «зима только что была», либо «зима вот-вот наступит», либо просто — «зима».

Я знаю, что он имел в виду. Лето здесь короткое — оно начинается в начале июня и заканчивается в конце августа, а в остальное время года вам лучше быть в курсе, где лежат варежки, — но в целом все три месяца погода достаточно теплая и почти всегда солнечная. Самое главное то, что погода держится, в общем, благоприятная, не как в Айове, где я рос, где температура и влажность каждый летний день резко менялись; до середины августа там было настолько жарко и безветренно, что даже мухи лежали на спинах и с трудом шевелили лапками.

А больше всего донимали жара и духота. Выйдите в Айове на улицу в августе — через двадцать секунд вы почувствуете, скажем так, недержание потоотделения. Становится так жарко, что у манекенов на витринах магазинов появляются мокрые круги под мышками. У меня остались очень яркие воспоминания о лете в Айове, потому что мой отец был последним на Среднем Западе, кто купил кондиционер. Он считал, что это противоестественно (как и все прочее, что стоит дороже 30 долларов).

Единственным местом, где жара переносилась немного легче, была веранда. Вплоть до 1950-х годов веранды были почти в каждом американском доме. Веранда — своего рода летняя комната, пристроенная к дому, со стенами, затянутыми тонкой, но прочной сеткой от насекомых. Она обладает всеми преимуществами внутреннего помещения и открытого пространства одновременно. Она превосходна и всегда будет ассоциироваться у меня с признаками лета: початками кукурузы, дынями, ночной трескотней сверчков, шумом возвращающегося поздно ночью после фермерских собраний нашего соседа мистера Пайпера, паркующего свой автомобиль под аккомпанемент грохота мусорных контейнеров, затем исполнением серенады миссис Пайпер с двумя хорами «Севильской розы» и засыпанием соседа на газоне.

Так что, когда мы приехали в Штаты, одним из моих условий было наличие в доме веранды, и мы нашли такой дом. Летом я живу на ней. И сейчас я пишу эти строки на веранде, разглядывая залитый солнцем сад, слушая щебетание птиц и жужжание соседской газонокосилки, обдуваемый легким ветерком, и чувствую себя невыразимо живым. Сегодня мы будем

здесь ужинать (если миссис Брайсон с подносом снова не споткнется о складку на ковре, на что я очень надеюсь), а потом я буду читать перед сном, слушая сверчков и наблюдая за радостными огоньками светлячков. Без всего этого лето не было бы летом.

Вскоре после того как мы переехали в этот дом, я заметил, что край сетки у пола ослаб и наш кот пользуется дырой, чтобы пролезать в дом и спать на старом диване, который мы поставили на веранде. Как-то вечером — мы прожили здесь около месяца — я зачитался позднее обычного и краем глаза заметил лезущего внутрь кота. Мгновение — и он очутился рядом со мной.

Я присмотрелся. Это был скунс. Более того, он находился между мною и единственным путем к спасению. Он направился к столу, и я понял, что, скорее всего, он приходил сюда каждую ночь в одно и то же время, чтобы подхватить остатки ужина, упавшие со стола на пол. (А их там обычно много, потому что, едва миссис Брайсон выходила, чтобы ответить на телефонный звонок или принести еще подливки, мы с детьми начинали маленькую игру под названием «Овощные олимпийские игры».)

Быть опрыснутым скунсом — худшее, что может с вами случиться из того, что не наносит кровоточащих ран и не требует срочной госпитализации. Если вы почувствуете запах скунса на расстоянии, он покажется вовсе не таким уж плохим, странновато сладким и даже интересным — не сказать, чтобы приятным, но точно не отвратительным. Все, кто впервые чувствуют запах скунса издали, думают: «Ну, это вовсе не страшно. Непонятно, из-за чего весь шум».

Однако если вы подойдете поближе — или, что еще хуже, если скунс вас обрызгает, — поверьте, вас не скоро пригласят на медленный танец. Запах не столько резкий и неприятный, сколько практически неистребимый. Возможно, самое эффективное средство против него — натереться томатным соком, но даже если вы разбудите галлон сока, лучшее, на что вы сможете надеяться, — что запах станет лишь чуть менее сильным.

Как-то вечером одноклассница моего сына застала скунса в подвале дома. Он брызнул — и семья потеряла почти все, что у них было. Все шторы, постельное белье, одежда, мягкая мебель — в общем, все, что могло впитать запах — бросили в огонь, а весь дом, от пола до потолка, тщательно вымыли. Одноклассница сына даже не приближалась к скунсу и, тут же уехав из дома, провела выходные натираясь томатным соком, однако прошло несколько недель, пока люди снова стали ходить с нею по одной стороне улицы. Так что, когда я говорю, что вам бы не хотелось быть

опрыснутыми скунсом, поверьте — вам бы не хотелось быть опрыснутыми скунсом.

Все это пронеслось у меня в голове, когда я с волнением глядел на скунса в шести футах от себя. Около тридцати секунд скунс провел, снуя под столом, а затем вышел тем же путем, что и вошел. Снаружи он оглянулся и посмотрел на меня, будто говоря: «Я знал, что ты здесь, с самого начала». Но он не обрызгал меня, за что я буду вечно ему благодарен.

На следующий день я прибил сетку к полу, но, чтобы показать свою благодарность, положил горсть сухого корма для кошек на ступеньку крыльца, и около полуночи скунс пришел и съел корм. После этого два лета подряд я оставлял немного корма на ступеньке, и скунс всегда его подьедал. В этом году он не пришел. Среди мелких животных началась эпидемия бешенства, которая серьезно сократила популяцию скунсов, енотов и даже белок. Видимо, это происходит приблизительно каждые пятнадцать лет как часть природного цикла.

Так что, похоже, я потерял своего скунса. Через год их численность снова восстановится, и, возможно, я усыновлю другого. Я надеюсь на это, потому что у скунсов не так много друзей.

Тем временем отчасти из уважения, а отчасти потому, что миссис Брайсон как-то зашла в неподходящий момент, мы перестали играть в овощные игры, хотя, если говорить только за себя, я был уже очень близок к золотой медали.

Помогите тем, чье имя не указано в документах

Как-то раз я оказался в настолько поразительной и неожиданной ситуации, что пролил газировку себе на рубашку. (Хотя, хочу сказать, на самом деле со мной не обязательно должно случиться что-нибудь неожиданное, чтобы это произошло. Все, что мне для этого нужно, — газировка.) Произошел этот газированный взрыв потому, что я позвонил в одну госслужбу — а именно в управление социального обеспечения — и кто-то взял трубку.

Я уже приготовился, что голос автоответчика скажет мне: «Все наши операторы в настоящий момент заняты, пожалуйста, оставайтесь на линии, а мы поставим вам какую-нибудь раздражающую мелодию, прерываемую каждые пятьдесят секунд голосом, извещающим о том, что все наши операторы в настоящий момент заняты, так что, пожалуйста, оставайтесь на линии, а мы поставим вам какую-нибудь раздражающую мелодию» и так далее и тому подобное, до самого обеда.

Представьте мое изумление, когда, всего после 270 гудков, трубку взял живой человек. Он спросил, как меня зовут, а затем сказал:

— Простите, Билл. Мне придется заставить вас минутку подождать.

Вы слышали? Он назвал меня «Билл»! Не «мистер Брайсон». Не «сэр». Не «о, могущественный налогоплательщик». А «Билл». Года два назад я счел бы это абсолютной наглостью, сейчас же я повзрослел и перестал так считать.

Бывают случаи, когда неформальность и фамильярность американской жизни испытывают мое терпение — например, когда официант сообщает, что его зовут Боб и что он будет обслуживать меня весь вечер, и я до сих пор борюсь с желанием ответить:

— Я всего лишь хочу чизбургер, Боб. У меня уже есть девушка.

Но в большинстве случаев мне стало это нравиться. Думаю, в этом все-таки что-то есть.

Здесь нет ничего особенного, понимаете ли, просто естественное всеобщее признание, что вы ничем не хуже других. Я считаю, это замечательно. Мой проповедник зовет меня Билл. Мой врач зовет меня Билл. Классный руководитель моих детей называет меня Билл. Они не судятся со мной. Я не сужусь с ними. Думаю, так и должно быть.

В Англии более десяти лет у меня был один и тот же бухгалтер, и наши отношения всегда были теплыми, но деловыми. Она никогда не называла меня иначе как мистер Брайсон, а я никогда не звал ее иначе как миссис Кресвик. Затем, когда я переехал в Америку, я позвонил новому бухгалтеру, чтобы договориться о встрече. Когда я зашел в офис, его первыми словами были:

— А, Билл! Рад, что вы смогли прийти.

И мы были уже приятелями. Теперь, когда видимся, я спрашиваю о его детях.

Это проявляется и во многом другом. Ганновер, где мы живем, — университетский город. Местный колледж Дартмут — частное и довольно привилегированное учебное заведение, входит в Лигу плюща, как Гарвард и Йель, но вы можете о том даже не догадываться.

Ни одна из его территорий не закрыта. На самом деле практически весь колледж открыт для всех желающих. Мы можем пользоваться его библиотекой, посещать концерты, приходить на актовые дни, если захочется. Одна из моих дочерей катается на ледовом катке колледжа. Школьная команда моего сына по легкой атлетике зимой пользуется тамошним залом. Кинематографическое общество колледжа регулярно проводит сезоны показов, которые я часто посещаю. Как раз вчера вечером я с одним из моих детей-подростков смотрел «На север через северо-запад» на большом экране, а потом мы пили кофе и ели чизкейк в студенческом кафе. И для всего этого абсолютно не нужно предъявлять свой паспорт или специальное разрешение, и вас никогда не заставят почувствовать себя лишним или непрошеным гостем.

Все это придает повседневности лоск доступности и равенства, которые можно, конечно, расценить как мелочи и искусственное поведение, иногда даже неприемлемое, зато они делают жизнь проще.

Единственное, однако, на что невозможно получить разрешение, — на то, чтобы узнать номер карты социального страхования вашей жены. Сейчас объясню. Номер социального страхования — почти то же самое, что и номер национального страхования в Великобритании, но гораздо важнее. Фактически это документ, идентифицирующий вашу личность. Моя жена этим не прониклась и где-то потеряла свою карточку. А нам срочно понадобился этот номер для заполнения одной формы для налоговых органов. Я объяснил все работнику службы социального обеспечения, когда он снова взял трубку. Он ведь называл меня по имени, так что у меня была причина надеяться, что мы к чему-нибудь придем.

— Нам разрешается предоставлять эту информацию исключительно

лицу, которому принадлежит документ, — ответил он.

— Вы имеете в виду человека, которому принадлежит карта?

— Совершенно верно.

— Но это моя жена, — прошипел я.

— Нам разрешается предоставлять эту информацию исключительно лицу, которому принадлежит документ.

— Позвольте, — сказал я. — Если бы я был моей женой, вы бы сразу же сказали мне номер по телефону?

— Совершенно верно.

— Но что, если бы я был кем-то, кто просто назвался ее именем?

Последовала пауза — он думал.

— Мы бы убедились, что запрашивающий информацию человек — действительно человек, на чье имя выписаны документы.

— Минутку, пожалуйста. — Теперь уже я задумался.

Моей жены не было дома, так что я не мог ее позвать, но мне не хотелось снова проходить через все это позже. Я вновь взял трубку и произнес своим обычным голосом:

— Здравствуйте. Это Синтия Брайсон. Вы не могли бы назвать номер моей карты социального страхования?

Последовал нервный смешок.

— Я знаю, что это вы, Билл, — ответил клерк.

— Нет, честное слово. Это Синтия Брайсон. Не могли бы вы сказать мне номер моей карты социального страхования?

— Я не могу этого сделать.

— А если бы я произнес это женским голосом, что-то изменилось бы?

— Боюсь, нет.

— Можно задать вопрос — просто из любопытства? Номер карты социального страхования моей жены сейчас прямо перед вами на экране компьютера?

— Да.

— Но вы мне его не скажете?

— Боюсь, я не могу этого сделать, Билл, — сказал клерк, и это прозвучало вполне искренне.

За долгие годы на горьком опыте я убедился, что нет ни единого шанса — ни малейшего, что работник американской госслужбы нарушит правила, чтобы вам помочь, так что я не стал настаивать. Вместо этого я спросил, не знает ли он, как можно свести клубничные пятна с белой футболки.

— Пищевой содой, — тут же ответил он. — Оставьте ее замоченной на ночь, и пятна сойдут.

Я поблагодарил, и мы попрощались.

Конечно, мне бы понравилось, если бы я узнал то, что мне требовалось, но, по крайней мере, мы подружились, и он оказался прав насчет пищевой соды. Футболка как новая.

Где находится Шотландия и другие полезные заметки

Недавно на борту самолета одной американской авиа-компании я пролистывал журнал и наткнулся на тест под названием «Ваш культурный IQ».

Заинтересовавшись, какой же у меня культурный IQ, я приступил к тесту. В первом вопросе спрашивалось, в какой стране считается дурным тоном обращаться к человеку с вопросом «Где ты живешь?». Ответ, который я с изумлением узнал, перевернув ИЗ страниц, гласил: «Англия».

«Дом — личное дело каждого англичанина», — торжественно пояснил журнал.

Я с ужасом припомнил все те случаи на протяжении многих лет, когда я говорил англичанину: «Ну, и где же ты живешь, Клайв? (или что-то в этом роде, потому что, конечно же, они все не могли быть Клайвами)», даже не подозревая, что совершаю грубую оплошность и что Клайв (или кто бы там ни был) думал в это время: «Болтливый американский мерзавец». Так что, конечно же, теперь я извиняюсь перед всеми, особенно перед Клайвом.

Затем, пару дней спустя, я наткнулся на статью о британском политическом устройстве в «Вашингтон пост», в которой отмечалось, что Шотландия находится «к северу от Англии». Это географическое направление я всегда считал общеизвестным фактом, и тут меня осенило, что, возможно, объяснение относилось не ко мне, а — возможно ли? — ко всей нации.

Мне стало интересно, что вообще знают мои земляки-американцы о Великобритании, но узнать это оказалось не так просто. Нельзя подойти к человеку, даже к тому, кого вы хорошо знаете, и спросить: «Ты в курсе, чем занимается канцлер казначейства?» Или: «Шотландия — это север Англии. Веришь или нет?» И, конечно, еще нельзя спрашивать у англичанина: «Где ты живешь?» Это будет невежливо и нагло и, возможно, смутит собеседника.

Потом мне пришло в голову, что я мог бы получить некоторое представление об истинном положении дел менее болезненным способом, то есть пойти в библиотеку и полистать американские путеводители по Великобритании. Они поведают мне, какая информация необходима американцам, которые собираются посетить Соединенное Королевство.

Так что я отправился в библиотеку и обратился к разделу, посвященному путешествиям. Там нашлись четыре книги исключительно о Великобритании, плюс еще восемь или около того о Европе в целом, с отдельными главами о Британии. Моей любимицей с первого взгляда стала «Европа-1996» Рика Стивза. Я никогда не слышал о Рике, но, как утверждается в аннотации на обложке, он проводит несколько месяцев в году, «чувствуя фьорды и лаская замки», что звучит ужасно занятно — и слегка бессмысленно. Я взял все эти книги с полки и водрузил на угловой стол, где и провел вечер в завораживающем чтении.

Что ж, я получил ответ на свой вопрос — американцы практически ничего не знают о Великобритании (по крайней мере, если верить этим книгам). Согласно многим текстам, американскому туристу, желающему посетить Британию, необходимо знать, что Глазго не рифмуется с «мерзко», что фунты стерлингов принимаются для оплаты в Шотландии и Уэльсе «так же свободно, как и в Англии», что в этой стране есть «хорошо обученные врачи» и «все современные лекарства», и, да, что Шотландия — это север Англии. (Почти крайний север, на самом деле, так что лучше выделить на ее осмотр полный день.)

Американские путешественники, похоже, в большинстве своем совершенно беспомощны. В книгах говорится не только о том, чего ожидать от Британии — в основном дождей и коттеджей с соломенными крышами, — но и о том, как паковать свои вещи, не заблудиться в аэропорту и даже как пройти таможеню.

«Будьте приветливы и обходительны, но не слишком болтливы, — советует Джозеф Рафф, автор книги „Место действия — Британия, 1996 год“ об иммиграции в Великобританию. — Держите свой паспорт на всякий случай в руке — не машите им!»

Может, это не мое дело, но если вам нужен совет, как поступать со своим паспортом, мне кажется, вы, возможно, еще не готовы пересечь океан.

Моей фавориткой оказалась в итоге книга «Лучшие советы для путешествий по Европе» парня по имени Джон Уитмен. Эта книга не посвящена исключительно Великобритании, но так хороша, что я прочел ее почти от корки до корки.

Она полна серьезных предупреждений о карманниках, жадных официантах и даже о том, как подать на авиакомпанию в суд, если вас попросили с рейса. Мистер Уитмен явно ждет, что все будет не так. Его первый совет по поводу того, как справляться со специфическими особенностями европейских отелей, гласит: «Узнайте имя администратора,

когда будете въезжать». По поводу билетов на самолет он советует: «Внимательно прочтите все документы, чтобы знать свои права».

Среди многих полезных советов он рекомендует брать с собой «одну или две ручки», вешать на дверь номера табличку «Не беспокоить», если вы не хотите, чтобы вас беспокоили (я не шучу, он даже говорит, чтобы вы надели эту табличку на ручку двери), и проницательно отмечает (поскольку ничто не ускользнет от наблюдательного взора мистера Уитмена) в отношении отелей в Европе, что есть «множество мест, где можно остановиться».

В другом месте он предупреждает: «Во многих номерах европейских отелей вы найдете биде и унитаз, — и воинственно добавляет: — Если вы захотите поэкспериментировать с этими фарфоровыми приспособлениями в форме унитаза с целью личной гигиены, пожалуйста».

Спасибо за разрешение, мистер Уитмен, но, по правде сказать, у меня руки заняты табличкой «Не беспокоить».

Джозеф Рафф тем временем предлагает полезный словарик для загадочных британских терминов — «живая очередь», «апартаменты», «картофель фри» и — что многие годы не давало мне покоя — «личный автомобиль». Затем он доверительно сообщает, что фамилия — то, что ставится вначале, а имя — в конце, что было бы полезно, не будь совершенно неверно.

Боюсь, все эти книги изобилуют ошибками. Оказывается, пиво, которое мы пьем, называется «настойкой», рынок в Лондоне — «Ковент-Гарден», что, когда вам захочется прогуляться, вы можете «зайти в синематограф», что одна из гор в Озерном крае называется Скарфел-Пайк, и — вот уж перл! — архитектора времен Елизаветы звали Индиго Джонс, а никак не Иниго.

Из книги «Поедем в Европу-96» я узнал, что Кардифф — «единственный город» в Уэльсе. Это может в каком-то смысле шокировать жителей города Суонси. А с помощью «Бюджетного путеводителя Беркли по Великобритании и Ирландии» я выяснил, что «практически в каждом городе, деревне, поселке, селении или кучке домов в любой глухомани есть почтовое отделение — будь оно хоть в мясной лавке, винном магазине („Продажа спиртных напитков“) или аптеке („Лекарства“).

На самом деле американцам нужны новые путеводители. Я подумываю о том, чтобы написать один самому и наполнить его советами вроде следующих: «Разговаривая с полицейским, всегда обращайтесь к нему „Мистер Тормоз“» и «Чтобы привлечь внимание неуловимого официанта, вытяните два пальца и резко помашите рукой вверх и вниз

несколько раз. Он примет вас за своего». И под конец, что очевидно:
«Никогда не спрашивайте Клайва, где он живет».

Вымирающие диалекты

Есть один парень по имени Уолт, который иногда немного плотничает в нашем доме. На вид ему лет 112, но он до сих пор умеет обращаться с пилой и молотком. Уолт работает руками в нашем городе уже по крайней мере пятьдесят лет.

Уолт живет в Вермонте, сразу через реку Коннектикут, напротив нашего маленького городка, и он настоящий житель Новой Англии — честный, работающий, от рождения не любитель тратить зря время, деньги или слова. (Он общается так, будто в один прекрасный день ему вышлют за это счет.) Кроме того, как и все жители Новой Англии, он очень рано встает по утрам. Боже мой, до чего же жители Новой Англии любят вставать рано утром! У нас есть несколько друзей, которые переехали сюда из графства Суррей несколько лет назад. Вскоре после приезда жена одного из друзей позвонила дантисту, чтобы записаться на прием, и ей назначили на шесть тридцать следующего дня. Она пришла на следующий вечер и застала кабинет дантиста закрытым — еще бы, ведь имелось в виду 6:30 утра. Если бы Уолту велели прийти на прием к дантисту в этот час, я уверен, он бы спросил, а можно ли пораньше.

В любом случае, он как-то пришел к нам домой в начале седьмого и извинился за опоздание из-за того, что движение на дорогах Норвича было «ужасно плотным». Меня заинтересовало отнюдь не замечание, что дорожное движение в Норвиче могло оказаться ужасно плотным, а то, что он произнес название города как «Норидж», на английский манер. Это удивительно, поскольку все в Норвиче и на сто миль вокруг произносят «Норвич» (как «сэндвич»).

Я спросил Уолта об этом. «Э-mmm», — ответил он. В Новой Англии этот термин имеет множество значений, произносится обычно растянуто и как правило сопровождается снятием кепки и задумчивым почесыванием головы. Это означает: «Возможно, я собирался что-то сказать, но потом передумал».

Уолт объяснил мне, что эта деревня называлась до 1950-х годов «Норидж», а потом начали приезжать люди из Нью-Йорка и Бостона, которые почему-то принялись менять произношение. Сейчас практически все, кто моложе Уолта, а это практически все, произносят название города как «Норвич». Мне это показалось немного грустным — сама мысль, что традиционное местное произношение забылось лишь потому, что приезжие

были слишком ленивы и невнимательны, чтобы его сохранить; и это лишь одно из проявлений гораздо более серьезной тенденции.

Тридцать лет назад три четверти всего населения Вермонта были коренными жителями. Сегодня это число сократилось до половины, а местами — еще до более низкого уровня. В результате сегодня гораздо меньше шансов, чем раньше, услышать местный говор («каровва» вместо «корова» и «ни я тоже не», вместо «я тоже не»), использующий яркие и отчасти таинственные выражения, наподобие «здоровее, чем мертвый министр» и «голова разгуделась» — вот два, которых, увы, больше не услышишь из уст жителей Вермонта.

Если вы отправитесь в дальние уголки штата и заглянете в местную лавку, вы сможете подслушать разговор пары пожилых фермеров («фермверов»), которые попросят «еще чарочку кофе» или скажут: «Ну, только не было бы это матушкиной бодягой» — впрочем, скорее всего, вам попадется приезжий из города в костюме от Ральфа Лорана, спрашивающий продавца, есть ли у них гуава.

И то же самое происходит по всей стране. Недавно я прочел одну исследовательскую работу о диалекте острова Окракок-Айленд у побережья Северной Каролины. (Все ради вас, честно.) Окракок — часть Аутер-Бэнкс, цепи барьерных островов, жители которых когда-то общались на говоре, настолько богатом и таинственном, что приезжие иногда думали, будто столкнулись с каким-то почти забытым английским отрядом времен королевы-девственницы.

Местные жители — их порой именуют «прилифщиками» из-за того, как они произносили слово «прилив», — говорят со странным, мелодичным акцентом, на языке, который содержит многие архаичные термины, такие как «муторно» (чувствовать себя нехорошо или неудобно), «шматок» (для части чего-либо) и «печалить» (в значении «беспокоить»), которых я не встречал в употреблении с тех пор, как Шекспир отложил свое перо. Будучи островитянами, при любом удобном случае они также использовали морские термины. К примеру, «идти под парусом» означало просто «передвигаться», так что местный житель вполне мог пригласить вас пройтись под парусом в его автомобиле. В конце концов, чтобы окончательно смутить приезжих, они переняли некоторые неанглийские слова, такие как «пицер» (видимо, от итальянского «пицца») для названия подъезда, и произносили их так, что сразу вспоминался западный акцент Джорджа Формби. Короче, это был интересный диалект.

Все продолжалось, как вы, возможно, отметите, до 1957 года, когда федеральные власти построили мост между островом Окракок и

материком. Практически тут же на остров потянулись туристы, и диалект Окракока начал исчезать.

Все это научно изучено и записано лингвистами Государственного университета Северной Каролины, которые совершали периодические поездки на остров более полувека. Затем, к всеобщему изумлению, диалект Окракока начал возрождаться. Исследователи выяснили, что люди пожилого возраста — которые выросли в 1950–1960-х годах, когда туризм только становился основной чертой островной жизни, — используют диалект чаще, чем это делали их родители. Как объясняют ученые, жители острова «чаще используют островной диалект, сознательно или нет, так как хотят, чтобы никто не сомневался в том, что они „настоящие“ окракокцы, а не туристы или новые поселенцы, только что переехавшие с материка».

В другом месте обнаружен крайне схожий феномен. Исследование диалекта у побережья Массачусетса, на острове Мартас-Винъярд, выявило, что основные традиционные типы произношения — удлинение звука «о» в таких словах, как «дом» и «ром», делающее их похожими, скорее, на «доум» и «роум», — неожиданно проявились вновь после почти полного угасания. Движущей силой возрождения, как выяснилось, оказались местные жители, которые вернулись на остров после проживания в других районах и стали применять старые речевые формы как способ выделиться среди неместного населения.

Значит ли это, что богатый «жевательный» акцент Вермонта также вернется и что однажды мы снова сможем услышать, что «разболится там, где и синяка раньше не бывало», или что они «чувствуют себя хуже, чем зад хряка»? К сожалению, вряд ли.

Очевидно, все возрождения диалектов происходят только на островах или в обществах, относительно изолированных.

Так что, похоже, когда старина Уолт окончательно отложит свои молоток и пилу, кто бы ни занял его место, он не будет говорить как житель старого Вермонта, даже если родился и вырос здесь. Я лишь надеюсь, что он не будет и вставать в такую рань по утрам.

Отчет о некомпетентности

Однажды кое-что в нашей местной газете привлекло мое внимание, а именно статья о том, что диспетчерская башня и другие здания местного аэропорта перешли в частную собственность. Аэропорт теряет деньги, так что Федеральное авиационное управление пытается снизить затраты путем передачи наземных служб в руки тех, кто сможет работать с меньшими затратами. Но больше всего меня заинтересовало одно предложение в середине текста, которое гласило: «Пресс-секретарь регионального отделения Федерального авиационного управления в Нью-Йорке Арлин Сарлак не смогла назвать компанию, которая собирается приобрести диспетчерскую башню».

Что ж, это утешает. Иначе, наверное, я буду слишком сильно нервничать, потому что иногда пользуюсь услугами аэропортов и имею некоторую заинтересованность в их способности сажать самолеты — желательно традиционным способом. Так что я бы предпочел не знать, что диспетчерская башня была куплена, скажем, компанией по производству бумажных полотенец из Новой Англии или Аварийной службой Панамы, а в следующий раз, когда мой самолет будет заходить на посадку, мне лучше не знать, что за штурвалом сидит парень, обычно размахивающий на лестнице метлой. Мне бы также хотелось надеяться, что Федеральное авиационное управление, в самом крайнем случае, вообще имеет представление о том, кому они продают диспетчерский пункт. Назовите меня дотошным, но мне кажется, что такого рода вещи следует где-то хотя бы записывать.

Нужно сказать, что Федеральное авиационное управление — не самая компетентная организация. Апрельский отчет правительства показал, что управление многие годы страдало от аварийных отключений энергопитания, неисправностей приборов и их устаревания, от перегруженного работой и нервного персонала, от неадекватных программ подготовки и низкого уровня управления, проистекающего из запутанной системы подчинения. Относительно стандартов оборудования из отчета стало известно, что «21 отделение выпустило 71 приказ, 7 правил и 29 требований». В результате Федеральное авиационное управление не имеет ни малейшего представления о том, каким оборудованием оно располагает, поддерживается ли то в рабочем состоянии и даже чья очередь идти за кофе.

Как сообщает «Лос-Анжелес таймс», «по меньшей мере, три авиакатастрофы можно было предотвратить, если бы Федеральное авиационное управление не отставало от графика запланированной модернизации оборудования по контролю воздушного сообщения».

Я говорю об этом потому, что тема этой недели — массовая некомпетентность. Несмотря на все мои старания, существует ужасный миф, который я бы с удовольствием развенчал раз и навсегда; миф о том, что Америка — страна квалифицированных кадров. Все что угодно, только не это.

Отчасти некомпетентность объясняется тем, что США — большая страна. Большие страны порождают бюрократию. Все бюрократические институты порождают множество отделений, а каждое из этих отделений выпускает множество правил и норм.

Одно из неизбежных последствий такого расклада — с таким количеством отделений не просто левая рука не знает, что делает правая, но даже зарождаются сомнения, что правая рука вообще существует. Это интересно и наглядно демонстрирует пример с замороженной пиццей.

В Соединенных Штатах за качеством замороженной сырной пиццы следит Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. За качеством замороженной пиццы с пепперони, с другой стороны, следит министерство сельского хозяйства. Каждое ведомство устанавливает собственные стандарты относительно состава пиццы, маркировки и прочего, располагает собственной группой инспекторов и собственным набором норм, которые требуют лицензий, сертификатов соответствия и остальных продуктов дорогостоящей бумажной работы. И все ради замороженной пиццы! Такого рода сумасшествие невозможно в маленькой стране, например в Великобритании. Для этого есть Евросоюз.

В целом, по оценкам, соблюдение всего вороха федеральных норм обходится нации в 668 миллиардов долларов в год, в среднем 7000 долларов с семьи. Довольно дорогое занятие, не находите?

Вдобавок американской некомпетентности придает столь резкий привкус исключительно безрассудная экономия. Здесь наблюдается своего рода неспособность смотреть в будущее, которая просто интригует. Возьмем хотя бы пример с Федеральной налоговой службой, аналогом Налоговой службы Великобритании.

Каждый год в Соединенных Штатах ожидаемую сумму налогов в 100 миллиардов долларов — безусловно, колоссальная сумма, достаточная, чтобы одним махом избавиться от дефицита федерального бюджета, —

собрать так и не удастся. В 1995 году, в качестве эксперимента, правительство выделило Федеральной налоговой службе дополнительно 100 миллионов долларов на поиски хотя бы части этих средств. К концу года удалось найти и собрать 800 миллионов — вроде бы крупница от потерянных средств, но все же это 8 долларов дохода государству за каждый доллар затрат на поиск средств.

Налоговая служба уверенно прогнозировала, что, если программу расширить, в будущем году это бы принесло правительству по меньшей мере 12 миллиардов долларов доходов с пропавших налогов, а в последующие годы — еще больше. Вместо того чтобы расширять программу, Конгресс ее урезал — только вдумайтесь — в рамках программы по сокращению дефицита федерального бюджета. Начинаете понимать, что я имею в виду?

Или взять продовольственную инспекцию. Существует всякого рода высокотехнологичное оборудование для тестирования мяса на микробиологические инфекции вроде сальмонеллы и кишечной палочки. Однако власти экономят на инвестициях в этот сектор, поэтому федеральные продовольственные инспекции продолжают проверять качество мяса на глазок, по мере того как оно проезжает мимо на производственной линии. Теперь вы можете представить, насколько внимательно инспектор, которому платят гроши, будет осматривать каждого из 18 тысяч одинаковых оципаных цыплят, проезжающих мимо на ленте каждый день его трудовой жизни. Назовите меня циником, но я очень сомневаюсь, что после десятка лет такой работы инспектор подумает: «Эй, да сегодня цыплят больше обычного. На них надо взглянуть повнимательнее». В любом случае — и это могло бы прийти наконец кому-нибудь в голову — микроорганизмы невидимы.

В результате, как признает само правительство, 20 % всех кур и 49 % всех индюшек заражены. Сколько все стоит, можно только предполагать, однако существует мнение, что ежегодно 80 миллионов людей могут заболеть от зараженных на заводе продуктов питания, что обойдется экономике страны приблизительно в 5 миллиардов долларов, а 10 миллиардов долларов пойдут на дополнительные расходы на здравоохранение, возмещение потерь рабочей силы и так далее. Каждый год в США от пищевых отравлений умирают 9 тысяч человек.

Все это возвращает нас к старому доброму Федеральному авиационному управлению (на самом деле не то, чтобы возвращает, но надо было как-то к нему вернуться). Федеральное авиационное управление, возможно, не самый некомпетентный бюрократический институт в

Соединенных Штатах, однако это несомненно единственное учреждение, которое держит мою жизнь в руках, когда я лечу на высоте 32 тысячи футов над землей, так что можете представить мое беспокойство по поводу того, что ФАУ передает диспетчерский пункт каким-то людям, имен которых оно даже не может вспомнить.

Как сообщалось в нашей газете, передача имущества завершится к концу месяца. Через три дня после этого я приговорен к полету в Вашингтон через местный аэропорт. Я это сообщаю на случай, если через пару недель вы больше не увидите моих статей.

Но, вероятно, до этого не дойдет. Я только что спросил жену, что у нас будет на ужин.

«Бургеры с индейкой», — сказала она.

День у моря

Каждый год в этот день моя жена будит меня игривым шлепком и говорит:

— У меня идея. Давай проедем три часа к океану, разденемся и весь день просидим на песке.

— Зачем? — осторожно спрашиваю я.

— Это весело, — настаивает она.

— Я так не думаю, — отвечаю я. — Люди смущаются, когда я снимаю рубашку на улице. Я сам смущаюсь.

— Нет, будет здорово. Песок в волосах. Песок в туфлях. Песок в сэндвичах, а потом и во рту. Мы загорим от солнца и ветра. А потом, когда устанем сидеть, мы сможем поплескаться в воде, настолько холодной, что будет даже больно. А в конце дня мы соберемся домой одновременно с еще тридцатью семью тысячами человек и попадем в такую автомобильную пробку, что не доберемся до дома раньше полуночи. Я буду делать язвительные замечания по поводу твоих навыков вождения, а дети смогут провести время, покалывая друг друга острыми предметами. Это будет весело.

Трагедия заключается в том, что моя жена — англичанка, и потому, неизвестно по каким причинам, все, что касается морской воды, она в самом деле считает веселым. Честно говоря, я никогда не понимал британской преданности отдыху у моря.

Айова, где я вырос, находится в тысяче миль от ближайшего побережья, так что для меня (и, думаю, для большинства других жителей Айовы, хотя мне еще не предоставлялся шанс опросить всех) слово «океан» предполагает такие опасности, как стремительный прилив и подводные течения. (Думаю, жители Нью-Йорка переживают подобный ужас, когда слышат слова «кукурузные поля» и «сельская ярмарка».) Озеро Акваби, где я обычно плавал и загорал, возможно, не обладает романтикой Кейп-Кода или великолепием скалистого побережья Мэна, зато оно никогда не схватит вас за ноги и не утащит, беспомощного, в сторону Ньюфаундленда. Нет, я убежден, что лучше держаться от моря — от каждой его капли — подальше.

Поэтому, когда на прошлых выходных моя жена предложила поехать к океану, я проявил твердость и сказал:

— Никогда, решительно нет.

После чего, конечно же, через три часа мы были на пляже Кеннебанк в штате Мэн.

Вы можете сказать, что в это трудно поверить при моей жизни, похожей на ураган приключений, но за все мои годы я был на американском побережье океана всего дважды — один раз в Калифорнии, когда мне было двенадцать и (это правда) набежавшая не вовремя волна содрала с моего носа всю кожу, а затем я — вполне в духе человека из Айовы — прочесал головой зернистый песок; второй раз — во Флориде, в мою бытность студентом, и меня слишком тошнило, чтобы я мог восхищаться океанским пейзажем.

Так что не стану притворяться, что в таких делах я знаток. Скажу лишь, что, если судить по пляжу Кеннебанк, американские пляжи совершенно непохожи на британские. Для начала, там не было никаких пирсов, набережных или аркад, магазинов, где можно купить все по удивительной цене — 1 фунт стерлингов, никаких местечек, где можно приобрести веселые открытки или стильные шляпки, никаких общественных туалетов, кафе, где подают рыбу с жареной картошкой, никаких гадалок, никаких бесплотных голосов из зала с бинго, выкрикивающих загадочные, кодированные фразы:

— Номер 37 — священник опять в кусты.

Ну, и прочее, что они обычно говорят.

На самом деле там вовсе не было торговых мест — просто улица с летними домиками, широкий солнечный пляж, а за ним — бесконечное и враждебное море.

Не стоит уточнять, что люди на пляже — сотни людей — прекрасно обходились без всего этого, потому что привезли с собой все, что только может пригодиться: еду, напитки, пляжные зонты, ширмы от ветра, складные стулья и гладкие надувные матрасы. Амундсен шел к Южному полюсу с меньшими запасами провизии, чем эта публика.

По сравнению с ними мы выглядели довольно жалко. Мало того, что выглядели бледнее смерти, так из снаряжения прихватили только три пляжных полотенца и тряпичную сумку, в которой лежали, как у порядочных англичан, бутылка с лосьоном для загара, неистощаемые запасы влажных салфеток, запасное белье для всех (на случай автомобильной аварии, с последующим посещением реанимации) и скромный пакет с сэндвичами.

Наш младший — которого я пристрастился называть Джимми, на случай, если однажды он станет главным прокурором, — задумчиво изрек:

— Отлично, папа, вот что. Я хочу мороженое, надувной матрас,

хороший набор с ведром и лопаткой, хот-дог, сахарную вату, спасательную надувную лодку, снаряжение для подводного плавания, собственную водяную горку, сырную пиццу с дополнительной порцией сыра и туалет.

— Здесь нет такого, Джимми, — хмыкнул я.

— Мне правда нужно в туалет.

Я сообщил об этом своей жене.

— Тогда тебе придется отвезти его в Кеннебанк-порт, — невозмутимо заметила она из-под невообразимой шляпы от солнца.

Кеннебанкпорт — старый город, на пересечении дорог, который растянулся в длину еще до того, как кто-то подумал о создании автомобиля, в нескольких милях от пляжа. Он сжат плотным движением транспорта со всех направлений. Мы припарковались ужасающе далеко от центра и начали поиски туалета. К тому времени, когда мы его нашли (на самом деле это была задняя стена аптеки «Райт-эйд», только, пожалуйста, не говорите моей жене), малышу Джимми он уже не понадобился.

Поэтому мы вернулись на пляж. Когда мы наконец туда добрались, несколько часов спустя, я обнаружил, что все ушли купаться и остался всего один недоеденный сандвич. Я сел на полотенце и стал покусывать сандвич.

— О, посмотри, мама, — весело сказала наша вторая дочка, когда они через несколько минут вернулись после купания. — Папочка ест сандвич, который не доела собака.

— Скажите мне, что это неправда, — застонал я.

— Не переживай, дорогой, — успокаивающе сказала моя жена. — Это был ирландский терьер. Они очень чистоплотны.

После я мало что помню. Я прилег немного вздремнуть и, проснувшись, увидел, что Джимми закапывает меня в песок по самую грудь — да, мило, если не считать того, что начал он с головы; и я умудрился так сгореть на солнце, что один дерматолог пригласил меня на конференцию в Кливленд на следующей неделе в качестве экспоната.

За два часа мы потеряли ключи от машины, вернулся ирландский сеттер и украл одно из пляжных полотенец, а затем тяпнул меня за руку за то, что я съел его сандвич, а наша вторая дочка залезла волосами в смолу. Другими словами, это был типичный день на море. Мы вернулись домой около полуночи после случайного объезда канадской границы, хотя это, по крайней мере, дало нам тему для общения во время долгой поездки через Пенсильванию.

— Милый, — сказала моя жена. — Мы должны поскорее это повторить.

И мое сердце сжалось оттого, что она не шутила.

Интересно, но неуместно

А теперь история, которая мне очень нравится.

В прошлом году, как раз перед Рождеством, одна американская компания — производитель компьютерных игр под названием «Максис инкорпорейтед» выпустила сюжетную игру «СимКоптер», в которой надо летать на вертолетах со спасательной миссией. Когда игроки успешно прошли десятый, последний уровень, как сообщает «Нью-Йорк », победителей, как предполагалось, ожидала видеозвуковая кутерьма, включая «толпу, фейерверк и духовой оркестр».

Вместо этого, к их нескрываемому удивлению, победители увидели на экране целующихся друг с другом мужчин в плавках.

Как оказалось, эти дерзкие картинки были работой зловредного 33-летнего программиста Жака Сервина. В интервью «Таймс» мистер Сервин заявил, что создал целующихся парней, чтобы «привлечь внимание к дефициту персонажей-геев в компьютерных играх». Компания поспешно отозвала 78 тысяч копий игры и предложила мистеру Сервину поискать работу где-нибудь в другом месте.

А вот еще одна из моих любимых историй.

В июне этого года, путешествуя по Америке на машине, миссис Рита Рапп из Талсы, штат Оклахома, подумала, что ее вполне могут похитить какие-нибудь гнусные люди. Поэтому на всякийтайме случай она заранее написала записку, как полагается, прыгающим почерком, в которой говорилось: «Помогите. Меня похитили. Позвоните в дорожный патруль». В записке она указала свое имя, адрес и номера телефонов соответствующих спасательных служб.

Так вот, если вы пишете такую записку, вы должны быть уверены, что либо а) вас похитят, либо б) вы случайно не выроните эту записку из сумки. Ну, вы уже догадались, что произошло? Незадачливая миссис Рапп выронила записку, ее поднял и развернул один сознательный гражданин, и затем, знаете ли, полиция четырех штатов перекрыла дороги, повсюду разослала официальные сообщения и, в общем-то, сама тоже немного заволновалась. Тем временем миссис Рапп ехала своей дорогой в сладком незнании того, какой хаос начался по ее вине.

Проблема этих двух историй, несмотря на их очарование, состоит в том, что я так и не придумал, каким образом включить их в одну из моих колонок. Думаю, это проблема всех журналистов. Я постоянно сталкиваюсь

с любопытными и стоящими упоминания пикантными новостями (в Штатах мы называем их «интересными», дабы не вводить никого в излишнее смущение), и, по мере того как нахожу эти разнообразные факты, я аккуратно их вырезаю или делаю ксерокопию, а затем подшиваю к папке «Компьютерные игры (Целующиеся мужчины)», или «Самые ужасные шутки во время поездок по шоссе», или к любой другой, подходящей по теме.

Потом, некоторое время спустя — ну, этим вечером, если быть точным, — я снова перелистал бумаги и поразился самому себе. О чем я только думал?! Назовем это коллекционирование интересной, но абсолютно бесполезной информации синдромом Игнаца Земмельвейса, в честь австро-венгерского врача Игнаца Земмельвейса, который в 1850 году первым пришел к выводу, что степень распространения инфекций в больничных палатах можно значительно снизить, если мыть руки. Вскоре после этого потрясающего открытия доктор Земмельвейс умер — от инфекции, попавшей в кровь через порез на руке.

Понимаете, что я имею в виду? Прекрасная история, но мне некуда ее вставить. С тем же успехом я мог назвать этот феномен синдромом Версаля, в честь оперного певца Ричарда Версаля, который в 1996 году, во время мировой премьеры «Средства Макропулоса» в «Метрополитенопера» в Нью-Йорке пропел роковые слова: «Очень жаль, что лишь ты можешь жить так долго», а потом, бедняга, упал замертво из-за сердечного приступа.

Опять же я мог бы назвать этот синдром в честь великого генерала федеральных войск Джона Седжвика, чьи последние слова в битве при Фредриксберге во время гражданской войны были: «Я вам говорю, господа, с такого расстояния они и в слона не попа...»

Всех этих людей объединяет то, что они не имеют ни малейшего отношения к чему-либо, о чем я когда-нибудь писал или, возможно, буду писать. Проблема в том, что я никогда полностью не уверен, о чем именно собираюсь написать (сказать по правде, не могу дожидаться, чтобы увидеть, куда выведет эта статья), поэтому собираю все факты, на случай, что когда-нибудь в трудную минуту они смогут мне пригодиться.

В результате мои бумажные конверты заполнены вырезками вроде таких вот — это цитата из газеты Портленда, штат Мэн, — «Снова найден мужчина, прикованный к дереву». Именно слово «снова» приковало мое внимание. Если бы заголовок гласил «Найден мужчина, прикованный к дереву», я бы, скорее всего, просто перевернул страницу.

В конце концов, каждый когда-нибудь может оказаться прикованным к

дереву. Но дважды — это уже, пожалуй, проявление детской беспечности.

Человека, о котором шла речь, звали Ларри Дойен. Сам из Мехико, штат Мэн, он, как оказалось, имел очень интересное хобби — приковывать себя к деревьям цепью с висячим замком и выбрасывать ключ. В этот раз он провел в лесу две недели и чуть не умер от истощения.

Забавная история и, несомненно, полезный урок для каждого из нас, кто подумывает о том, чтобы вступить в добровольное рабство в качестве хобби, однако трудно вообразить, если исключить нравоучения, что я надеялся извлечь из нее для многоуважаемого журнала «Найт энд дэй».

Я впадаю в известное замешательство при воспоминании об истории из «Сиэтл таймс» о группе десантников, которые, в качестве PR-акции, согласились прыгнуть с парашютами на школьное футбольное поле в Кеннеуике, штате Вашингтон, чтобы вручить мяч квотербэку местной команды. С достойной восхищения точностью они прыгнули с самолета, пустили цветной дым из специальных ракет, исполнили несколько ловких и захватывающих акробатических трюков и приземлились на пустом стадионе на другом конце города.

Я также не в состоянии полностью объяснить еще одну историю из «Нью-Йорк таймс» — о паре, записавшей булькающие звуки, которые издавала их маленькая дочка, в стихотворной форме (примерная строчка: «Ба-ба ба-ба ба-ба») и отправившей это творение на нечто под названием «Открытый конкурс североамериканской поэзии». Они получили второй приз!

Увы, иногда я сохраняю не целую статью, а только абзац, и остаюсь в результате с загадочными обрывками. Вот цитата из мартовского 1996 года номера журнала «Атлантик мансли»: «Дерматолог имеет законное право заниматься нейрохирургией в своем кабинете, если найдет пациента, который выразит желание лечь на стол и заплатить за операцию». А вот еще пример из «Вашингтон пост»: «Ученые Университета Юты выяснили, что большинство мужчин дышат в основном через одну ноздрю в течение первых трех часов и в основном через другую следующие три часа». Кто знает, что они делают остальные восемнадцать часов, я ведь не сохранил остаток статьи.

Я все еще надеюсь, что найду применение всем этим странностям, но пока ничего не придумал. Однако одно могу обещать твердо — когда я это сделаю, то прочту первым.

Вылет из родного гнезда

Это может прозвучать немного сентиментально, за что я сразу извиняюсь, но вчера вечером, когда я работал за своим столом, наш самый младший ребенок подошел ко мне с бейсбольной битой на плече и шлемом на голове и спросил, не хочу ли я немножко с ним поиграть. Я пытался закончить одно важное дело до того, как отправиться в длительную поездку, и уже был готов отказать сыну, но тут мне пришло в голову, что никогда снова ему не будет семь лет, один месяц и шесть дней, так что, пока можем, мы должны насладиться моментом близости сполна.

Поэтому мы вышли на газон перед домом, и именно оттуда начинается сентиментальная история. Некая красота, настолько волшебная, что невозможно описать, была в том, как лучи вечернего солнца падали на газон, в напряженности позы сына, в самом факте, что мы занимаемся самым главным делом, каким только могут заниматься отец и сын, в огромном удовольствии просто от того, что мы вместе, — и я не мог поверить, что когда-нибудь мне придет в голову, будто закончить статью, написать книгу или совершить еще что-нибудь в том же духе может быть важнее и приятнее этого.

А таким чувствительным меня внезапно сделало то обстоятельство, что около недели назад мы отправили нашего старшего сына в небольшой университет в Огайо. Он первым из четырех наших детей покинул родное гнездо, взрослый, самостоятельный; теперь он далеко — и я вдруг осознал, как быстро дети взрослеют.

— Едва уезжают учиться, они пропадают навсегда, — глубокомысленно заметил однажды сосед, потерявший подобным образом уже двоих сыновей.

Это совсем не то, что я хотел услышать. Мне мечталось, что многие возвращаются, причем за ними больше не надо вешать одежду, они восхищаются твоими умом и мудростью, и тебе не приходится ставить бриллиантовые заклепки на все эти странные дырки в их головах... Но сосед, конечно, прав. Наш сын уехал. И дома стало пусто.

Я не ожидал, что так будет, потому что последние пару лет, хотя сын вроде бы жил с нами, его на самом деле тут не было, если вы понимаете, о чем я. Как и большинство подростков, он не жил дома в полном смысле слова — скорее, просто заскакивал пару раз в день, чтобы заглянуть в холодильник, побродить по комнатам с полотенцем на талии и спросить:

— Мам, а где моя...

Ну, сами знаете: «Мам, где моя желтая рубашка?» или «Мам, где мой дезодорант?» Иногда я видел его макушку в кресле перед телевизором, на экране которого люди восточной внешности колотили друг друга по головам, но в основном он жил в месте под названием «не дома».

Все мои обязанности при отправлении сына в университет заключались в том, чтобы подписать чеки — много чеков — и выглядеть соответствующе, то есть бледнеть и скрежетать зубами по мере увеличения расходов. Вы не поверите, сколько стоит в Соединенных Штатах отправить ребенка в университет в наши дни. Возможно, это потому, что мы живем в обществе, где к подобному относятся серьезно, так что почти каждый молодой человек в нашем городе заканчивает школу и засматривается на полдюжины потенциальных университетов с невероятной стоимостью обучения. (Плюс плата за допуск к вступительным экзаменам и отдельная сумма за каждую заявку в каждый университет.)

Но эти расходы — капля в море по сравнению с общей стоимостью обучения в университете. Год обучения моего сына стоит 19 тысяч долларов — почти 12 тысяч фунтов стерлингов в нормальной валюте, — что, как мне сказали, вполне разумная цена в наши дни. Стоимость обучения в некоторых университетах составляет 28 тысяч долларов. Плюс 3 тысячи долларов в год за комнату в общежитии, 2400 долларов за еду, около 700 долларов за книги, 650 долларов за медицинское обслуживание и страховку и 710 долларов на «общественные мероприятия». Не спрашивайте меня, что это такое. Я только подписываю чеки.

Также надо прибавить билеты на самолет до Огайо и обратно на День благодарения, Рождество и Пасху — праздники, в которые каждый второй студент в Америке летит домой и потому билеты стоят ошеломляюще дорого, — а еще случайные расходы, вроде самостоятельных покупок и телефонных счетов. К тому же моя жена звонит сыну почти каждый день, чтобы спросить, хватает ли ему денег, хотя на самом деле, как мне кажется, все должно быть наоборот. И это продолжается четыре года, не то что в Великобритании, где учатся три года. И последнее: на будущий год мы отправляем в университет нашу старшую дочь, так что мои заботы удвоятся.

Поэтому вы уж простите, надеюсь, когда я скажу, что эмоциональную сторону события немного омрачал предстоящий финансовый шок. Только когда оставили сына в университетском общежитии, такого трогательно растерянного и смущенного, среди груды картонных коробок и чемоданов в аскетичном помещении, подозрительно смахивавшем на тюремную камеру,

мы наконец ощутили, что он ушел из нашей жизни, чтобы начать собственную.

Теперь мы дома, и от этого еще хуже. Никакого кикбоксинга по телевизору, никаких груд кроссовок в конце коридора, никаких криков «Мам, где моя...» со второго этажа, никого моей комплекции, кто бы говорил: «Классная рубашка, пап. Старьевщика ограбил?» На самом деле теперь-то я осознаю, что он был здесь, если вы понимаете, о чем я. И теперь его здесь нет.

Всякие мелочи — вроде скомканных свитеров, засунутых под заднее сидение автомобиля, или нескольких комков жвачки, недонесенных в свое время до мусорного ведра — заставляют меня часто моргать, чтобы совладать с наворачивающимися на глаза слезами. Миссис Брайсон вообще не нужны никакие внешние раздражители. Она просто рыдает с утра до вечера, то и дело прячась в ванной комнате. «Мой ребенок», — стонет она в отчаянии и громко сморкается в любой подходящий для этого кусок ткани, а потом снова плачет.

За последнюю неделю я заметил за собой, что провожу много времени, бесцельно бродя по дому, рассматриваю разные предметы — сыновьи призы за баскетбольные матчи и забеги, старый снимок с праздника — и думаю обо всех тех беспечно проведенных днях, о которых вещи напоминают. Тяжело и неожиданно осознавать, что моего сына не просто больше здесь нет, а что тем, каким был, он больше никогда не вернется. Я бы отдал все, чтобы вернуть и сына, и того мальчишку, каким он когда-то был. Но, конечно, это невозможно. Жизнь меняется. Дети вырастают и уезжают, и, если вы еще этого не поняли, поверьте, они взрослеют быстрее, чем вы можете себе представить.

Вот почему я бегу играть в бейсбол с младшим сыном — ловлю шанс, пока он еще есть.

Дорожные развлечения

Если вы внимательно читали мои статьи (а если нет, можно узнать, почему?), вы вспомните: недавно я рассказывал о том, как мы ездили из Нью-Гэмпшира в Огайо, чтобы отвезти нашего старшего сына в университет, новый дом и место обучения на ближайшие четыре года в обмен на сумму денег, соизмеримую со стоимостью полета на Луну.

О чем я умолчал тогда, поскольку не хотел вас расстраивать на первой же неделе после своего отпуска, так о том, насколько кошмарной оказалась эта поездка. Поймите, пожалуйста, что я люблю свою жену и детей, и не важно, во сколько они мне обходятся в год, включая обувь и игры «Нинтендо» (по правде сказать, очень дорого), но не могу сказать, что хотел бы когда-либо снова провести с ними неделю в закрытом железном ящике на американском шоссе.

Проблема не в моей семье, спешу добавить, а в американских трассах. Скучны ли американские трассы? Британец никогда не сможет вообразить скуку такого масштаба (возможно, если только он не из Стивенейджа). Одна из бед американских трасс — они очень длинные: от Нью-Гэмпшира до центра Огайо 850 миль и, подтверждаю лично, столько же назад. А главное то, что по пути не встречается ничего интересного.

Так было не всегда. Когда я был маленьким, трассы в Соединенных Штатах были интересны. Совсем уж потрясающих развлечений не попадалось, но это было абсолютно не важно.

В любой день в любом месте вы могли с большой долей вероятности увидеть щит, на котором было написано что-то вроде: «Посетите всемирно известную Атомную скалу — она действительно светится!». Через несколько миль стоял еще один щит с надписью: «Взгляните на скалу, которая повергла науку в шок! Всего 162 мили!». На плакате был изображен серьезный ученый с мультяшным «пузырем» у рта, внутри которого значилось: «Это настоящее чудо природы!» (или «Я в шоке!»).

Через несколько миль новая надпись гласила: «Испытайте силовое поле Атомной скалы... если осмелитесь! Всего 147 миль!». На этом щите изображен был человек, удивительно похожий на моего отца, которого некая необычная радиационная сила отбрасывает назад. И мелким шрифтом приписано: «Внимание: возможно, опасно для маленьких детей».

Ну да, так все и было. Мои старший брат и сестра, стискивавшие меня на заднем сиденье, пользовались всеми возможностями развлечься, что

проявлялось в прижимании меня к спинке и рисовании ярких геометрических форм на моем лице, руках и животе шариковой ручкой, а при виде очередного щита начинали бурно выражать желание увидеть все эти чудеса природы, и я, не обладая силой воли, их поддерживал.

Люди, которые устанавливали все эти щиты, настоящие гении, истинные маркетинговые гуру нашей эпохи. Они знали наверняка — с точностью до мили, я бы предположил, — в какой момент детвора в машине сможет сломить упорное сопротивление отца посещению чего-либо, на что требуется тратить время и деньги. В итоге мы всегда все посещали.

«Всемирно известная Атомная скала», конечно же, в реальности была не такой, как рекламировали: чуть ли не до смешного меньше, чем на картинке, и совсем не светилась. Она была обнесена забором, видимо, для безопасности зрителей, а забор увешан предупреждениями вроде: «Внимание: опасное силовое поле! Приближаться запрещено!». Но всегда попадался какой-нибудь ребенок, который пролезал под забором, подбегал и трогал скалу, обязательно на нее залезал, и никакая таинственная сила его не сбрасывала, и каких-либо других явных последствий также не было. Как правило, мои экстравагантные тату, нанесенные шариковой ручкой, вызывали у толпы больший интерес, чем сама скала.

Так что недовольный отец запикивал нас назад в машину, клянясь, что никогда больше не совершит подобной глупости, и мы ехали дальше до тех пор, пока через несколько часов мимо не проплывал щит, приглашавший: «Посетите всемирно известные поющие пески! Всего 214 миль!». И все начиналось заново.

На западе, в действительно скучных штатах, таких как Небраска и Канзас, могли ставить щиты практически ни о чем: «Посмотрите на мертвую корову! Часы веселья для всей семьи!» или «Деревянная доска! Всего 132 мили!». Я хорошо помню, как на протяжении поездки мы осмотрели отпечаток ноги динозавра, нарисованную пустыню, окаменелую лягушку, яму, которая претендовала на звание самого глубокого в мире колодца, и дом, полностью построенный из пивных бутылок. Если честно, из многих своих каникул я запомнил только эти.

Реальность всегда разочаровывает, однако это не главное. Вы не платили 75 центов за то, чтобы на что-то посмотреть; вы платили 75 центов в качестве награды человеку с богатым воображением, который помог вам проехать 127 миль скучной трассы в состоянии искреннего любопытства и, в моем случае, не изрисованным ручкой. Мой отец этого никогда не понимал.

А сейчас, жаль говорить, мои дети тоже этого не понимают. Когда мы ехали через Пенсильванию, настолько нелепо огромный штат, что на его пересечение уходит целый день, то на обочине промелькнул знак: «Посетите всемирно известную Придорожную Америку! Всего 79 миль!».

Я не имел ни малейшего понятия, что собой представляла Придорожная Америка, и нам было совсем не по пути, но я настоял, чтобы мы все равно туда заехали. Такие развлечения нынче практически вымерли, и в наши дни самое интересное, что можно встретить на американском шоссе, — «Хэппи Мил» от «Макдоналдс». Поэтому Придорожная Америка, чем бы она ни была, согревала душу. Ирония в том, что я единственный в машине (подавляющее меньшинство) захотел на нее посмотреть.

Придорожная Америка оказалась моделью железной дороги, с маленькими поселками и туннелями, фермами, миниатюрными коровами и овцами и множеством поездов, которые ездили по бесконечному кругу. Она немного запылилась и была плохо освещена, но все равно очаровывала своей неизменностью с 1957 года. Мы оказались в тот день единственными посетителями, возможно, первыми за многие дни. Мне очень понравилось.

— Разве не здорово? — спросил я у младшей дочери.

— Папа, ты безнадежен, — грустно произнесла она.

Я с надеждой повернулся к ее маленькому брату, но тот затряс головой и пошел за сестрой.

Естественно, я был разочарован, но, думаю, я знаю, что делать в следующий раз. Я буду держать их два часа пригнутыми к сиденью и разрисовывать их шариковой ручкой. Тогда они оценят развлечения на дороге. В этом я уверен.

Шпионы на работе

Есть кое-что, о чем нужно помнить, когда вы оказались в примерочной в каком-либо американском универсальном магазине или любом другом торговом заведении. Это полностью законно и на самом деле, по-видимому, является вполне обыденным. Магазин шпионит за вами, пока вы примеряете одежду.

Я это знаю, потому что только прочел книгу Эллен Олдермен и Каролин Кеннеди под названием «Право на частную жизнь», в которой содержится множество тревожных историй о том, каким образом компании и работодатели могут — и с удовольствием делают — вторгаться в то, что, как правило, должно считаться частной жизнью.

О шпионаже в примерочных стало известно в 1983 году, когда один из покупателей во время примерки одежды в магазине в Мичигане заметил, что один из работников магазина забрался на стремянку и наблюдает за ним через металлическую вентиляционную решетку. (Не слишком вежливо, вам не кажется?) Покупатель настолько возмутился, что подал на магазин в суд за вторжение в частную жизнь. И проиграл. Суд штата назвал слежку «мерой, необходимой для предотвращения воровства в магазинах».

Ничего удивительного. В Америке в наши дни в той или иной степени наблюдают почти за всеми. Сочетание технического прогресса, паранойи работодателя и скупости торговцев ведет к тому, что жизни многих миллионов американцев изучаются способами, которые были невозможны (никто даже предположить не мог) всего лет десять назад.

Войдите в Интернет — почти каждый сайт, который вы посетите, запомнит, что вы изучали и как долго вы на нем пробыли. Эту информацию можно, и чаще всего так и происходит, продать компаниям почтовых рассылок или маркетинговым агентствам; иными словами, использовать для того, чтобы засыпать вас настойчивыми предложениями потратить деньги.

Что еще хуже — есть множество поставщиков информации, индивидуальных электронных шпионов, которые собирают о людях персональную информацию через Интернет. Если вы живете в Америке и хоть раз участвовали в выборах, они могут узнать ваш адрес и дату рождения, потому что электронные списки избирателей хранятся на серверах государственных архивов во многих штатах. С этой информацией (всего за 8 или 10 долларов) вам доступны практически любые личные

данные о любом человеке, о котором вам захотелось бы узнать: судебные и медицинские записи, водительские данные, кредитная история, хобби, покупательские привычки, ежегодный доход, телефонные номера (включая внутренние номера компаний) и тому подобное.

Многое из этого было доступно и раньше, однако на звонки и визиты в разные государственные инстанции уходило много дней. Теперь все можно выяснить за одну минуту, в условиях полной анонимности, через Интернет.

Многие компании пользуются преимуществами новых технологий, чтобы повысить эффективность бизнеса. В штате Мэриленд, как сообщает журнал «Тайм», один банк изучал медицинские записи своих заемщиков — видимо, на законном основании, — чтобы выяснить, кто из них страдает какими заболеваниями, и использовал эту информацию, чтобы отказывать в ссудах. Другие компании сосредоточились не на клиентах, а на собственных сотрудниках — к примеру, для того, чтобы следить, какие медицинские препараты те принимают. Одна крупная фирма сотрудничала с фармацевтической компанией, дабы иметь возможность прочесывать медицинские записи работников и узнавать, кто способен преуспеть на работе благодаря антидепрессантам. Фирма желала получить более спокойных сотрудников, а фармацевтическая компания — больше клиентов.

По данным Американской ассоциации управления, две трети компаний в Соединенных Штатах следят за своими работниками тем или иным способом. Тридцать пять процентов из них отслеживают телефонные звонки, а десять процентов даже записывают на пленку телефонные разговоры, чтобы на досуге их прослушивать. Около четверти компаний признают, что просматривают компьютерные файлы работников и читают их электронную почту.

А остальные следят за работниками тайно. Секретарь одного колледжа в штате Массачусетс обнаружила в кабинете скрытую видеокамеру, которая снимала ее двадцать четыре часа в сутки. Кто знает, что руководство надеялось узнать с помощью этого приспособления, но получило оно лишь фильм о женщине, каждый вечер менявшей свой деловой костюм на спортивный, чтобы пробежаться от работы до дома. Теперь секретарь судится с работодателем и, возможно, получит кучу денег. Но в других штатах суды всегда защищали право компаний следить за сотрудниками.

В 1989 году, когда одна из работниц крупной японской компьютерной компании узнала, что руководство постоянно читает электронную почту сотрудников, вопреки собственным заявлениям, она подняла скандал и тут же была уволена. Она подала в суд за несправедливое увольнение — и

проиграла. Суд встал на сторону компании, пускай та не просто просматривала частную переписку работников, но и лгала, что этого не делает. Вуаля!

Вернемся к избитой теме — паранойе по поводу наркотиков. У меня есть друг, который около года назад получил работу в крупной производственной компании в штате Айова. Через улицу от офиса компании находился бар, который становился пристанищем работников компании после рабочего дня. Однажды вечером мой друг пил пиво со своими коллегами, к ним подошла еще одна сотрудница и спросила, не знает ли он, где можно достать марихуану. Он ответил, что сам не употребляет, но чтобы отделаться от нее — она была весьма настойчива, — дал номер телефона одного знакомого, который иногда продавал «травку».

На следующий день его уволили. Эта женщина оказалась шпионкой; компания наняла ее, чтобы выяснить, употребляют ли сотрудники наркотики. Вы понимаете? Мой друг не давал ей марихуану, не предлагал попробовать, ясно сказал, что сам не курит «травку». Тем не менее его уволили за «подстрекательство и поощрение использования нелегальных веществ».

Девяносто один процент крупных компаний — я нахожу эту цифру почти невероятной — проверяет работников на наркотики. Многие компании ввели так называемые правила ТАН — сокращение от «табак, алкоголь и наркотики», — которые запрещают работникам употреблять любые из этих веществ в любое время, в том числе дома. Есть компании, как ни сложно в такое поверить, которые запрещают своим сотрудникам пить и курить — под запретом даже кружка пива в субботний вечер — и проверяют добросовестность по анализу мочи. Это возмутительно, но тем не менее так и есть.

И с каждым годом становится все суровее. Два ведущих производителя электроники совместно запатентовали нечто под названием «активный бейдж», который отслеживает передвижения работника, приговоренного к его ношению. Бейдж посылает сигнал каждые пятьдесят секунд. Этот сигнал принимает центральный компьютер, который записывает, где находится работник, которому принадлежит бейдж, сколько раз он ходил в туалет или пил воду — короче, в курсе всех перемещений человека во время рабочего дня. Если это не страшно, тогда не знаю, что может быть страшнее.

Однако, рад сообщить, есть устройство, которое определенно полезно. Одна компания в Нью-Джерси получила патент на прибор, который определяет, моют ли работники ресторана руки после посещения туалета.

Вот это мне нравится.

Как взять автомобиль напрокат

Мы вернулись в Штаты около двух с половиной лет назад, если сможете поверить (а если не сможете, попробуйте), так что вы наверняка решите, что я уже ко всему должен был привыкнуть, но, увы, это не так. Лабиринты современной американской жизни до сих пор приводят меня в замешательство. Здесь все очень сложно, знаете ли.

Не так давно мне представилась возможность поразмышлять на эту тему, когда в аэропорту Бостона я зашел в офис фирмы проката автомобилей и служащий после записи всех номеров, какие только имели ко мне отношение, и снятия ксерокопий нескольких моих кредиток предложил:

— Хотите страховку от возможного отказа третьей стороны от материальной ответственности за автомобиль в случае аварии?

— Не знаю, — неуверенно сказал я. — А что это такое?

— Она покрывает расходы в случае, если требования о компенсации затрат будут направлены на вас второй стороной, либо вы дважды исключите первую или вторую сторону от имени четвертой.

— Если только вы не претендуете на возмещение остаточной суммы первой стороной, — добавил мужчина, стоявший за мной в очереди, что заставило меня повернуть голову.

— Нет, это только в Нью-Йорке, — поправил работник компании. — В Массачусетсе вы не можете претендовать на возмещение остаточной суммы, если только не останетесь с одной ногой и, как правило, если вы не гражданин Штатов с точки зрения налоговых служб.

— Вы имеете в виду страховку от отказа второй стороны из-за нетрудоспособности? — уточнил еще один человек в очереди, обращаясь к первому. — Вы из Род-Айленда?

— Ну да, — ответил первый.

— Тогда это все объясняет. У вас двойная отрицательная надбавка за различные несчастные случаи.

— Я не понимаю вообще ничего! — вскричал я жалобно.

— Объясняю, — сказал работник компании с легким раздражением. — Предположим, вы врезались в автомобиль, владелец которого имеет страховку от отказа второй стороны из-за нетрудоспособности, но он не оплатил компенсацию первой и третьей стороны при несчастном случае. Если у вас есть страховка от возможного отказа третьей стороны от

материальной ответственности за автомобиль в случае аварии, вам не придется самому лично требовать разового обратного отказа от ответственности. Какую сумму вам осталось выплатить за кредит?

— Не знаю, — признался я.

Он удивленно уставился на меня.

— Не знаете? — произнес он недоверчиво.

Краем глаза я заметил, как другие люди в очереди обменялись удивленными взглядами.

— Такими делами занимается миссис Брайсон, — немного недовольно сказал я.

— Каков средний размер ваших штрафов?

Я беспомощно посмотрел на него, умоляя не бить больно, и ответил:

— Не знаю.

Он втянул воздух с шумом, возможно, скрывая сильное желание вытурить меня вон.

— Похоже, вам нужна универсальная полная многоразовая страховка с двойным покрытием.

— С дифференцированной страховкой в случае смерти, — предложил второй мужчина в очереди.

— Что это такое? — грустно спросил я.

— Все описано в нашей брошюре, — сказал работник компании и протянул мне книжку. — Как правило, вы можете получить сто миллионов долларов в случаях кражи, пожара, несчастного случая, землетрясения, ядерной войны, взрыва болотного газа, падения метеорита, съезда с дороги, ведущих к потере волос и преднамеренному летальному исходу, — при условии, что все это произойдет одновременно, и у вас будут сутки, чтобы записать и отправить отчет о несчастном случае.

— И сколько она стоит?

— Сто семьдесят два доллара в день. А в подарок набор ножей для стейка.

Я посмотрел на других в очереди. Те закивали.

— Хорошо, беру, — сказал я смиренно.

— Хотите купить дополнительную услугу «Не беспокойся о дозаправке» или услугу «Заправься сам дешево»?

— Что это такое? — спросил я в отчаянии, осознав, что ад еще не закончился.

— С услугой «Не беспокойся о дозаправке» вы можете вернуть машину с пустым баком при единовременной выплате тридцати двух долларов девяносто пяти центов. С другим бонусом вы заполняете бак сами

до того, как вернуть машину, и мы ставим отметку «Тридцать два девяносто пять» на счете в графе «Прочие непредвиденные расходы».

Я проконсультировался со своими советниками и приобрел услугу, избавляющую от всех беспокойств.

Работник отметил галочкой соответствующую строку в формуляре.

— А автомобильный локаатор?

— Что это?

— Мы скажем вам, где стоит автомобиль.

— Возьмите, — с чувством начал убеждать меня ближайший ко мне в очереди мужчина. — Как-то в Чикаго я не взял локаатор и провел два с половиной дня, бродя по аэропорту в поисках этой проклятой железяки. Оказалось, она была под брезентом на кукурузном поле недалеко от Пеории.

И понеслось. В конце концов, когда мы разобрались с двумя сотнями страниц и сложными многоуровневыми бонусами, работник протянул мне контракт.

— Просто подпишите здесь и здесь, — указал он. — И поставьте имя здесь, здесь, здесь и здесь и еще здесь. И здесь, здесь и здесь.

— Что я подписываю? — осторожно спросил я.

— Этот документ дает нам право приехать к вам домой и изъять одного из ваших детей или какое-либо хорошее электронное оборудование, если вы не вернете автомобиль вовремя. Этот документ — ваше согласие на принятие сыворотки правды в случае возникновения спора. Этот лишает вас права обратиться в суд. Этот признает, что любой вред, нанесенный автомобилю сейчас или в будущем, будет на вашей ответственности. А это — ваше пожертвование двадцати пяти долларов в фонд Бернис Ковальски.

До того, как я успел произнести хоть слово, он выхватил у меня контракт и положил его на стойку с картой аэропорта.

— Теперь как найти автомобиль, — продолжил он, рисуя на карте, как в детских книжках-раскрасках обычно рисуют загадки с лабиринтами. — Следуйте по красным указателям через терминал А в терминал Д2, потом идите по желтым указателям — и по зеленым — через парковку к эскалаторам сектора Р. Спуститесь по эскалатору до зала прибытия К, сядьте на автобус, идущий по маршруту «Остановка шаттлов — Долина Миссисипи» и ежайте до парковки номер А4-27-Запад. Сойдите там, идите по белым стрелкам через туннель, через карантинную зону и станцию очистки воды. Перейдите взлетно-посадочную полосу 22-Левая, перелезьте через забор на самом крайнем участке и спуститесь к набережной, и вы найдете свою машину, припаркованную на пляже номер

12 604. Это красный «Флаймо». Вы не пройдете мимо.

Он отдал мне ключи и большую коробку с документами, страховками и прочими подобными вещами.

— И удачи вам! — крикнул он вслед.

Естественно, я так и не нашел автомобиль и опоздал на несколько часов к назначенному времени, но, должен признаться, мы получили большое удовольствие от ножей для стейка.

Осень в Новой Англии

Ах, осень!

Каждый год в это время за исключительно короткий промежуток — неделю, самое большее две — здесь происходит что-то удивительное. Вся Новая Англия взрывается цветом. Все те деревья, которые месяцами были темно-зеленым фоном, внезапно вспыхивают мириадами сверкающих красок, и вся природа, как выразилась Фрэнсес Троллоп, «покидает этот бренный мир».

Вчера, сославшись на жизненно важное исследование, я отправился на автомобиле в Вермонт, а затем отправил свои онемевшие ноги на самую вершину Киллингтонпик, на высоту 4235 футов пышного великолепия в самом сердце Зеленых гор. Был один из тех потрясающих дней, когда мир наполнен чистым и пряным совершенством, а воздух настолько прозрачен и ясен, что чувствуешь, будто можно дотянуться, стукнуть его пальцем — и он зазвенит, как винный бокал. Даже цвета были свежими: ярко-синее небо, темно-зеленые поля, листва тысяч сверкающих оттенков. И вправду поражает, когда каждое дерево в пейзаже становится уникальным, а каждый уходящий в даль поворот дороги и закругленный горный склон внезапно и бесконечно расцветают тонкими оттенками, какие только может даровать природа — огненно-алым, сияющим золотым, пульсирующе-терракотовым, жгуче-оранжевым.

Простите, если кажусь по-детски восторженным, но просто невозможно описать столь величественную картину одним словом. Даже великий натуралист Дональд Калросс Питти, человек, чья проза настолько суха, что ею можно натирать полы, абсолютно потерял голову, когда пытался передать чудо осени в Новой Англии.

В своей классической работе «Естественная история деревьев Востока и Центра Северной Америки» Питти на 434 страницы растянул воспевания на языке, который можно с полным правом назвать профессиональным (типичная фраза: «Дуб — обычно массивное и широкое лесное дерево, с чешуйчатой или морщинистой корой и более или менее пятиконечными ветками и соответственно пятиконечными листьями...»), но, когда в конце концов он обратил свое внимание на сахарный клен, который растет в Новой Англии, и на яркое осеннее облачение этого дерева, все изменилось, будто кто-то разогнал всю серость. В потоке метафор, произнесенных на одном дыхании, Питти описывает кленовые цвета как «подобные крику

великой армии... подобные языкам пламени... подобные могущественному маршу, который несется на гребнях бушующего моря и своей воинственной песней придает значение всему умышленному диссонансу оркестра». И кажется, будто вот-вот его жена произнесет: «Да, Дональд. А теперь прими свои таблетки, дорогой».

В двух лихорадочных параграфах Питти продолжает в том же духе, а затем резко возвращается к рассуждениям о провисании пазух листьев, чешуйках почек и отвислых побегах. И я его вполне понимаю. Когда я добрался до необычно чистого, увлажненного осенним сиянием воздуха пика Киллингтон, откуда видно все вокруг, я понял, что мне остается лишь раскинуть руки в стороны и броситься вниз под музыку Джона Денвера. (Вот почему нужно забираться на эту вершину с опытным товарищем и походной аптечкой в полной комплектности.)

Возможно, вы читали об одном академике, который предъявил публике ученый аналог цветной диаграммы и объявил тоном первооткрывателя, что листва кленов Мичигана и дубов Озарка достигает еще более глубоких оттенков, но он полностью забыл о тех особенностях, которые делают осенний пейзаж Новой Англии уникальным.

Во-первых, пейзаж Новой Англии демонстрирует антураж, с которым не может соперничать ни один другой район Северной Америки. Белые, залитые солнцем церкви, крытые деревянные мосты, крошечные фермы и скопления деревень идеально дополняют богатые природные цвета. Более того, тут разнообразие деревьев, которого нет ни в одном другом регионе: дубы, буки, осины, сумахи, четыре разновидности кленов и другие почти неисчислимые виды, — и оно представляет собою контраст, подавляющий чувства. В конце концов, что самое главное, осенью здесь наблюдается краткий совершенный баланс климата, со свежими прохладными ночами и теплыми солнечными днями, что ведет все теряющие листву деревья к одновременной, так сказать, кульминации. Так что не совершайте ошибок. В течение нескольких прекрасных дней в октябре Новая Англия — без сомнения, самое красивое место на Земле.

А любопытнее всего то, что никто не знает, почему так происходит.

Осенью, как вы легко вспомните из школьного курса биологии (если не удастся, то из телепередачи «Завтрашний мир»), деревья готовятся к долгой зимней спячке, прекращают вырабатывать хлорофилл, вещество, которое и окрашивает их листья в зеленый цвет. Отсутствие хлорофилла позволяет другим пигментам — каротеноидам, которые также содержатся в листьях, немного покрасоваться. Каротеноиды отвечают за желтые и золотые цвета берез, гикори, буков и некоторых дубов, среди прочего. А вот

тут становится интереснее. Чтобы позволить золотым оттенкам блистать, деревья должны продолжать кормить листву, несмотря на то что она уже не делает на самом деле ничего полезного, только висит и выглядит довольно симпатично. Вообще-то дерево должно сохранять энергию для будущей весны, вместо этого оно предпринимает попытки подкормить пигменты, которые радуют глаз простого парня вроде меня, но не делают ничего для самого дерева.

Что еще более странно — то, что некоторые разновидности деревьев, за большую для самих себя цену, вырабатывают вещество под названием антицианин, которое отвечает за эффектные оранжевые и алые цвета, столь характерные для Новой Англии. И вовсе не потому, что деревья в Новой Англии вырабатывают больше этого самого антицианина, просто климат и почва Новой Англии предоставляют действительно благоприятные условия для буйства этих красок. В более влажном или теплом климате деревья подвергаются тем же испытаниям — все происходит уже многие годы, — но это ни к чему не приводит. Никто не знает, почему деревья предпринимают такие усилия, явно не получая ничего взамен.

А вот и самая большая загадка. Каждый год буквально миллионы американцев, которых местные жители ласково называют «подсматривающими за листьями», садятся в свои автомобили, едут через огромные расстояния в Новую Англию и проводят выходные бродя вокруг мастерских и лавок с названиями вроде «Антиквариат и редкие вещи у Норма».

Я бы отметил, что из этих гостей не более 0,05 % отходят дальше 150 футов от своих автомобилей. Что за странная, необъяснимая причуда — приехать в край совершенства и повернуться к нему спиной?

Они упускают не только радости отдыха на свежем воздухе — свежесть, богатый природный запах, неописуемое удовольствие побродить по кучам опавшей листвы, — но и удовольствие услышать гуляющее по холмам эхо песни «Забери меня домой, сельская дорога», исполняемой громкими голосами с приятно выделяющимся гнусавым акцентом жителей Новой Англии. А это, лично для меня, определенно стоит того, чтобы отойти от машины.

Небольшие неудобства

Сегодня наша тема — удобства в Америке, или Как стремление сделать удобнее все только портит.

Однажды я задумался об этом (вы знаете, я все время думаю — это удивительно), когда взял своих младших детей в «Бургер Кинг» на ланч, и у окошка экспресс-обслуживания выстроилась очередь из десятка машин. В наши дни экспресс-обслуживание, несмотря на название, не означает обслуживание в поездах, это просто окошко, к которому вы подъезжаете и забираете еду, заказав ее при подъезде в громкоговоритель. Идея заключается в том, что еду продают на вынос тем, кто спешит.

Мы припарковались, зашли, сделали заказ, съели и снова вышли минут через десять. Когда мы отъезжали, я заметил, что белый грузовичок, который был последним в очереди, когда мы подъехали, все еще стоит за четырьмя-пятью машинами от окошка. Было бы гораздо быстрее, если бы водитель, как и мы, припарковался, зашел внутрь и сам заказал еду, но он никогда бы до этого не додумался, потому что экспресс-обслуживание предположительно быстрее и удобнее.

Конечно, вы понимаете, о чем я. Американцы настолько привержены идее удобства, что мирятся с любыми неудобствами, только бы добиться желаемого. Это абсурд, я знаю, но так и есть. Нечто предположительно упрощает нашу жизнь настолько часто, что имеет обратный эффект; вот я и задумался (видите, опять!), почему так должно быть.

Американцы всегда испытывали странную приверженность к идее принудительной помощи. Интересно, что почти все ставшие привычными изобретения, которые облегчают нашу жизненную борьбу — эскалаторы, автоматические двери, пассажирские лифты, холодильники, стиральные машины, замороженная еда, фаст-фуд, — были изобретены в Америке, или, по крайней мере, впервые здесь опробованы. Американцы так привыкли к постоянному потоку облегчающих труд преимуществ, что к 1960-м годам стали считать, будто машины должны делать для них практически все на свете.

Помню, впервые я осознал, что идея не столь уж хороша, когда на рождество 1961 или 1962 года папе подарили электрический разделочный нож. Это была одна из первых моделей, довольно внушительных размеров. Возможно, память меня подводит, но я четко вспоминаю, как отец надевал защитные очки и толстые резиновые перчатки до того, как включить нож в

розетку. Что точно правда, это что, когда папа взялся за индейку, нож не столько разделявал птицу, сколько разбрасывал ее куски повсюду, своего рода белым мясным снегом, пока лезвие не уперлось в тарелку; сполох голубых искр — и все выскочило из отцовских рук, понеслось по столу и вылетело из комнаты, как чудовище в фильме «Гремлины». Кажется, мы так и не нашли этот нож, хотя иногда по ночам слышали, как он бьется о ножки стола.

Как и большинство патриотичных американцев, мой отец вечно покупал штуковины, которые оказывались катастрофой — отпариватели одежды, которые не убрали складки с костюмов, зато обои после них отходили от стен рулонами, электрические точилки для карандашей, которые могли сточить карандаш полностью (включая металлический наконечник и ваши пальцы, если вы не проявили достаточной сноровки) меньше чем за секунду, водные зубочистки (для тех, кто не знает, это водомет, который струей жидкости чистит ваши зубы), которые были настолько мощными, что удержать их способны были лишь два человека вместе, и после которых ванная становилась похожа на автомойку, и многое другое.

Но все это несравнимо с сегодняшней ситуацией. Сегодня американцы окружены устройствами, которые делают за них почти все, до абсурда — автоматические диспенсеры для кошачьего корма, электрические соковыжималки и консервные ножи, холодильники, которые сами готовят кубики льда, автоматические автомобильные окна, одноразовые зубные щетки с уже положенной на них зубной пастой. Люди настолько пристрастились к удобствам, что попали в замкнутый круг: чем больше они покупают предметов, облегчающих труд, тем больше им приходится работать; а чем больше им приходится работать, тем больше требуется предметов, облегчающих труд.

Нет ничего, и не важно, насколько это смехотворно, что не нашло бы благодарную аудиторию в Америке, если это «нечто» обещает хоть какое-то избавление от физических усилий. Недавно я видел рекламу «вращающейся вешалки для галстуков с подсветкой» за 39,95 долларов. Вы нажимаете кнопку и устраиваете просмотр всем своим галстукам до того, как надеть один из них, что избавляет вас от жестокого испытания перебирать оные руками.

Наш дом в Нью-Гэмпшире наполнен хитроумными устройствами, установленными прежними владельцами; все они спроектированы так, чтобы сделать жизнь немного проще. В известной степени некоторые из них на самом деле выполняют свою задачу (мой любимый прибор, конечно

же, кухонный диспоузел), однако большинство представляет собой поразительно бесполезные предметы. К примеру, в одной из наших комнат установлены автоматические шторы. Щелкаешь выключателем на стене — и четыре пары штор легко открываются и закрываются. По крайней мере, таков был замысел. На практике же одна из них открывается, другая закрывается, третья закрывается и открывается постоянно, а еще одна не делает абсолютно ничего первые пять минут, а потом начинает дымиться. Мы не подходим к ним близко с самой первой недели проживания.

Еще мы унаследовали автоматические гаражные ворота. Теоретически звучит прекрасно и даже довольно-таки модно. Вы заезжаете на свою дорожку, нажимаете кнопку на пульте дистанционного управления и затем, в зависимости от вашего умения выбрать подходящий момент, либо медленно въезжаете в гараж, либо тараните нижний край ворот. Потом снова нажимаете кнопку — и двери за вами закрываются, а кто-то, проходя мимо, думает: «Ух ты! Стильный парень!»

В реальности, как я выяснил, ворота нашего гаража закрываются, только когда уверены в том, что раздавят трехколесный велосипед или искромсают грабли, а затем, однажды закрывшись, уже не откроются до тех пор, пока я не залезу на стул и не произведу какое-нибудь темпераментное действие с отверткой и молотком, направленное на распределительный щит, или в конце концов не позвоню в мастерскую по ремонту гаражных ворот парню по имени Джек, который проводит свой отпуск на Мальдивах с тех пор, как мы стали его клиентами. Я заплатил Джеку денег больше, чем заработал сам за первые четыре года после окончания колледжа, и до сих пор у меня нет в гараже ворот, на которые я мог бы положиться.

Вы снова меня понимаете. Только кажется, что автоматические шторы и гаражные ворота, электрические диспенсеры кошачьего корма и вращающиеся вешалки для галстуков облегчат вашу жизнь. На самом деле все, чему они служат, — сделать ваше существование дороже и сложнее.

И отсюда два важных вывода. Первый: никогда не забывайте, что первый слог слова «удобство» — буква «у». И второй: отправьте своих детей в школу по ремонту гаражных ворот.

Ну подайте на меня в суд

В Британии у меня есть друг, ученый, и недавно адвокаты одной американской компании предложили ему выступить экспертом в суде по делу, которым они занимались. Они сказали, что хотели бы отправить в Лондон прокурора и двух ассистентов, чтобы с ним встретиться.

— А не проще и дешевле было бы мне прилететь самому в Нью-Йорк? — предложил мой друг.

— Проще, — тут же ответил адвокат, — но в данном случае мы сможем предъявить клиенту счет на оплату трех поездок.

Вот вам рассуждения американских представителей закона.

Теперь я не сомневаюсь, что огромное число американских адвокатов — по крайней мере двое — осуществляет удивительно дорогостоящую работу, которая полностью оправдывает счета по 150 долларов в час, сегодняшнюю ставку, как я выяснил. Но проблема в том, что их просто очень много. На самом деле — истинно отрезвляющая статистика — в Соединенных Штатах адвокатов больше, чем во всем остальном мире: почти 800 тысяч человек, и в 1960 году их уже было великое множество — 260 тысяч. Мы можем похвастаться 300 адвокатами на 100 тысяч жителей. В Великобритании, для сравнения, эта цифра составляет 82, а в Японии — всего 11 адвокатов.

И конечно же, всем адвокатам нужна работа. В большинстве штатов адвокатам теперь разрешается публиковать рекламу, что многие из них и делают с большой радостью. Каждые полчаса по телевидению показывают по меньшей мере один ролик, в котором адвокат с честнейшим лицом произносит: «Привет. Я Уинни Слик из компании „Прогнись и умасли юридических партнеров“. Если вы получили травму на работе, или попали в автомобильную катастрофу, или просто не знаете, куда девать деньги, приходите ко мне — и мы найдем, на кого подать в суд».

Американцы, как известно, любители посудиться на ровном месте. На самом деле, осмелюсь сказать, кто-то когда-то подал в суд на ровное место и отсудил 20 миллионов долларов за боль и страдания, которые оно причинило. И действительно, создается ощущение, что если по какой-то причине что-то пойдет не так, а вы окажетесь где-то по соседству — копите денежки.

Это наглядно продемонстрировали пару лет назад, когда на химическом заводе в Ричмонде, штат Калифорния, произошел взрыв и дым

накрыл весь город. В течение нескольких часов двести адвокатов и их представителей спустились к возмущенному народу, одаривая своими визитками и советуя обращаться в местную больницу. Двадцать тысяч жителей охотно так и поступили.

Новый поворот этого события похож на своего рода вечеринку на открытом воздухе. Из всех двадцати тысяч счастливых, улыбающихся и на вид весьма здоровых людей, которые прошли медицинское исследование в пункте экстренной помощи, только двадцать оставили в больнице. Но, несмотря на то что число по-настоящему пострадавших оказалось столь незначительным, по меньшей мере семьдесят тысяч жителей города — практически все население — подали в суд. Компания согласилась выплатить 180 миллионов долларов в качестве компенсации. Из них 40 миллионов получили адвокаты.

Каждый год в этой экстравагантной стране — любительнице посудиться появляется более 90 миллионов новых дел — одно на каждые 2,5 человек, — и многие из них можно снисходительно назвать «смелыми». Как раз сейчас родители одного школьника из Техаса судятся с тренером школьной бейсбольной команды по обвинению в оскорблении и требуют оплаты морального ущерба за то, что он оставлял их сына на скамье во время игры. В штате Вашингтон в то же время мужчина с больным сердцем судится с местными молочными заводами, «потому что на их коробках с молоком не было предупреждения о содержании холестерина». Уверен, вы читали о женщине в Калифорнии, которая подала в суд на студию Уолта Диснея после того, как она и ее семья фотографировались на автомобильной парковке Диснейленда. Главный пункт обвинения гласил, что внуки этой женщины испытали шок и получили психическую травму, когда фотографировались за декорациями и увидели диснеевских персонажей, снимающих свои костюмы. Новость о том, что Микки Маус и Гуфи на самом деле реальные люди в костюмах, очевидно, оказалась слишком шокирующей для бедных малышей.

В рассмотрении этого дела было отказано, однако в других местах люди зарабатывают целые состояния за любую боль или ущерб, которые они, возможно, испытали. Совсем недавно много говорили о деле работника пивоварни в Милуоки, который пересказал специфический сюжет одного эпизода телесериала «Сейнфелд» коллеге, а та восприняла это как оскорбление и подала на него в суд за сексуальное домогательство. Компания отреагировала и уволила парня, а он в ответ подал в суд на компанию. Не знаю, кто чего добился — честно говоря, для меня это звучит так, будто все они нуждались в хорошей трепке, — но в результате

уволенный работник отсудил 26,6 миллионов долларов, грубо говоря, 400 тысяч годовых заработков, благодаря сочувствию (то есть слабоумию) присяжных.

Идея, что, если обратиться в суд, можно быстро заработать состояние — интересная и уникальная американская особенность, за которую — не важно, что происходит, — кто-то должен нести ответственность. Если, скажем, вы курите восемьдесят сигарет в день в течение пятидесяти лет и в конце концов у вас находят рак, это должна быть чья угодно вина, но не ваша, и вы подаете в суд не только на производителя сигарет, но и на поставщика, магазин, транспортную компанию, которая доставила эти сигареты в магазин, и так далее. Одна из самых необычных особенностей американского законодательства — та, что оно позволяет истцам подавать в суд на физических и юридических лиц, имеющих хоть какое-нибудь отношение к иску.

Из-за того, как работает система (или, скорее, из-за того, что она вообще не работает), для компании или организации зачастую дешевле урегулировать спор без судебного разбирательства, чем доводить дело до суда. Я знаю женщину, которая поскользнулась и упала на входе в магазин в дождливый день и, к ее удивлению и радости, ей предложили моментально выплатить на месте не больше и не меньше как 2500 долларов, если она подпишет бумагу о том, что не будет подавать в суд. Она и подписала.

Для общества все это стоит огромных денег — нескольких миллиардов долларов в год по меньшей мере. Один только Нью-Йорк тратит 200 миллионов долларов в год на урегулирование дел вроде «поскользнулся и упал» — люди спотыкаются о бордюры и тому подобное. Как говорилось в недавнем документальном фильме компании Эй-би-си, посвященном неконтролируемому американскому законодательству, из-за раздутой цены ответственности за качество продукции потребители в Соединенных Штатах платят на 500 долларов больше за каждый купленный автомобиль, на 100 долларов больше за шлемы для регби и на 3 тысячи больше за стимуляторы сердца. Согласно фильму, они даже платят немного больше (так утверждается) за стрижку волос, потому что один или два нервных клиента удачно подали в суд на своих парикмахеров из-за пары неосторожных взмахов ножницами, что лично я считаю вполне обычным.

Естественно, все это навело меня на мысль. Я собираюсь пойти и выкурить восемьдесят сигарет, затем поскользнуться и упасть с пакетом молока с высоким содержанием холестерина, пересказывая сюжет эпизода «Сейнфелд» проходящей мимо женщине на автомобильной парковке

Диснейленда, а затем позвоню Уинни Слику, и посмотрим, сможем ли мы выиграть дело. Я не собираюсь требовать меньше 2,5 миллиарда долларов — причем мы еще не коснулись моей недавней стрижки.

Как прекрасно сидеть дома

Как-то раз я вышел прогуляться, и меня поразила одна странность. День был прекрасный — самый прекрасный, какой только может быть, вероятно, последний в таком роде из всех, что мы увидим здесь в течение долгого зимнего месяца; однако почти у всех проезжающих автомобилей были подняты стекла на окнах.

Все водители включили климат-контроль, чтобы создать внутри своих запечатанных машин подходящую погоду, которая уже настроена снаружи, в более широком мире, и мне пришло в голову, что, когда дело касается свежего воздуха, американцы просто теряют рассудок, или чувство меры, или что-нибудь еще.

О, иногда они все же выходят на улицу, чтобы испытать что-то новенькое — выезжают на пикник, скажем, или проводят целый день на пляже, или едут в большой парк, — но это, скорее, исключение. В целом, большинство американцев с рождения настолько привыкли к идее проведения большей части своей жизни в нескольких искусственных средах, что возможность выбора не приходит им в голову.

Так что они делают покупки в закрытых магазинах, ездят в эти магазины в автомобилях с закрытыми окнами и климат-контролем внутри, даже когда погода — само совершенство. Они работают в офисах, где не могут открывать окна, даже если захотят — но, естественно, желающих и нет. Когда уезжают в отпуск, то зачастую в большом доме на колесах, который позволяет им исследовать великие пространства без необходимости в те внедряться. Все чаще, когда они ездят на спортивные соревнования, их ждет закрытый стадион. Прогуляйтесь летом в Америке по соседним улицам — вы не увидите детей, катающихся на велосипедах или играющих в мяч, потому что они сидят дома. Все, что вы услышите, — однообразное жужжание кондиционеров.

В городах по всей стране стали пристраивать к зданиям так называемые воздушные переходы — закрытые пешеходные дорожки над землей, конечно же с климат-контролем, — соединяющие между собой дома в центре. В моем родном городе Де-Мойне, штат Айова, первый воздушный переход был протянут между отелем и торговым центром около двадцати пяти лет назад и стал так популярен, что вскоре другие застройщики переняли эту идею. Теперь по центру города в любом направлении можно пройти полмили, а то и больше, ни разу не ступив на

улицу. Все магазины, которые раньше были на улице, теперь поднялись на второй этаж, где фланирует основная часть пешеходов. Теперь на улицах Де-Мойна можно увидеть только пьяниц и работников офисов, вышедших покурить. Улица, видите ли, стала своего рода чистилищем, местом изгнания.

Существуют даже клубы, где офисные работники переодеваются в спортивные костюмы и во время обеденного перерыва проводят активные и полезные прогулки по размеченному маршруту вдоль воздушных переходов. Им даже не приходит в голову выйти на улицу для занятий. Это люди, как вы понимаете, ходят в торговые центры не за покупками, а чтобы размяться.

Последний раз, когда был в Де-Мойне, я забежал к одному старинному другу семьи. Он был одет в спортивный костюм и сказал, что только что вернулся с занятий пешеходного клуба в торговом центре «Вэлли Уэст Молл». Стоял отличный апрельский денек, и я спросил, почему этот клуб не занимается в одном из нескольких больших и красивых городских парков.

— Ни дождей, ни холода, ни ям, ни грабителей, — тут же ответил он.

— Но в Де-Мойне нет грабителей, — напомнил я.

— Верно, — тут же согласился он, — а знаешь почему? Потому что на улицах некого грабить.

Он многозначительно закивал головой, будто я об этом не подумал, — а я действительно об этом не подумал.

Апофеозом странного движения «внутри» является, возможно, отель «Оприленд» в Нэшвилле, штат Теннесси, где я был около года назад в командировке от журнала. Отель «Оприленд» — необыкновенное заведение. Во-первых, он огромен и блистательно уродлив — «Унесенные ветром», Грэйсленд Элвиса и гипермаркет «Молл оф Америка» одновременно.

Особенным «Оприленд» делает искусственный климат на всей территории. В самом его центре находятся три пяти-или шестиэтажных зоны со стеклянными крышами, простирающиеся на 9 акров, которые предлагают все преимущества пребывания на свежем воздухе и ни единого недостатка. Эти «внутрискребы», как называет их отель, засажены тропическими растениями и обычными деревьями, изобилуют водопадами, ручьями, ресторанами и кафе «на открытом воздухе» и многоуровневыми пешеходными дорожками. Эффект поразительно напоминает иллюстрации из научно-популярных журналов 1950-х годов, где изображалось, какой будет жизнь на Венере (или, по крайней мере, как все будет выглядеть, будь

все космические поселенцы американцами среднего возраста с избыточным весом в спортивных костюмах от «Рибок» и бейсбольных кепках, проводящими жизнь в блужданиях кругами с едой на вынос).

Короче, это совершенный, стерильный, замкнутый мирок с идеальным, неменяющимся климатом, без грязных птиц, назойливых насекомых, дождя, ветра и, конечно же, без единого намека на реальность.

В первый вечер, желая сбежать от толп шаркающих жвачных животных и увидеть-таки, что за погода на планете Земля, я вышел на улицу, чтобы прогуляться. И знаете что? Земли не было — сплошные акры автомобильных парковок, всюду, куда ни посмотри. Через дорогу, всего в паре сотен ярдов, находился «Удивительный парк Оприленд», но пешком туда попасть было невозможно. Единственный способ зайти внутрь, как мне объяснили, — заплатить 3 доллара за билет и сесть в автобус с кондиционером для поездки продолжительностью сорок пять секунд к входным воротам.

Если только вы не горели желанием погулять вокруг тысяч припаркованных автомобилей, другого способа подышать воздухом или размять ноги не было. В «Оприленд» улица — закрытая территория, и, как я с ужасом понял, именно так, по мнению многих миллионов американцев, должна выглядеть вся страна, если такое возможно.

Пока я стоял в парке, на носке моего левого ботинка птичка оставила то, за что обычно вы не благодарите пернатых (если выразаться фигурально). Я посмотрел сверху вниз на свой ботинок и снова поднял глаза к небу.

— Спасибо, — сказал я, и это было искренне.

Визит к парикмахеру

Вы должны знать, что у меня очень счастливые волосы. Не важно, насколько тихо и мирно поживают все прочие части тела, не важно, в насколько серьезной и официальной ситуации я могу оказаться, мои волосы всегда находятся в состоянии веселого буйства. На любой групповой фотографии меня можно найти мгновенно, потому что я всегда позади, а волосы, видимо, слушают, своим особенным способом, диско-альбом «Танцемания-97».

Время от времени, с плохим предчувствием, я беру свои волосы, и мы идем в парикмахерскую на окраине города, где я позволяю какому-нибудь парню ненадолго с ними развлечься. Не знаю почему, но визит к парикмахеру превращает меня в зануду. Когда меня накрывают накидкой, снимают очки, а потом производят с моей головой что-нибудь этакое с помощью острых режущих инструментов, это заставляет меня ощущать беспомощность и неуверенность.

Я хочу сказать, что вот вы сидите, слегка щурясь, а какой-то парень, которого вы даже не знаете, делает что-то серьезное и почти всегда печальное с вашей макушкой. За всю жизнь я пережил, возможно, 250 стрижек и понял одно: парикмахер сделает вам такую стрижку, какую сам захочет, и вы ничего не сможете изменить.

Так что этот опыт приносил мне сплошные страдания. Это на самом деле так, потому что мне вечно достается парикмахер, которого я надеялся никогда не встретить — обычно новичок, которого коллеги зовут Пальцы. Особенно меня пугает момент, когда он сажает тебя в кресло и вы оба пялитесь с трагической беспомощностью на твою макушку, а потом он подозрительно радостно произносит:

— И что вы хотите, чтобы я с этим сделал?

— Просто немного подкоротить, — говорю я, глядя на него с трогательной надеждой, зная, однако, заранее, что он думает об экстравагантных начесах, закрепленных пенкой кудрях и, возможно, о легких завитках челки. — Знаете, что-нибудь не бросающееся в глаза и солидное — как у банкира или бухгалтера.

— Вам нравится какой-нибудь стиль из тех, наверху? — спрашивает он и показывает на стену, увешенную черно-белыми фотографиями улыбающихся мужчин, чьи стрижки были придуманы для владельцев «Тандербердов».

- На самом деле я надеялся на что-то не столь броское.
- Чтобы выглядело более естественно, другими словами?
- Именно.
- Как у меня, к примеру?

Я смотрю на парикмахера. Его прическа наводит на мысли об авианосце, прорывающемся через разбушевавшееся море, или, может, об экстравагантной фигурной стрижке деревьев.

— Даже что-то более спокойное, чем у вас, — предлагаю я, начиная нервничать.

Он задумчиво кивает головой с таким видом, что я осознаю: мы с ним — жители разных планет; затем произносит резким решительным тоном:

— Я знаю, что вы хотите. Мы называем эту стрижку «Уэйн Ньютон».

— На самом деле это не совсем то, что я имел в виду, — начинаю я спорить, но он уже опускает мой подбородок на грудь и набрасывается на меня с машинкой для стрижки волос.

— Это очень популярная стрижка — каждый в команде по боулингу ходит с такой, — добавляет он и машинкой начинает снимать волосы с моей головы, словно обои со стены.

— Я правда не хочу выглядеть как Уэйн Ньютон, — бормочу я, ощущая, как мой подбородок прижимается к груди, но мой голос тонет в жужжании танцующей машинки.

И так я сижу в течение маленькой мучительной бесконечности, разглядывая свои колени, под строгим указанием не двигаться, и прислушиваюсь к ужасающему звуку машинки, разъезжающей по моему скальпу. Краем глаза я могу видеть огромные копны остриженных волос, падающие на пол.

— Не снимайте слишком много, — мычу я время от времени, но он так занят оживленным разговором с парикмахером и клиентом на соседнем кресле о перспективах баскетбольной команды «Чикаго Буллз», что лишь изредка переключает свое внимание на меня и мою голову, обычно чтобы пробормотать: «О, черт» или «Ой, жуть».

Наконец он резко поднимает мою голову и говорит:

— Как вам такая длина?

Я кошусь в зеркало, но без очков вижу только что-то, смутно похожее на розовый воздушный шарик.

— Не знаю, — отвечаю я. — Выглядит ужасно коротко.

И тут замечаю, что он нерадостно смотрит на все, что выше моих бровей.

— Мы решили под Пола Анку или Уэйна Ньютона? — спрашивает он.

— Ну, на самом деле ни то ни другое, — говорю я, довольный, что наконец-то появилась возможность расставить все по своим местам. — Я просто хотел слегка подкоротить.

— Позвольте задать вопрос, — говорит он. — Как быстро растут ваши волосы?

— Не слишком быстро, — отвечаю я и внимательнее вглядываюсь в зеркало, но все еще не могу ничего разглядеть. — А что? Какие-то проблемы?

— О нет, — говорит он, но с таким видом, что звучит как «О да». — Нет, все замечательно, — продолжает он. — Просто, похоже, я левую часть вашей головы подстриг под Пола Анку, а правую — под Уэйна Ньютона. Позвольте еще вопрос: у вас есть большая шляпа?

— Что вы сделали? — спрашиваю я, голос предательски лезет вверх, однако он уже удаляется, чтобы проконсультироваться с коллегами. Все смотрят на меня как на жертву автомобильной аварии и разговаривают шепотом.

— Думаю, это все антигистамин, который я принимаю, — грустно произносит Пальцы.

Один из его коллег подходит, чтобы взглянуть поближе, и решает, что моя внешность — еще не катастрофа.

— Если взять часть волос за левым ухом, — говорит он, — убрать их назад и закрепить над другим ухом, и, может быть, снова прикрепить часть этих отсюда, тогда можно превратить его в заgrimировавшегося Барни Раббла.

Он поворачивается ко мне.

— Вам часто надо выходить на улицу в ближайшие несколько месяцев, сэр?

— Вы сказали «Барни Раббл»? — стону я в смятении.

— Если только не сделать под Эркюля Пуаро, — предлагает другой парикмахер.

— Эркюля Пуаро? — стону я.

Они оставляют Пальцы делать то, что в его силах. Еще через десять минут он вручает мне мои очки и позволяет поднять голову. В зеркале я наблюдаю нечто, напоминающее лимонный пирог с ушами. Над плечом гордо улыбается Пальцы.

— Получилось довольно неплохо, а? — говорит он.

Говорить я не способен. Протягиваю ему крупную сумму денег и, спотыкаясь, выхожу из парикмахерской. Я иду домой с поднятым воротником и втянутой в плечи головой.

Дома жена бросает на меня единственный взгляд.

— Ты чем-то их расстроил? — спрашивает она с искренним удивлением.

Я беспомощно пожимаю плечами.

— Я только сказал, что хочу быть похожим на банкира.

Она вздыхает так, как делают, в конце концов, все жены.

— Ну, по крайней мере, ты еще можешь шутить, — тихо произносит она странным, загадочным тоном и выходит, чтобы найти большую шляпу.

Книжные туры

В это самое время десять лет назад мне позвонили из одного американского издательства и сказали, что они только что купили одну из моих книг и собираются организовать для меня трехнедельный рекламный тур по шестнадцати городам.

— Мы собираемся сделать вас медиазвездой, — весело объявил сотрудник издательства.

— Но я никогда не бывал на телевидении, — в тихой панике запротестовал я.

— О, все просто. Вам понравится, — сказал он с радостной уверенностью человека, которому самому не придется через все это проходить.

— Нет, будет ужасно, — настаивал я. — У меня нет глянца.

— Не волнуйтесь, мы вам его найдем. Мы собираемся послать вас в Нью-Йорк на курс медиатренинга.

Я пал духом. Меня не покидали дурные предчувствия. Впервые с тех пор, как я случайно сжег соседский гараж в 1961 году, я начал всерьез задумываться о возможностях пластической хирургии и о том, чтобы начать новую жизнь в Центральной Америке.

Итак, я полетел в Нью-Йорк и, как оказалось, медиатренинг не был таким суровым испытанием, как я опасался. Меня передали в руки спокойного и доброго человека по имени Билл Паркхерст, который просидел со мной два дня в застекленной студии где-то на Манхэттене и провел бесконечное множество учебных интервью.

Он говорил что-то вроде вот этого:

— Ладно, а теперь мы собираемся взять трехминутное интервью у одного парня, который впервые увидел в глаза вашу книгу десять секунд назад и понятия не имеет, поваренная ли это книга или опус о тюремной реформе. Также этот парнишка недалек умом и будет часто вас перебивать. Что ж, начнем.

Он нажимал секундомер, и мы проводили трехминутное интервью. Потом снова. И снова. И так продолжалось два дня. К вечеру второго дня мне приходилось запихивать свой язык назад в рот руками.

— Теперь вы знаете, как будете чувствовать себя на второй день тура, — жизнерадостно заметил Паркхерст.

— А как я буду себя чувствовать на двадцать первый?

Паркхерст улыбнулся:

— Вам понравится.

Удивительно, но он оказался почти прав. На самом деле книжные туры — своего рода развлечение. Вы останавливаетесь в хороших отелях, вас повсюду возят на больших серебристых автомобилях, и с вами обращаются так, будто вы гораздо более важная персона, чем на самом деле; вы можете есть стейк три раза в день за чужой счет, и несколько недель подряд вам нужно беспрерывно говорить только о себе. Неужели мечты сбываются?

Для меня это был совершенно новый мир. Как помните, если переберете все мои статьи в памяти, когда я был маленьким, мой отец всегда останавливался в самых дешевых мотелях, какие только мог найти, — в своеобразных местах, по сравнению с которыми мотель Бейтсов из «Психо» выглядел изысканным и хорошо обставленным. Так что это был, к большому моему удовольствию, абсолютно новый опыт. Я никогда раньше не останавливался в фешенебельных отелях, никогда не заказывал ничего в номер, никогда не звонил портье или посыльному, никогда не оставлял чаевых швейцару. (До сих пор! Представляете?)

Большим открытием стало для меня обслуживание в номерах. Когда я был маленьким, то думал, что заказывать что-то в номер — верх изысканности из фильмов Гэри Гранта, но не в мире, который я знал; поэтому, когда мне сказали, что я могу пользоваться этой услугой бесплатно, я запрыгал от радости. Но, воспользовавшись ею, я выяснил для себя кое-что, что вы, несомненно, уже знаете — обслуживание в номерах ужасно.

Я заказывал еду в номер по меньшей мере десять раз в отелях по всей Америке, и она всегда была отвратительна. На доставку уходило несколько часов, и потому, без вариантов, еда была холодной и жесткой. Меня всегда завораживало, сколько усилий уходило на подготовку — белая скатерть, ваза с розой, демонстративное снятие полукруглой серебряной крышки с каждого блюда — и как мало усилий прилагалось, чтобы сохранить еду теплой и вкусной.

В отеле «Хантингтон» в Сан-Франциско, отчетливо помню, официант снял серебряную крышку, а под ней оказалась чашка с белой жидкой массой.

— Что это? — спросил я.

— Думаю, ванильное мороженое, сэра, — ответил он.

— Но оно растаяло, — сказал я.

— Да, — согласился он. — Приятного аппетита, — добавил он с поклоном, убрал в карман чаевые и удалился.

Конечно, я не только отдыхал в номерах роскошных отелей, смотрел телевизор и ел растаявшее мороженое. Приходилось также давать интервью — много, очень много интервью, больше, чем вы можете себе представить, зачастую все начиналось до рассвета и заканчивалось к полуночи, а также неумолимо много перемещался в промежутках. Из-за того, что авторов, представляющих свои книги, великое множество — как мне сказали, около двухсот в сезон — и все они выступают по радио и телевидению, меня отправляли повсюду, где только находилось свободное помещение.

За первые пять дней я перелетел из Сан-Франциско в Атланту, затем в Чикаго, потом в Бостон и снова в Сан-Франциско. А один раз я летал из Денвера в Колорадо-Спрингс, чтобы дать тридцатисекундное интервью, честное слово, что-то вроде такого.

Интервьюер: Наш гость сегодня — Билл Брайсон. Итак, вы выпустили свою новую книгу, верно, Билл?

Я: Да, верно.

Интервьюер: Что ж, это прекрасно. Спасибо большое, что пришли. Наш гость завтра — доктор Милтон Гринберг, который написал книгу о ночном недержании мочи под названием «Слезы в постели».

За три недели я дал более 250 интервью того или иного рода и ни разу не встретил ни одного человека, который прочел бы мою книгу или имел хотя бы малейшее представление о том, кто я такой. На одной радиостанции ведущий прикрыл микрофон рукой за секунду до начала эфира и сказал:

— Так, скоренько, вы тот парень, которого похищали пришельцы, или тот, который написал книгу о путешествиях?

Главное, чему меня научил Билл Паркхерст, — продавать себя, ничего не стыдясь, и поверьте мне, этому можно научиться очень быстро.

Думаю, все это пришло мне в голову именно сейчас, потому что к тому времени, когда вы это прочтете, я уже буду в середине трехнедельного книжного тура по Великобритании. Не считите, что я подхалимничаю, но тур по Британии сказка по сравнению с Америкой. Расстояния короче, что во многом помогает, и в целом, как оказывается, интервьюеры прочли вашу книгу или, по крайней мере, пытались. Менеджеры и продавцы книжных магазинов всегда услужливы и вежливы, а публика — вся без исключения — разборчива, очень симпатична и щедра в своих покупательских привычках. Я даже знавал людей, которые бросали на пол воскресную газету и говорили:

— Думаю, я схожу и куплю книгу старины Билла прямо сейчас. А

может, даже несколько, в подарок на Рождество.

Писательство — сумасшедший способ зарабатывать на жизнь, однако это одно из тех занятий, которыми не можешь не заниматься. И я благодарю бога, что оно меня не испортило.

На грани жизни и смерти

Последний раз мне пришло в голову, что смерть и правда бродит где-то рядом — знаете, на самом деле рядом, вот просто висит над нами — и что мое имя в ее списке, когда я совершал короткий перелет из Бостона в Лебанон, штат Нью-Гэмпшир, и у нас возникли небольшие проблемы.

Полет длился всего пятьдесят минут и проходил над старыми промышленными городами северного Массачусетса и южного Нью-Гэмпшира вдоль реки Коннектикут, где лениво сходились пухлые холмы Зеленых и Белых гор. Был вечер в конце октября, сразу после того, как часы перевели на зимнее время, и я надеялся, что смогу насладиться красноватым румянцем осенних красок на холмах до того, как стемнеет, но через пять минут после взлета наш маленький шестнадцатиместный самолет «Де Хэвилленд» окутали облака, и стало ясно, что на сей раз насладиться видами не получится.

Поэтому я читал книгу и старался не замечать турбулентности, ну, или подавлять не самые радостные мысли о разваливающихся крыльях и длительном и резком падении.

Я терпеть не могу маленькие самолеты. Мне жутко не нравится большинство самолетов, но маленьких я боюсь особенно, потому что они холодные, трясутся, издают странные звуки и перевозят слишком мало пассажиров, чтобы привлечь внимание к их крушениям, которые, похоже, случаются регулярно. Почти каждый день в любой американской газете можно увидеть статью, подобную этой:

«Дриблвилль, штат Индиана. Все девять пассажиров и экипаж погибли сегодня во время крушения шестнадцати-местного самолета компании „Баунс эйрлайнз“, который загорелся вскоре после взлета из местного аэропорта Дриблвилла. Очевидцы заявляют, что самолет падал — вот кошмар-то — целую вечность, до того как рухнуть на землю на скорости 1892 миль в час. Это уже одиннадцатое с воскресенья ничем не примечательное крушение самолета данной авиакомпании».

И ситуация становится все хуже и хуже. В начале этого года потерпел крушение самолет рейса Цинциннати — Детройт. Одна из пассажирок, которая погибла, как раз направлялась на похороны своего брата, который погиб в авиакатастрофе в Западной Виргинии за две недели до этого.

Так что я пытался читать книгу, но постоянно поглядывал в иллюминатор, в непроглядную темноту. Больше чем через час — позже

расчетного времени — мы снизились, вышли из плотных облаков и оказались в чистом небе. Мы летели всего в нескольких сотнях футов над сумеречным ландшафтом. В последних лучах дневного света можно было разглядеть только пару фермерских домов, но никакого подобия города. Вокруг со всех сторон вырисовывались суровые и могучие горы.

Мы снова поднялись в облака, пролетели несколько минут и вновь снизились. Но никаких признаков ни Лебанона, ни какого-либо другого поселения не появилось, и это слегка смущало, потому что долина реки Коннектикут сплошь усеяна небольшими городами. Здесь же ничего, кроме темнеющего леса, простирающегося до самого горизонта.

Мы снова поднялись и повторили это упражнение еще пару раз. Через несколько минут вышел пилот и спокойным, непринужденным тоном объявил:

— Не знаю, заметили ли вы, господа, но мы столкнулись с небольшой проблемой при поисках аэропорта из-за, хм, плохой видимости. В Лебаноне нет радаров, поэтому нам приходится все делать на глазок, что заставляет нас, хм, немного потрудиться. Все восточное побережье покрыто густым туманом, поэтому смысла искать другой аэропорт нет. Тем не менее мы собираемся продолжить попытки, потому что единственное, что мы знаем наверняка — то, что где-то этому самолету все равно придется сесть!

На самом деле последнюю строчку я написал от себя, но смысл был такой. Мы вслепую летали в облаках и пытались найти аэропорт, зажатый среди гор. К тому моменту мы находились в воздухе уже почти девяносто минут. Я не знал, сколько могут находиться в воздухе эти штуковины, но было ясно, что в какой-то момент у нас все равно закончится топливо. Тем временем в любой момент мы могли врезаться в склон горы.

Это было не слишком справедливо. Я возвращался домой после длительной поездки. Меня ждали чистенькие маленькие дети, запах мыла и свежие полотенца. На ужин должен быть стейк, возможно, с луковыми кольцами. На столе бутылка вина. Мне надо было раздать подарки. Это не самый подходящий момент, чтобы погибать в горах. Поэтому я закрыл глаза и произнес тихо-тихо:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, о, пожалуйста, доставь этот самолет на землю в безопасности, и я обещаю, что буду очень хорошим, всегда-всегда, правда, честное слово. Спасибо.

Удивительно, но это сработало. Где-то на шестой раз, когда мы снова вынырнули из облаков, внизу показались плоские крыши домов, освещенные рекламные щиты и роскошно упитанные посетители торгового

центра «Лебанон шоппинг плаза», а прямо через дорогу от него — забор аэропорта. Мы приземлялись немного не на ту взлетную полосу, но наш пилот сориентировался и посадил самолет по глиссаде, что при любых иных обстоятельствах вызвало бы мои вопли.

Мы приземлились с приятным тихим визгом тормозов. Я никогда раньше не был так счастлив.

Моя жена ждала меня в машине у входа в аэропорт, и по пути домой я рассказал ей обо всех захватывающих моментах этого воздушного путешествия. Но беда историй о том, как вы чуть не погибли в авиакатастрофе, по сравнению с настоящей гибелью в авиакатастрофе, в том, что они не так интересны.

— Мой бедный котенок, — ласково и как-то не очень встревоженно сказала моя жена и похлопала меня по ноге. — Ну, через минуту ты будешь дома, и в духовке тебя ждет прекрасная запеканка из цветной капусты.

Я посмотрел на нее.

— Запеканка из цветной капусты? Что за... — Я откашлялся и сменил тон. — И что же такое конкретнее эта запеканка из цветной капусты, дорогая? Я думал, у нас будет стейк.

— Должен был быть, но это гораздо полезнее для здоровья. Мэгги Хиггинс дала мне рецепт.

Я вздохнул. Мэгги Хиггинс, назойливая особа, помешанная на здоровье, чьи строгие взгляды на диету вечно воплощались в таких блюдах, как запеканка из цветной капусты. Она стремительно становилась проклятием моей жизни, ну, или, по крайней мере, желудка.

Жизнь — забавная штука, не правда ли? Минуту назад ты молишься, обещая безропотно принять любые испытания судьбы, а потом уже мысленно бьешься головой о приборную панель и думаешь: «Я хотел стейк, я хотел стейк. Я хотел стейк!»

— Кстати, я рассказывала тебе, — продолжила жена, — как Мэгги на днях заснула с краской на волосах и ее волосы стали ярко-зелеными?

— Правда? — слегка приободрился я. Это были действительно хорошие новости. — Ярко-зелеными, говоришь?

— Ну, все сказали ей, что они стали лимонного оттенка, но на самом деле, знаешь, выглядит как искусственный газон.

— Поразительно, — сказал я, имея в виду тот факт, что за один вечер сразу две мои молитвы были услышаны.

Лучший американский праздник

Если сегодня вам покажется, что я выгляжу раздутым, напыщенным и ленивым, это потому, что в четверг был День благодарения и я до сих от него не оправлюсь.

Я особенно люблю День благодарения, потому что, помимо прочего, когда я был маленьким, это был единственный день в году, когда мы дома ели. Все остальное время мы просто забрасывали что-то в рот. Видите ли, моя мама не была сильна в кулинарии.

Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Моя мама — добрая, жизнерадостная, святая душа, и когда умрет, она попадет сразу на небеса, но поверьте, никто не скажет:

— О, слава богу, вы здесь, миссис Брайсон. Вы не могли бы изобрести для нас что-нибудь вкусненькое?

Чтобы полностью восстановить справедливость, признаюсь: моя мама пережила несколько кухонных забастовок. Во-первых, она не умела готовить — для нее всегда становилось проблемой все, что касалось искусства кулинарии. Имейте в виду, она не хотела этому учиться, да у нее бы и не получилось, даже если бы она захотела. Она была карьеристкой, а значит, всегда влетала на кухню за две минуты до того, как пора было накрывать на стол.

И, наконец, она была немного рассеянной. Она путала ингредиенты похожего цвета, такие как сахар и соль, перец и корица, уксус и кленовый сироп, кукурузная мука и алебастр, что часто превращало ее блюда во нечто неожиданное. Самым главным ее талантом было готовить продукты, не вытаскивая их из упаковки. Я уже довольно взрослым узнал, что полиэтиленовая пленка — не съедобная жевательная глазурь. Сочетание спешки, забывчивости и отсутствия навыков, когда дело касалось бытовых приборов, означало, что большинство ее попыток что-либо приготовить заканчивались клубами дыма и небольшими взрывами. В нашем доме, как правило, можно было спускаться к ужину, едва приезжали пожарные.

Что удивительно, моего отца это устраивало. У него были, если так можно выразиться, неразвитые пристрастия в пище. Его небо в действительности распознавало только три вкуса — соль, кетчуп и золу. В представлении отца отличный обед состоял из тарелки чего-нибудь коричневого и непонятного, чего-нибудь зеленого и непонятного и чего-нибудь обугленного. Я почти уверен, что если бы вы испекли в духовке,

скажем, губку и щедро намазали ее кетчупом, он бы сказал:.

— Эй, вот вкуснятина.

Короче, хорошая еда была чем-то, что ему не требовалось, и моя мама долгие годы упорно работала над тем, чтобы никак его не разочаровать.

Но на День благодарения, каким-то чудом, она обходила все препятствия и превосходила саму себя. Она звала нас к столу — и мы обнаруживали роскошное изобилие непривычного наслаждения едой — огромную и блестящую индейку, корзинки с хлебом из кукурузной муки и теплыми булочками, овощи, которые мы действительно знали, миску с клюквенным соусом, блюдо с восхитительно пышным картофельным пюре, поднос с пузатыми сосисками и многое другое.

Мы ели так, будто до этого целый год голодали (впрочем, так и было), а затем переходили к гвоздю программы — золотистому воздушному тыквенному пирогу с хрустящей корочкой, покрытому Эверестом взбитых сливок. Потрясающе. Это был рай.

Вот откуда во мне глубокая радость и благодарность за один из самых прекрасных праздников, потому что День благодарения — несомненно великолепное событие.

Думаю, большинство американцев верят, что День благодарения всегда отмечался в последний четверг ноября и что так будет всегда — ну, или, по крайней мере, так долго, как только возможно в Америке.

На самом деле, несмотря на то что пилигримы, прибывшие на «Мэйфлаузере», действительно устраивали знаменитый пир в 1621 году, чтобы поблагодарить индейцев за то, что те помогли им пережить первый трудный год и показали, как делать попкорн, и так далее (за что я до сих пор им благодарен), никаких записей о том, когда состоялся этот пир, нет. Учитывая климат Новой Англии, навряд ли это могло быть в конце ноября. В любом случае, следующие 242 года проявление благодарности как особого события едва ли прослеживалось. Первое официальное празднование прошло только в 1863 году — причем в августе. На следующий год президент Авраам Линкольн самовольно перенес его на последний четверг ноября — похоже, сейчас никто не вспомнит, почему на четверг или почему на столь поздний месяц; с тех пор так и празднуем.

День благодарения — событие, прекрасное по многим причинам. Во-первых, он обладает полезным эффектом предотвращения Рождества. В Британии период рождественского шопинга в наши дни начинается почти одновременно с августовскими банковскими каникулами, а рождественская мания в Америке традиционно не начинается раньше последних выходных ноября.

Более того, День благодарения остается чистым праздником, почти не запятнанным коммерциализацией. Он не подразумевает ни поздравительных открыток, ни украшения деревьев, ни задумчивых ползаний между полками и буфетами в поисках того, чем бы их украсить. На День благодарения вы сидите за столом и пытаетесь набить желудок до такой степени, чтобы он стал похож на пляжный мячик, а затем идете и смотрите американский футбол по телевизору. Это мой праздник.

Но, возможно, наилучшая и, несомненно, самая благородная черта Дня благодарения — он предоставляет официальную возможность поблагодарить за все, за что вы должны быть благодарны. Лично у меня куча всего, за что я благодарен. У меня есть жена и дети, которых я обожаю. У меня есть здоровье, и я сохраняю полную власть над большинством своих физических и умственных способностей (хотя и не всегда одновременно). Я живу во времена мира и процветания. Рональд Рейган никогда снова не будет президентом. За все это я благодарен — и рад, что могу об этом написать.

Единственный недостаток Дня благодарения — его окончание знаменует неминуемый приход Рождества. В любой день — да в любой момент — моя дорогая жена может возникнуть рядом и объявить, что пришло время встряхнуть мой рыхлый живот и достать праздничные украшения. Это ужасное мгновение, поскольку оно подразумевает физические усилия, шатающиеся лестницы, угрожающее жизни электричество, извилистый путь на чердак и все прочее, что придет в голову хозяйке и что причиняет мне тяжкие душевные травмы. У меня ужасное чувство, что этот день может настать уже завтра.

Но пока он еще не настал — и за это, конечно же, я выражаю самую искреннюю благодарность.

Рождественские украшения

На прошлой неделе я признался в тошнотворно дурном предчувствии: дескать, моя жена в любой момент может войти в комнату и объявить, что пора доставать рождественские украшения.

Что ж, неделя прошла, осталось всего восемнадцать скоротечных дней до Рождества, а от нее до сих пор никаких просьб. Не знаю, сколько еще я смогу выдержать.

Я ненавижу заниматься рождественскими украшениями, потому что, во-первых, это означает, что придется забираться на чердак. Чердаки — грязные, темные и неприятные места. Вы всегда находите там то, что никогда не хотели бы найти — куски обглоданных проводов, щели в шифере, через которые можно увидеть дневной свет, а иногда даже просунуть голову целиком, и ящики, полные всяких бесполезных вещей, о которых вы, должно быть, забыли, как только затащили их туда. И непременно, стоит подняться на чердак, произойдет следующее — вы разобьете голову о балку по меньшей мере раза два, все ваше лицо будет украшено паутиной, и вы не найдете того, за чем пришли.

Самое плохое в этих прогулках на чердак — понимание того, что, когда пора будет спускаться, вы увидите, что лестница таинственным образом переместилась на три фута к двери ванной комнаты. Не знаю, как это происходит, но так бывает всегда.

Вы опускаете ногу через отверстие люка и пытаетесь на ощупь найти лестницу. Если вы вытянете правую ногу до предела, до лестницы будет не достать всего на палец, что, конечно же, не очень здорово. В конце концов вы понимаете: если размахивать ногами назад и вперед, как гимнаст на параллельных брусьях, можно ухитриться попасть на верхнюю ступеньку, сначала одной ногой, а затем и второй. Однако это еще не конец мучениям, поскольку теперь вы беспомощно лежите под углом около 60 градусов. Тихо ворча, вы пытаетесь подтащить лестницу поближе одной ногой, но вам удастся только с грохотом ее опрокинуть.

Теперь вы по-настоящему пропали. Вы пытаетесь снова заползти на чердак, но вам не хватает сил, поэтому вы зависаете в дыре. Вы зовете жену, но она не слышит. Это расстраивает и удивляет. Обычно ваша жена слышит то, что больше никто на Земле не может услышать. Она может услышать, находясь через две комнаты от места происшествия, как капля джема падает на ковер. Она слышит, как пролитый кофе украдкой

вытирается дорогим банным полотенцем. Она слышит, как грязь размазывается по чистому полу. Она слышит, едва вам пришла мысль сделать что-то, что делать не следует. Но застряньте в люке чердака — и она будто внезапно окажется в звуконепроницаемой камере. Так что, когда через час или чуть позже, жена проходит по коридору второго этажа и видит ваши болтающиеся ноги, она жутко удивляется.

— Что ты там делаешь? — спрашивает она.

Вы скашиваете глаза.

— Чердачную аэробiku, — отвечаете вы с сарказмом.

— Тебе нужна лестница?

— О, гениально! Ты знаешь, я вишу здесь уже целую вечность, пытаюсь понять, чего же не хватает, а ты моментально догадалась.

Вы слышите звук придвигаемой лестницы и чувствуете под ногами ступеньки. Ваше зависание, видимо, пошло на пользу, потому что вы внезапно вспоминаете, что рождественские украшения находятся не на чердаке — их никогда там не было, — а в подвале, в картонной коробке. Конечно же! Как глупо, что вы не вспомнили об этом раньше! Надо же.

Через два часа вы находите украшения за старыми шинами и сломанной коляской. Вы вытаскиваете коробку наверх и тратите еще два часа на распутывание гирлянд. Когда вы включаете лампочки в розетку, естественно, зажигается только одна, которая отбрасывает вас к стене с фонтаном искр, а потом тоже перестает гореть.

Вы решаете оставить в покое гирлянды и вытащить из гаража елку. Елка — огромная и колючая. Неуклюже захватив в медвежьи объятия, вы с кряхтением тащите ее к задней двери, вваливаетесь в дом, поднимаетесь и продолжаете энергично двигаться. Так как ветки лезут вам в глаза, иголки колот щеки и подбородок, а макушка умудряется каким-то образом вонзиться в нос, вы на ощупь проходите комнаты, сбивая картины со стен, снося все со столов и опрокидывая стулья. Ваша жена, которая только что где-то долгое время пропадала, теперь, похоже, оказывается везде и выкрикивает сбивчивые инструкции: «Не забывай о вещах! Не сюда — туда! Не налево от тебя — налево от меня!», а в конце концов прибавляет значительно мягче: «О-о, ты в порядке, милый? Ты не видел эти ступеньки?» Когда вы добираетесь до гостиной, елка выглядит так, будто все ее иголки опали от кислотных дождей.

Именно тогда вы понимаете, что не имеете ни малейшего представления о том, где может быть подставка для рождественской елки. Поэтому, вздыхая, вы идете в хозяйственный магазин, чтобы купить другую, отдавая себе отчет, что следующие три недели все подставки для

рождественских елок, которые вы когда-либо покупали — ровным счетом двадцать три, — непременно случайно найдутся, большинство просто упадет вам на голову с высокой полки, когда вы будете копаться на дне буфета, а остальные будут лежать в темных комнатах или прятаться у нижней ступеньки лестницы. Если вы все еще об этом не знаете, узнайте сейчас: подставки для рождественской елки — происки дьявола, и они хотят вас убить. Раз уж идете в хозяйственный магазин, вы покупаете две дополнительные нити гирлянд. Они тоже не загорятся.

В конце концов, утомившись как морально, так и физически, вы устанавливаете елку, зажигаете гирлянды и вешаете на нее побрякушки. Вы стоите в позе Квазимодо, рассматривая елку с ощущением легкого омерзения. «О, какая красивая! — восклицает ваша жена, сложив ладони под подбородком. — А теперь пойдём украшать двор, — внезапно объявляет она. — Я купила в этом году кое-что особенное — Санта-Клауса в человеческий рост, который готовится спуститься по трубе. Ты сходи за большой лестницей, а я открою коробку. Разве не весело?»

И удаляется.

Теперь у вас есть причина спросить: «Зачем через все это проходить? Зачем лезть на чердак, когда вы знаете, что украшений там нет? Зачем распутывать гирлянды, если вы знаете, что они не работают?»

И мой ответ таков — это часть ритуала. Рождество не Рождество без всего этого.

Вот почему я решил приступить к украшению елки даже несмотря на то, что миссис Брайсон меня об этом не просила. Кое-что в жизни нужно делать, хотите вы того или нет.

Если я зачем-то понадоблюсь, найдете меня в чердачном люке.

Энергетическое расточительство

Один из самых поразительных статистических фактов, с которыми я когда-либо сталкивался, — 5 % всей энергии, используемой в США, потребляется компьютерами, которые оставляют работать на ночь.

Не могу подтвердить это лично, зато с уверенностью скажу, что все многочисленные разы, когда я выглядывал из окна своего номера поздно ночью, во множестве американских городов, меня поражал тот факт, что в каждом офисном здании по соседству все еще горел свет и мелькали экраны мониторов.

Почему американцы не выключают компьютеры? Я думаю, по той же причине, что и многие люди, которые не глушат моторы автомобилей, когда забегают в магазин, или оставляют гореть свет во всем доме, или центральное отопление устанавливают на такую высокую отметку, которая шокирует любого владельца финской сауны, — в двух словах, потому что электричество, бензин и другие энергоресурсы с Давних пор относительно дешевы, поэтому никому даже в голову не приходит изменить свои привычки.

В конце концов, зачем терпеть утомительное неудобство и каждое утро ждать двадцать секунд, пока включится компьютер, когда он оказывается моментально готовым к работе, если оставить его включенным на всю ночь?

Сегодня мы ужасно — нет, скорее, смехотворно — растрачиваем ресурсы этой страны. Средний американец использует в два раза больше энергии каждый день, чем средний европеец. Составляя всего 5 % мирового населения, мы потребляем 20 % всех мировых ресурсов. Это не та статистика, которой можно гордиться.

В 1992 году на Всемирном саммите в Рио-де-Жанейро Соединенные Штаты, наряду с другими развитыми странами, согласились сократить выбросы парниковых газов до уровня 1990 года к 2000 году. Это не было обещанием подумать. Это было обещанием сделать.

Как оказалось, объемы парниковых испарений в Соединенных Штатах продолжают упорно расти — в целом на 8 % с саммита в Рио, на 3,4 % за один лишь 1996 год. То есть мы не выполнили свое обещание. Мы и не пытались его выполнить. Мы даже не притворялись, что пытаемся его выполнить, как обычно и поступаем. Администрация Клинтона лишь ввела набор добровольных стандартов, которые промышленные предприятия

могут при желании игнорировать, и большинство, конечно же, так и делает.

Здесь почти нет причин экономить ресурсы. Альтернативные источники энергии, такие как сила ветра, не просто мало используются — их использование продолжает сокращаться. В 1987 году они составляли около двух пятых процента от общего производства энергии в стране, сегодня — всего одну пятую процента.

Теперь, скоро вы об этом узнаете, президенту Клинтону понадобится еще 50 или 60 лет, чтобы сократить выбросы парниковых газов до уровня 1990 года. Найти здесь еще кого-нибудь, кто действительно в этом заинтересован, сложно. Напротив, все чаще высказываются мнения, противоречащие идее экономии, особенно когда касается трат на энергосбережение. Последний опрос 27 000 человек по всему миру, проведенный канадской группой «Инвайроникс интернэшнл», показал, что население практически всех развитых стран готово поступиться, по крайней мере, небольшой долей экономического роста, если это сделает воздух чище, а природу здоровее. Единственным исключением стали Соединенные Штаты. Кажется безумием думать, что люди ставят экономический рост выше пригодной для жилья планеты, однако — вот они мы.

Даже изобретательное предложение президента Клинтона предоставить решение этой проблемы своему преемнику на ближайшие четыре года встретило горячее сопротивление. Коалиция промышленников и других заинтересованных сторон под названием «Проект информирования о глобальном потеплении» выделила 13 миллионов долларов на борьбу с любой инициативой, которая попытается заткнуть их дымовые трубы. Реклама по радио мрачно предупреждает: мол, если президент построит новые электростанции, цены на бензин могут подскочить на 50 центов за галлон.

Не важно, что эта цифра, возможно, немного преувеличена. Не важно, что, даже будь это правдой, американцы все равно платили бы за бензин лишь малую долю той суммы, какую выкладывают жители других богатых стран. Не важно, что это принесло бы выгоду всем. Все не важно. Только упомяните рост цен на бензин, и — какой бы ничтожной ни была сумма, какой бы благородной ни была причина — большинство американцев инстинктивно отпрянут в ужасе.

Что самое печальное — значительную долю всех этих усилий по сокращению парниковых выбросов можно осуществить вовсе без каких-либо затрат, если бы все американцы просто сделали что-нибудь со своей расточительностью. Подсчитано, что в целом нация выбрасывает на ветер

энергию стоимостью 300 млрд долларов в год. И мы не говорим здесь о той энергии, которую можно было бы сберечь путем внедрения новых технологий. Мы говорим об энергии, которую можно сберечь, просто выключая электроприборы или гася свет. По данным журнала «Ю Эс ньюз энд уорлд рипорт», США расходуют энергию в эквиваленте выработки пяти атомных электростанций, просто оставляя работать приборы и устройства, которые не используются, — видеомэгнитофоны, поставленные на вечную паузу, компьютеры, продолжающие мерцать мониторами, когда все уходит на обед или домой, и телевизоры, беззвучно светящиеся под потолком в барах.

Я не знаю, насколько опасно глобальное потепление. Никто не знает. Я не знаю, насколько серьезной опасности мы подвергаем наше будущее, будучи столь небрежными в потреблении энергии. Но могу вам кое-что рассказать. В прошлом году я провел немало времени, бродя по Аппалачской тропе, длинному пешеходному маршруту. В Виргинии, где идет поезд через национальный парк Шенандоа, когда я был подростком — не так уж давно, — в ясную погоду еще можно было с расстояния в 75 миль увидеть Вашингтон. Теперь, даже при самых благоприятных условиях, видимость снизилась более чем вдвое. В жару, когда опускается смог, различить что-либо удастся на расстоянии от силы двух миль.

Аппалачи — одна из самых древних горных цепей в мире, и лес, который их покрывает, один из самых богатых и красивых. Одна только долина в национальном парке Великих Дымных гор содержит больше разновидностей местных пород деревьев, чем вся Западная Европа. Многим из этих деревьев приходится тяжело. Стресс после общения с кислотными дождями и другими загрязняющими веществами из воздуха оставляет их безнадежно уязвимыми для болезней и вредителей. Дубы, пеканы и клены погибают в неисчислимых количествах. Кизил флоридский — одно из самых красивых деревьев на юге Америки и когда-то одно из самых распространенных — сейчас на грани исчезновения. Американский болиголов, похоже, последует его примеру.

Возможно, это только скромная прелюдия. Если мировая температура поднимется на 4 градуса по Цельсию в ближайшие полвека, как уверенно прогнозируют некоторые ученые, все деревья в национальном парке Шенандоа, и в Дымных горах, и на сотни миль вокруг погибнут. Через два поколения один из последних великих лесов современности превратится в неприметную пустошь.

Я думаю, ради этого стоит выключить хотя бы несколько компьютеров, вам так не кажется?

Магазинное безумие

Как-то я зашел в магазин «Toys Я Us» с младшим ребенком, чтобы потратить немного денег, которые случайно ему перепали. (Он продал ценные бумаги компании «Анаконда копер» наперекор советам своего брокера, маленький пострел.) Кстати, разве «Toys Я Us» — не самое загадочное название торгового заведения, которое вы когда-либо слышали? Что оно означает? Я никогда не понимал. Имеют ли они в виду, что они — игрушки? Делают ли они визитки для своего начальства с надписью «Мерзавец Я я»? И почему буква «R» в названии написана задом наперед? Точно уж не с надеждой или ожиданием, что мы начнем восхищаться? Почему, наконец, несмотря на то, что в каждом «Toys Я Us» во всем мире тридцать семь касс, работает всегда только одна?

Это важные вопросы, но, к сожалению, сегодня у нас немного другая тема. Наша тема сегодня, потому что впереди нас ждет самая тяжелая закупочная неделя, — шопинг. Сказать, что шопинг — важная часть американской жизни, все равно что сказать, что рыбам нравится вода.

Помимо работы, сна, просмотра телевизора и накопления жировых клеток, американцы посвящают шопингу больше времени, чем чему-либо еще. Действительно, по данным Ассоциации туризма Америки, ныне шопинг — главное развлечение американцев по праздникам. На самом деле люди планируют свои отпуска на то время, когда удобнее всего ездить по магазинам. Сотни тысяч людей каждый год едут на Ниагарские водопады, как стало известно, не для того, чтобы полюбоваться водопадами, а чтобы побродить по двум торговым мегацентрам. Скоро, если застройщики в Аризоне продолжат в том же духе, отдыхающие смогут ездить в Большой Каньон тоже не ради него самого, а потому что, если можно этому верить, на главной дороге планируется построить торговый центр общей площадью 450 тыс. квадратных футов.

В наши дни шопинг — не столько бизнес, сколько наука. Есть даже научная дисциплина под названием «розничная антропология», адепты которой могут сказать вам совершенно точно, где, как и почему люди делают покупки тем либо иным способом. Они знают, какой процент покупателей повернет направо, сразу войдя в магазин (87 %), и как долго в среднем эти люди будут изучать полки до того, как снова отправиться куда глаза глядят (2 минуты и 36 секунд). Они знают лучшие способы заманить покупателей в таинственные дорогостоящие глубины магазина (зона,

известная в торговле как «4-я зона»), а также правила раскладки товара, цветовых схем и фоновой музыки, которая наиболее эффективно гипнотизирует ничего не подозревающего зеваку и превращает его в беспомощного покупателя. Они знают все.

Так что вот мой вопрос. Почему тогда я не могу ходить по магазинам в Америке без желания разрыдаться или кого-нибудь убить? Да потому что весь научный шопинг, как видите, в этой стране — больше не развлечение, если он когда-либо им был.

Значительную часть проблем создают магазины. Они делятся на три типа, и все из них пренеприятнейшие.

Во-первых, есть магазины, в которых вы никогда не найдете никого, кто бы мог вам помочь. Затем есть магазины, где вы не хотите, чтобы вам помогали, однако вас донимает до безумия настойчивый продавец, работающий, вероятно, за проценты от продаж. И наконец, есть магазины, где, когда вы спрашиваете, где что-нибудь лежит, ответом будет всегда: «Седьмой ряд». Не знаю почему, но всегда отвечают именно это.

— Где женское белье? — спрашиваете вы.

— Седьмой ряд.

— Где корм для домашних животных?

— Седьмой ряд.

— Где шестой ряд?

— Седьмой ряд.

Мой самый нелюбимый тип магазинов из всех вышеперечисленных — тот, где вы не можете отделаться от продавца. Обычно это универмаги в больших торговых центрах. Продавец — всегда девушка с крашеными светлыми волосами, работающая в отделе мужской одежды.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спрашивает она.

— Нет, спасибо. Я просто смотрю, — отвечаете вы.

— Хорошо, — говорит она и одаривает вас елейной улыбкой, которая означает: «На самом деле вы мне совсем не нравитесь, просто моя работа — улыбаться всем подряд».

Вы бродите по отделу и в какой-то момент лениво дотрагиваетесь до свитера. Вы не знаете почему, потому что он вам совсем не нравится, но вы все равно его трогаете.

В мгновение ока продавщица оказывается рядом с вами.

— Это одна из самых популярных линий, — говорит она. — Хотите примерить?

— Нет, спасибо.

— Давайте же, примерьте. Он вам пойдет.

— Нет, на самом деле я так не думаю.

— Примерочные — вон там.

— Я действительно не хочу его примерять.

— Какой у вас размер?

— Пожалуйста, поймите. Я не хочу его примерять. Я просто смотрю.

Она снова улыбается — прощальной улыбкой, но через тридцать секунд возвращается еще с одним свитером.

— У нас есть персикового цвета, — объявляет она.

— Мне не нужен этот свитер. Какого бы он цвета ни был.

— Как тогда насчет отличного галстука?

— Мне не нужен галстук. И свитер. Мне ничего не нужно. Моя жена сейчас на сеансе восковой эпиляции и попросила меня подождать ее здесь. Мне бы хотелось, чтобы она туда не ходила, но она пошла. Возможно, это займет несколько часов, и все это время мне не потребуются ничего, поэтому, пожалуйста, не задавайте мне больше никаких вопросов. Пожалуйста.

— А как насчет брюк?

Видите, о чем я? Смех сквозь слезы. Ирония в том, что, когда вам действительно нужна помощь, рядом никогда никого нет.

В «Игрушках» мой сын захотел Межгалактический Космический Смертельный Бластер Звездных Воинов, в общем, такую пластиковую штучковину. Мы не могли нигде найти ни сам бластер, ни того, кто мог бы нам помочь. Казалось, весь магазин был в полном распоряжении шестнадцатилетнего парнишки за единственной работающей кассой. Туда стояла очередь человек из двадцати пяти, которых он пропускал очень медленно и методично.

Спокойное стояние в очередях — еще не отработанный мною социальный навык, особенно когда я стою в очереди, только чтобы что-то спросить. Очередь продвигалась мучительно медленно. В какой-то момент молодой человек десять минут заправлял ленту в кассовый аппарат, и мне захотелось его убить.

Наконец подошла моя очередь.

— Где Межгалактический Космический Смертельный Бластер Звездных Воинов? — спросил я.

— Ряд семь, — ответил он, даже не поднимая на меня глаз.

Я уставился на его макушку.

— Не издевайтесь надо мной, — сказал я.

Он поднял взгляд:

— Простите?

— Вы вечно говорите «Седьмой ряд».

Должно быть, что-то промелькнуло в моих глазах, потому что в ответ он практически заскулил:

— Но, мистер, они и правда в седьмом ряду — в отделе «Агрессивные и жестокие игрушки».

— Лучше бы так и было, — мрачно сказал я и отошел.

Через полтора часа мы нашли смертельные бластеры во втором ряду, но к тому времени, когда я вернулся к кассе, смена этого молодого человека уже закончилась.

Смертельный бластер — потрясающая штука, кстати. Он стреляет дробинками с резиновыми наконечниками, которые присасываются ко лбу врага — не болезненно, но очень страшно. Конечно же, мой сын был разочарован, что я не разрешил ему это купить, но мне самому такая штука положительно пригодилась бы во время походов за покупками.

О пропадающих самолетах и исчезающих пальцах

Боже мой, вы можете в это поверить, еще один год прошел! Не знаю, куда летит время. Думаю, туда же, куда и МОИ волосы.

Я собирался написать о своих новогодних обещаниях, но, к сожалению, первым обещанием, которое я дал себе в этом году, было не давать никаких обещаний, которые я не смогу сдержать (даже не уверен, что смогу сдержать это, если честно), и потому лучше сразу с этим покончить. Так что, думаю, мы подведем краткий итог минувшему году.

Как всегда, когда кто-то работает на качественно новом уровне исследовательской журналистики (или, как в моем случае, неделями болтает всякую чепуху), всегда есть свободные концы, которые нужно бы подвязать, и когда еще это сделать, как не на пороге нового года?

Одна из наиболее удручающих сторон журналистики, как я выяснил, состоит в том, что, как только ты что-то утверждаешь — абсолютно что угодно, — жизнь это тут же опровергает. В марте прошлого года, к примеру, я представил яркий отчет о том, насколько безопасно жить в нашем маленьком городке в Нью-Гэмпшире, где — как восхитительно — нет преступлений. Что ж, знаете вы или нет, но не позднее чем через четыре дня после той статьи пара мужчин в масках ворвались в ювелирный магазин на Мэйн-стрит и, жизнерадостно размахивая ружьями, изъяли крупную (сколько именно — не уточнялось) сумму наличных и побрякушки. Возможно, всего день спустя одна женщина была вежливо ограблена во время прогулки за кампусом колледжа. Ни одного подобного случая не происходило здесь ранее — я мог бы добавить, что и после тоже, — но довольно странно, что на той самой неделе, когда я предположил, что о подобном никогда не слышали в этих краях, произошла вспышка преступности.

Я не хочу сказать, что в этом кроется что-то мистическое, а тем более, что существует своего рода закон подлости общественных суждений (в смысле все, что вы пишете или говорите, будет тут же опровергнуто событиями), этакий синдром предсказания рыбного ливня архангелом Михаилом.

И все же, если у вас есть склонность к паранойе, как у меня, вы начинаете чувствовать себя неловко от ощущения ответственности. В

октябре как-то мимоходом я отпустил саркастическое замечание насчет музыки Джона Денвера. На следующий день он, бедняга, трагически погиб при крушении самолета.

С другой стороны, я могу гордиться парой событий, которые, как оказалось, я предсказал. В июле я писал, как слишком ленивая Америка беспокоится насчет продовольственной безопасности и гигиены, и не позже чем через три недели спустя, как по сигналу, огромный мясоперерабатывающий завод «Хадсонс фуд» закрыли после того, как стало известно, что он, хм, довольно небрежно относился к продовольственной безопасности и гигиене. Более 22 миллионов фунтов говядины отследили и уничтожили — это самый крупный отзыв продукции за всю историю.

Примерно в те же сроки сенат США провел заседание, на котором глава Федеральной налоговой службы, американского агентства по сбору налогов, подвергся критике и был полностью уничтожен за деятельность своего ведомства, неэффективного, бесчувственного, злопамятного и некомпетентного. Не хочу хвастаться, но, как мне помнится, я обо всем этом писал еще в апреле прошлого года.

Самой сильной историей года стало загадочное исчезновение самолета в местных лесах. Год назад на Рождество, как вы можете смутно припомнить из моей колонки за февраль прошлого года, учебный самолет с двумя людьми на борту разворачивался, чтобы произвести посадку в аэропорту, и тут внезапно радиосвязь оборвалась, и он исчез с экранов радаров диспетчерской.

На протяжении нескольких следующих недель велись самые обширные за всю историю страны поиски на земле и в небе, однако самолет так и не обнаружили. Год спустя он все еще не найден, и завеса тайны только сгустилась.

Важный элемент этой тайны — то обстоятельство, что грандиозное число людей — 275 человек, по последним подсчетам, — утверждают, будто видели самолет за мгновение до крушения. Некоторые говорят даже, что были так близко, что видели двух людей в кабине. Проблема в том, что свидетели разбросаны по территории двух штатов, разделяющее их расстояние достигало 175 миль. Ясно, что все они не могли видеть самолет за миг до крушения, но что же тогда они видели?

Много подобных новостей о роковом полете появилось с тех пор, как я написал об исчезновении самолета. Самой поразительной новостью для меня стало то, что исчезновение самолета в лесах Нью-Гэмпшира было не единственным. В 1959 году, как сообщается в нашей местной газете, два

профессора из университета пролетали в легком самолете над лесом во время снежного бурана. Записки, которые удалось найти, доказывают, что они были живы по крайней мере еще четыре дня. К сожалению, их самолет не могли отыскать два с половиной месяца. Через два года еще один легкий самолет исчез в лесу, и его не могли найти шесть месяцев. Третий самолет разбился в 1966 году и его не нашли до 1972 года, уже после того, как большинство людей о нем забыли. Кажется, будто лес может поглотить множество самолетов и не хочет расставаться с жертвами.

Тем не менее вышеназванное исчезновение самолета кажется необъяснимым. Для начала, этот самолет — большой, с размахом крыльев 40 футов. Невозможно поверить, что что-либо таких размеров могло исчезнуть бесследно. Кроме того, тогда уже существовало оборудование, которым пользуются и сегодня — термодатчики, приборы ночного видения, металлоискатели с большим радиусом действия и тому подобное. Военно-воздушные силы даже позволили воспользоваться их разведспутником. И все безрезультатно. Судьба рокового самолета — поныне такая же тайна, как и год назад. Я буду держать вас в курсе.

К моему удивлению, статьей, которая вызвала самую бурную реакцию в том году, был мой отчет, написанный весной прошлого года, о нашей дико раздражавшей меня двухлетней борьбе за признание американской иммиграционной службой того факта, что моя жена имеет право жить со мной в моей стране. Оказывается, многие из вас также прошли через умопомрачительную глупость и непреклонность министерства юстиции США.

Сразу после того как вышла эта статья, я наткнулся на историю в газете о человеке по имени Рауль Бланко, которому постоянно отказывали в гражданстве из-за того, что он не мог предоставить полный набор отпечатков пальцев. Как терпеливо объяснял Бланко в одном письме за другим, он не мог предоставить отпечатки всех пальцев, потому что их у него всего семь, три он потерял при несчастном случае на производстве несколько лет назад на своей родной Кубе. По последним данным, Бланко все еще пытается найти хоть кого-нибудь в министерстве юстиции, кто вник бы в его проблему. Лучше бы он попытался найти пропавшие пальцы.

Моя жена, о чем мне приятно сообщить, получила свои документы через шесть недель после выхода моей статьи, и у нее все еще на месте все пальцы, так что в целом год выдался довольно неплохим. И на этой ноте позвольте мне пожелать большого счастья и процветания в следующем, цифровом во всех отношениях году.

Ваш новый компьютер

Поздравляем. Вы купили «Anthrax/2000 Multimedia 615X», персональный компьютер с макроусилителем цифровых шуток. Это дает вам право на годы верного сервиса, если вам когда-нибудь удастся его включить и запустить. К вашему ПК также в качестве бонуса прилагаются уже установленные программы — «Планировщик стрижки газона», «Мистер Арти-Фарти», «Устройство экономии энергии» и «Гид по Восточной Африке», — которые подарят вам часы бесцельных развлечений и займут большую часть свободной памяти вашего компьютера.

Так что переворачивайте страницу и начнем!

Подготовка к работе. Поздравляем. Вы успешно перевернули страницу и готовы продолжать.

Важное бессмысленное замечание: «Anthrax/2000» спроектирован для использования процессоров 80 386, 24J10 или более современных, работающих на частоте 2472 герц с разноскоростным циклом.

Проверьте свои электрические приборы и условия страховки до того, как продолжать. НЕ отжимайте досуха.

Для предотвращения накаливания внутренних деталей выберите прохладный и сухой режим для вашего компьютера. Нижняя полка холодильника подойдет идеально.

Распакуйте коробку и изучите ее содержимое. (Внимание: не открывайте коробку, если содержимое отсутствует либо повреждено, так как иначе гарантия станет недействительной. Верните все отсутствующие детали в оригинальной упаковке с объяснением, куда они делись, и замена будет выслана вам в течение двенадцати рабочих месяцев.)

Содержимое коробки должно включать что-то из следующего: монитор с таинственной кнопкой «Дегаусс»; клавиатура с проводом длиной 2,5 дюйма; компьютер; разные провода и кабели, не обязательно подходящие к данной модели; инструкция по эксплуатации на 2 тысячах страниц; краткая инструкция для инструкции по эксплуатации; сокращенная инструкция для краткой инструкции для инструкции по эксплуатации; ламинированная супер-краткая инструкция для исключительно нетерпеливых или глупых пользователей; 1167 страниц гарантий, ваучеров, заметок на испанском и других непонятных бумажек; 292 кубических фута упаковочного пенополистерола.

Кое-что, о чем вам не сказали в магазине: из-за того, что заранее

установленным бонусным программам необходимо дополнительное питание, вам необходимо приобрести дополнительное обновленное программное обеспечение для «Anthrax/ 2000», накопитель памяти напряжением 900 вольт для дополнительного программного обеспечения, генератор частотой 50 мегагерц для накопителя памяти, 2500 мега-гигабайт дополнительной памяти для генератора и электроподстанцию.

Установка оборудования. Поздравляем. Вы готовы приступить к работе. Если вы все еще не получили ученую степень по электротехнике, самое время это сделать.

Подсоедините кабель монитора (A) к левой розетке (D); подключите разгрузочную орбитальную подстанцию (Xii) к продольному AC/DC каналу сервопровода (G); воткните трехконтактный кабель от мышки в разъем клавиатуры (сделайте еще одно отверстие, если необходимо); соедините модем (B2) с разъемом внешнего параллельного аудио/видео выхода. Либо воткните кабели в наиболее подходящие по виду дырки, включите и посмотрите, что получится.

Дополнительное важное бессмысленное замечание: провода в ампульном модуляторе отмечены следующим образом согласно международной конвенции: синий = нейтральный, или под напряжением; желтый = под напряжением, или синий; синий и под напряжением = нейтральный, или зеленый; черный = немедленный летальный исход. (Кроме случаев, запрещенных законом.)

Включите компьютер. Ваш жесткий диск автоматически начнет загружаться. (Возможно, это займет от трех до пяти дней.) Когда загрузка завершится, на экране появится надпись: «И что дальше?».

Теперь пора устанавливать программное обеспечение. Вставьте диск A (помечен как «диск D» или «диск G») в дисковод B или J и наберите: «Алло! Кто-нибудь дома?». В режиме DOS введите номер подтверждения вашей лицензии. Номер подтверждения вашей лицензии можно узнать, если ввести номер подтверждения сертификации пользователя, который можно узнать, если ввести номер подтверждения лицензии. Если вам не удастся узнать номер подтверждения лицензии либо сертификации пользователя, позвоните на линию поддержки программного обеспечения для получения помощи. (Пожалуйста, не убирайте далеко номера подтверждения вашей лицензии и сертификации пользователя, так как консультанты иначе не смогут вам помочь.)

Если вы все еще не покончили жизнь самоубийством, тогда вставьте загрузочную дискету 1 в дисковод 2 (или наоборот) и следуйте инструкциям, которые появятся на экране. (Внимание: ввиду модификации

программного обеспечения некоторые инструкции будут появляться на румынском.) При выполнении каждой инструкции измените конфигурацию пути к обозначенному файлу, два раза нажмите на кнопку «Пуск», выберите единственный файл по умолчанию из регистра макровыбора, вставьте видеокарту VGA в задний аэродинамический профиль и наберите «С:/>» после дат рождения всех людей, с которыми вы когда-либо были знакомы.

Теперь на вашем экране появится надпись: «Неверный путь к файлу. Оп-па! Отменить или продолжить?». Внимание: после выбора «продолжить» может произойти необратимое сжатие файлов, полная потеря памяти и отмена загрузки жесткого диска. С другой стороны, после выбора «отменить» вам потребуется начать утомительный и раздражающий процесс установки с самого начала. Выбирайте.

Когда развеется дымовая завеса, вставьте диск A2 (отмечен как «диск A1») и повторите, по инструкции, с остальными 187 дисками.

Когда процесс установки завершится, вернитесь к строке пути к файлу, наберите свое имя, адрес и номера кредитных карточек и нажмите «отправить». Это автоматически регистрирует вас для получения в подарок нашего бесплатного программного обеспечения «Пустая экранная заставка IV: Ночь в далеком космосе» и позволит вам наблюдать свое имя в огромном множестве компьютерных журналов, онлайн и в других коммерческих рассылках, которые вы скоро будете получать.

Поздравляем. Теперь вы готовы к работе со своим компьютером. Предлагаем несколько простых функций, которые позволят вам успешно стартовать.

Написание писем. Наберите «Уважаемый...» и затем имя какого-нибудь знакомого. Напишите пару строк о себе, а затем — «С наилучшими пожеланиями» и свое имя. Отлично.

Сохранение файла. Чтобы сохранить свое письмо, выберите меню «Файл». Выберите «Поиск» в подкатегории А, введите номер файла с резервной копией и поставьте курсор на макрокнопку диалога. Выберите новое окно с текстом в общем меню и дважды кликните на появившееся дополнительное окно документа. Выберите «Расположить поочередно» и «Объединить файлы» и перенесите в окошко выравнивания текста. Либо напишите обычное письмо и бросьте его в ящик стола.

Совет по работе с программой по построению таблиц: не работайте с ней.

Раздел решения возможных проблем: у вас будет много, очень много проблем с вашим компьютером.

Несколько общих проблем и пути их решения.

Проблема: мой компьютер не включается.

Решение: убедитесь, что штепсель воткнут в розетку, убедитесь, что кнопка питания находится в положении «Вкл», что кабели не повреждены, откопайте кабели у себя в саду и убедитесь, что они не повреждены, поезжайте за город и проверьте линии электропередач на предмет оборванных проводов; позвоните по горячей линии.

Проблема: похоже, на моей клавиатуре нет ни одной клавиши.

Решение: переверните клавиатуру правильной стороной.

Проблема: моя мышка не пьет воду и не бежит в колесе.

Решение: попробуйте белковую диету или позвоните в службу поддержки вашего зоомагазина.

Проблема: я постоянно получаю сообщение «Несистемная общая ошибка защиты».

Решение: вероятно, это потому, что вы пользовались компьютером. Выключите компьютер, и сообщения приходить не будут.

Проблема: мой компьютер — бесполезный кусок железа.

Правильно. Поздравляем! Теперь вам пора сменить свой компьютер на более новую турбомодель «Anthrax/3000» или вернуться к ручке и бумаге.

Хвала придорожным закусочным

Пару лет назад, когда я первым из нашей семьи прибыл на разведку в Штаты, чтобы подобрать для нас место жительства, я включил в список возможных для переселения городов Адамс, штат Массачусетс, потому что на тамошней Мэйн-стрит обнаружилась восхитительная старомодная закусочная.

К несчастью, мне пришлось вычеркнуть Адамс из окончательного списка, поскольку я не смог вспомнить больше ни одного преимущества этого города, возможно, потому, что их больше и не было. Однако до сих пор считаю, что там я был бы счастлив. Закусочные имеют особенность делать нас счастливыми.

Одно время закусочные были очень популярны, но, как и все на свете, их количество неуклонно сокращается. Их расцвет пришелся на годы после Первой мировой войны, когда из-за «сухого закона» закрылись дешевые заведения и людям пришлось искать другие места, где можно было бы пообедать. С точки зрения бизнеса закусочные были выгодным предприятием. Содержать их было недорого, конструкция собиралась легко, поскольку поставлялась с завода практически в готовом виде. После приобретения закусочной вам требовалось лишь установить конструкцию на ровной площадке, подвести воду и электричество, и — вы уже в деле. Если клиент не шел, вы просто грузили конструкцию на платформу и отправлялись пытаться счастья где-нибудь в другом месте. К концу 1920-х годов около двадцати компаний массово производили конструкции закусочных, почти все в элегантном стиле ар-деко, известном как модерн, из сияющей нержавеющей стали снаружи и полированного темного дерева и слепящего глаза металла изнутри.

Фанаты закусочных все слегка занудны. Они спорят, является ли образцовой закусочной «Каллмэн Блю Комет» 1947 года или «Уорчестер Семи-Стримлайнер» 1932 года. Они понимают ценность деталей интерьера, которые отличают «Ральф Муси» от «Старлайт» или от «О’Махони», и преодолевают огромные расстояния на автомобиле, только чтобы заехать в необычный и хорошо сохранившийся «Стерлинг», которых с 1935 по 1941 год собрали всего семьдесят три экземпляра.

Единственное, о чем они умалчивают, — еда. Все потому, что еда во всех закусочных обычно одинаковая — то есть не очень хорошая. Мои жена и дети отказываются ходить со мной в закусочные именно по этой

причине. Они не понимают, что в закусочные ходят не для того, чтобы поесть, а ради того, чтобы сохранить важнейшую часть американского наследия.

У нас в Айове, когда я был маленьким, закусочных не было. Это, скорее, феномен восточного побережья, а уделом побережья западного были рестораны разнообразной формы (здания в виде свиней, пончиков, котелков). Ближайшее место, где можно было пообедать, находилось ниже по течению реки и называлось «Гриль Эрни». Там все, включая самого Эрни, было грязным и противными, а еда — ужасной. Однако заведение напоминало старомодную закусочную с длинной стойкой и крутящимися стульями, со столиками вдоль стены и посетителями, которые выглядели так, будто зашли сюда сразу после охоты в лесу на хищных зверей (которых, возможно, загрызли собственными зубами), и типичной для закусочных болтовней. Когда вы делали заказ, официантка кричала на кухню своего рода код, не поддающийся расшифровке: «Две капли на точку, поменьше на площадку, брызнуть на почку и плюнуть на ложку!» Ну, или что-то столь же интригующее и таинственное.

Однако «У Эрни» помещался в квадратном, приземистом и безымянном здании, которому явно не хватало изящного шарма классической закусочной. Поэтому, когда десятилетия спустя меня послали изучить Новую Англию на предмет человеческих поселений, закусочная была на одном из первых мест в моем списке необходимых достопримечательностей. К сожалению, найти их становится все сложнее.

В Ганновере, где мы в конце концов поселились, есть древнее заведение под названием «У Лу», которое в прошлом году отмечало свое пятидесятилетие. Внутренней атмосферой оно очень мало походит на закусочную, зато в меню есть такие блюда, как запеканка киш и мексиканские фахитас, и «Лу» очень гордится свежестью своих салатов. Посетители этого заведения, судя по внешнему виду, сплошь состоятельные и преуспевающие люди. Невозможно представить, как кто-то из них забирается в машину с привязанным к капоту оленем.

Так что можете понять мою радость, когда однажды, где-то через полгода после того, как мы переехали в Ганновер, я проезжал через соседний городок Уайт-Ривер-Джанкшн и наткнулся на заведение под названием «Четыре туза». Я сразу же зашел внутрь и обнаружил копию раннего послевоенного «Уорчестера», причем почти как новенькую. Прекрасное местечко! Даже еда оказалась довольно неплохой, это немного разочаровало, но знаю, мне пора смириться.

Никто не знает, сколько закусочных еще осталось. Это в известной

степени вопрос семантики. Закусочная, в общем-то, — любое заведение, где подают еду и на котором написано, что это закусочная. В самом широком понимании термина в Соединенных Штатах около 2500 закусочных. Но из них, судя по виду, не более тысячи можно назвать «классическими», и с каждым годом их становится все меньше. Всего пару месяцев назад самая старая закусочная Калифорнии «У Фила» закрылась. Она работала на севере Лос-Анжелеса с 1926 года, что, по калифорнийским стандартам, делало ее не менее уважаемым строением, чем Стоунхендж, однако закрытие «Фила» едва ли кто-то заметил.

Большинство закусочных не в состоянии конкурировать с крупными сетями фаст-фуда. Традиционная закусочная — маленькая, возможно, с восемью столиками и дюжиной или около того мест у стойки, и поскольку обслуживают официанты, а еда готовится для каждого посетителя индивидуально, стоимость их содержания выше. Большинству закусочных, помимо всего, уже много лет, а в Америке почти всегда дешевле построить что-то новое, чем сохранить старое. Один энтузиаст, который купил старую закусочную в Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, к своему ужасу, узнал, что возвращение заведения к его первоначальному состоянию обойдется в 900 тысяч долларов — пожалуй, это сопоставимо с потенциальным доходом заведения за двадцать лет. Намного дешевле снести ее и поставить на этом месте «Кентукки Фрайд Чикен» или «Макдоналдс».

В наши дни вы получаете суррогаты закусочных. Когда в последний раз я был в Чикаго, меня привели в место под названием «У Эда Дебевика», где на бейджах официанток значились такие имена, как Пузырек и Блондиночка, и где стены были увешаны призами Эда за соревнования по боулингу. Причем никакого Эда Дебевика никогда не существовало, это вымысел маркетологов, однако дела «У Эда» шли отлично. Публика, которая с презрением отвергала старомодные закусочные, когда те были на каждом углу, теперь стоит в очередях, чтобы попасть в вымысел. Это бесконечно меня удивляет, но так уж в Америке заведено.

То же самое можно наблюдать в Диснейленде, куда люди стекаются, чтобы прогуляться по Мэйн-стрит, ничем не отличающейся от той, от которой в 1950-х годах они единогласно отказались ради торговых центров. Это происходит и в восстанавливаемых колониальных поселениях, таких как Уильямсбург, штат Виргиния, или Мистик, штат Коннектикут, где посетители платят немалые деньги, чтобы насладиться тихой сельской атмосферой, от которой много лет назад они сбежали в счастливые пригороды. На пространное объяснение меня не хватит, но если кратко, получается, что американцы начинают что-либо действительно любить

лишь после того, как оно исчезает.

Но это уже совсем другая история. Мы вернемся к этой теме в следующий раз. А пока я съезжу в «Четыре туза», благо есть такая возможность. Там никаких официанток по имени Пузырек, а призы за соревнования по боулингу настоящие.

Через три месяца после того, как эта статья вышла в свет, в начале апреля 1998 года, «Четыре туза» закрылись.

Ужасное однообразие

Помню, как я впервые попробовал европейский шоколад. Это было на центральном железнодорожном вокзале Антверпена 21 марта 1972 года, на второй день моего тура по Европе с рюкзаком за плечами. До прибытия поезда я купил в станционном киоске плитку бельгийского шоколада, откусил кусочек и всего мгновение спустя, испытав необыкновенное удовольствие, издавал восхищенное мычание, достаточно громкое, чтобы привлечь взгляды окружающих.

Знаете, как маленький ребенок ест пудинг — с причмокиванием и с подозрительно большим количеством выпущенных слюней? Вот так и я. Я ничего не мог с собой поделаться. Я не знал, что шоколад может быть настолько вкусным. Не знал, что вообще что-либо на свете может быть таким вкусным.

Американские шоколадные плитки, о чем вы, возможно, знаете, загадочно пресные. Мне, правда, рассказывали, что так было не всегда. Много раз от людей, принадлежащих к поколению моих родителей, я слышал, что в пору их молодости американский шоколад был что надо — толще, жирнее, с большим количеством ароматных орешков и нуги и потрясающим вкусом. Мой отец с нежностью вспоминал о сладких плитках 1920-х годов, которые можно было жевать весь день и еще пару недель переваривать. Современные плитки в подметки им не годятся.

Самое простое объяснение — что рецепты постоянно менялись (я бы даже сказал, отменялись) на протяжении многих лет, чтобы удержать низкие цены и расширить круг любителей шоколада за счет людей с не особенно чувствительным нёбом. На самом деле правда, что великое множество американских продуктов — белый хлеб, большинство домашних сыров, почти все полуфабрикаты, многие марки пива и немалая доля кофе — не могут сравниться со своими здоровыми, ароматными и разнообразными конкурентами из Европы, включая Британию. Странно для страны, где так любят поесть, но это правда.

Я вывел две причины. Первая — цена: в Америке все основывается на стоимости. Цена — главный предмет конкуренции (это всегда так), и более дешевый бизнес неизбежно вытесняет более дорогой, а это крайне редко ведет к улучшению качества (на самом деле никогда).

В соседнем городе когда-то был один хороший мексиканский ресторанчик быстрого обслуживания. Примерно год спустя через дорогу от

него открылся «Тако Белл», принадлежащий национальной сети. Я не думаю, что найдется хоть один человек, который станет утверждать, что «Тако Белл» и вправду предлагает достойную мексиканскую еду. Зато он дешевле — по меньшей мере на 25 %, — чем ресторан-конкурент через дорогу. Через год старого ресторана не стало. Так что теперь, если в нашей глуши вам захочется мексиканской еды, придется отправиться за дешевыми, но напрочь лишенными души блюдами «Тако Белл».

«Тако Белл» демпингует настолько радикально, что буквально господствует во всей Вселенной. Сегодня, куда бы вы ни отправились по американским дорогам, если вам захочется тако, вы всегда попадете в «Тако Белл». Поразительно, но, похоже, именно этого и хочет большинство людей. И, таким образом, мы подошли ко второй выведенной мною причине — странному и непоколебимому пристрастию американских потребителей к предсказуемому однообразию. Одним словом, американцам, куда бы они не отправлялись, хочется, чтобы все было одинаково. Лично я этого не понимаю.

Взять «Старбакс», сеть кофеен, к которой я питаю мягкую и, возможно, необъяснимую неприязнь, хотя бы потому, что они вездесущи. «Старбакс» появился в Сиэтле несколько лет назад, но за последние пять лет число кофеен выросло в десять раз, до 1270, и в ближайшие два года эта цифра запросто может удвоиться. Во многих городах уже сейчас, если вы ищете кофейню, вам не из чего выбирать — только «Старбакс».

В «Старбакс» нет ничего плохого, но и ничего особенного тоже. Они предлагают «чашечку хорошего кофе», но создается впечатление, что главная цель «Старбакс» — не самый лучший кофе, а стремление наделать больше «Старбакс». Если американские кофеманы потребуют по-настоящему приличный кофе, «Старбакс» придется им это предложить, если сеть хочет оставаться в лидерах рынка; но американцы этого не требуют, поэтому никакого давления «Старбакс» не испытывает. Да, сеть, в принципе, способна предложить вам эксклюзив, однако коммерческой необходимости в этом нет, тем более что в большинстве городов а) «Старбакс» — единственная кофейня и б) клиенты давным-давно привыкли к этому бренду.

У нас в Ганновере есть две похожих кофейни, но я уверен, что, если здесь откроется «Старбакс», люди будут в восторге. (Вы, должно быть, наблюдали безумие, которое творилось здесь, когда открывался «Гэп»?) «Старбакс» — своего рода нить, связывающая глухие уголки с остальным миром. Приезжие, от денег которых зависит город, почти наверняка будут благодарны, потому что они знают этот бренд и им с ним комфортно.

Люди настолько привыкают к однообразию, что, можно сказать, оказываются под его гипнозом. Приблизительно в пяти милях от того места, где я живу, до недавних пор стоял милый старомодный ресторанчик, которым владело местное семейство. Пару лет назад напротив открылся «Макдоналдс». Почти сразу основная масса клиентов переместилась с одной стороны дороги на другую. Прошлым летом ресторан, которым владела местная семья, закрылся. Вскоре после этого, в разговоре с соседом я проговорился, насколько разочарован тем, что люди забросили местное заведение ради «Макдоналдс».

— Да-а, — протянул сосед с тем задумчивым и отстраненным видом, который обычно выражает полное несогласие. — Но, по крайней мере, в «Макдоналдс» ты знаешь, чего ждать, разве не так?

— Именно! — воскликнул я с чувством. — Разве не в этом проблема?

Мне хотелось схватить соседа за лацканы и растолковать раз и навсегда, что именно из-за такого отношения американский шоколад совершенно безвкусен, белый хлеб напоминает вату, а сыр имеет сотни названий («Колби», «Монтерей джек», «Чеддер», «Америкен», «Проволоне»), но одни и те же аромат, плотность и ярко-желтый цвет.

Но я понял, что это бесполезно. Сосед был похож на зомбированного типа из «Вторжения похитителей тел».

Безвкусие захватило его душу, и вернуть ее уже невозможно. Он стал «Мак-человеком».

Он смотрел на меня с беспокойством — на нашей улице люди обычно не проявляют сильных чувств, — и я угадывал его мысли: «Ишь, разошелся-то как! Буйный тип».

Возможно, он прав. Должен признать, последние месяцы я немного не в духе — вероятно, мне не хватает настоящего шоколада.

Жир земли

В последнее время я много думаю о еде. Это все потому, что я ее не получаю. Видите ли, после предположения (немного обидного, на мой взгляд), что я становлюсь похож на очередной аппарат Ричарда Брэнсона, пытающийся подняться в небо, моя жена посадила меня на диету.

Это интересная диета ее собственного изобретения, которая, в общем-то, позволяет есть все, что я хочу, только если еда не содержит жиров, холестерина, натрия или калорий и если она невкусная. Чтобы не дать мне умереть с голоду, жена сходила в магазин и купила все продукты, в названии которых присутствовало слово «отрубей». Не уверен, но мне кажется, что вчера на ужин были котлеты из отрубей. Я очень расстроен.

В Америке ожирение — серьезная проблема. (Ну, по крайней мере, для жирных людей точно.) Половина всего взрослого населения Америки страдает от избыточного веса, а более трети страдают от ожирения (то есть настолько огромны, что вы дважды подумаете, заходить ли с ними в лифт).

Сейчас, когда в этой стране практически никто не курит, это стало главной причиной беспокойства о состоянии здоровья. Около 300 тысяч американцев ежегодно умирают от заболеваний, связанных с ожирением, и страна тратит 100 миллиардов долларов на борьбу с болезнями, возникающими от переедания — диабетом, сердечными заболеваниями, высоким кровяным давлением, раком и прочими. (Я не знал этого, но избыточный вес означает возрастание риска заработать рак толстой кишки — заболевания, которое вам вряд ли хочется получить, — на 50 %. С тех пор, как прочел об этом, я все время представляю проктолога, который произносит во время осмотра: «Ух ты. И сколько всего чизбургеров вы съели за вашу жизнь, мистер Брайсон?»)

Избыточный вес также значительно сокращает ваши шансы на успешный исход операции, не говоря уже о шансах на знакомство с симпатичной девушкой. Более того, это означает, что люди, которые теоретически вам дороги, будут называть вас «Мистер Жиртрест» и спрашивать, что вы собираетесь делать, всякий раз, когда вы открываете дверцу буфета и совершенно случайно достаете большой пакет снеков «Чиз дудлз».

Меня удивляет, как в этой стране кто-то может быть худым. Как-то вечером мы пошли в ресторан, где предлагали фирменное блюдо под названием «Новинки со сковородки». Вот (ни одно слово не искажено)

описание в меню «Картофельной сковородки с сыром и чили»:

«Мы начинаем эту невероятную комбинацию с хрустящего картофеля-фри. Мы щедро посыпаем его острым перцем чили, заливаем плавленым сыром „Монтерей джек“ и „Чеддер“ и укладываем сверху томаты, зеленый лук и сметану».

Видите, почему я возмущаюсь? И это одно из самых скромных предложений! Больше всего угнетает, что моя жена и дети могут все это есть и не набрать ни унции. Когда подошла официантка, моя жена сказала:

— Мы с детьми будем большую сковородку «Делюкс — Суприм-Гу» с двойной порцией сыра и сметаны и гарнир из луковых колец с горячим свежим соусом и бисквитной подливкой.

— А для Мистера Жиртреста?

— Принесите ему сухих отрубей и стакан воды.

Когда на следующее утро, после завтрака с овсяными хлопьями и злаками, я сказал жене, что, при всем уважении, это самая глупая диета, с какой я когда-либо сталкивался, она предложила мне найти что-нибудь получше — и я отправился в библиотеку. Там было по меньшей мере 150 книг, посвященных диетам и питанию: «Диета для иммунитета», «Прямой разговор о контроле над весом», «Циклическая диета» доктора Бергера, — все сугубо серьезные и с пристрастием к отрубям, а потому вряд ли могли мне понравиться. Потом я увидел именно ту книгу, которую искал. Автор — доктор Дейлом М. Этрэнс, название — «Никаких диет». Теперь у меня был заголовок, с которым я мог работать.

Оставив свою обычную неприязнь к чтению книг, написанных кем-то настолько нудным, что после его имени стоит слово «доктор» (лично я не ставлю в своих книгах степень после своего имени — и не только потому, что у меня нет никакой ученой степени), я взял книгу в читальный зал (библиотеки придумали эти залы для людей со странностями, которым некуда пойти вечером, но которых тем не менее еще рано отправлять в специальное лечебное учреждение) и целый час посвятил тщательному ее изучению.

Главный посыл книги, если я правильно понял (простите, если пропущу некоторые детали, но меня отвлекал сидевший рядом мужчина, который тихо беседовал с кем-то из другого измерения), состоял в том, что человеческий организм за миллиарды лет эволюции запрограммировался на накопление жировой ткани для лучшей теплоизоляции в холодные периоды, большего комфорта и сохранения энергии во времена неурожая.

Человеческое тело — в частности, видимо, мое — чрезвычайно хорошо с этим справляется. Землеройки вовсе не умеют этого делать. Им

приходится постоянно есть. «Возможно, вот почему землеройки создали так мало музыкальных шедевров», — блеснул остроумием Этрэнс. Ха-ха три раза! А еще, может быть, потому, что землеройки едят листья, а я ем двойное сливочное мороженое «Бен энд Джерри».

Еще один интересный факт, на который указал Этрэнс: жиры чрезвычайно упрямы. Даже когда вы умираете от голода, тело упорно отказывается избавляться от запасов жира.

Представьте, что каждый фунт жира «весит» 5 тысяч калорий, это приблизительно столько, сколько человек в среднем съедает за два дня. Значит, если вы будете голодать неделю — то есть абсолютно ничего не есть, — вы потеряете не больше 3,5 фунтов жира, и давайте посмотрим правде в глаза, не станете сразу похожим на фотомодель в плавках.

Поиздевавшись над собой таким образом семь дней, естественно, вы проскользнете в кладовку, когда никто не видит, и съедите там все, кроме мешка нута, значит, снова наберете все, что потеряли, плюс — это самое главное — еще немного, потому что теперь ваше тело знает, что вы пытались заморить его голодом и доверять вам нельзя, так что лучше отложить немного про запас, на случай, если вам придет в голову какая-нибудь очередная глупость.

Вот почему сидеть на диете грустно и тяжело. Чем больше вы стараетесь избавиться от своего жира, тем сильнее сопротивляется организм.

Поэтому я придумал гениальную альтернативную диету. Она называется «Одурачь свое тело круглосуточной диетой». Идея состоит в том, что двадцать четыре часа в сутки вы беспощадно голодаете, однако четыре раза в день в определенное время — для удобства назовем это завтраком, обедом, ужином и полуночным перекусом — кормите свое тело чем-нибудь вроде тарелки сосисок, чипсов и бобов или большой миски двойного шоколадного мороженого так, чтобы оно не догадалось, что вы голодаете. Гениально, правда?

Не знаю, почему я не подумал об этом много лет назад. Может, потому, что отруби буквально прочистили мой мозг. Или что-то еще.

Спортивная жизнь

У нас есть подруга, мать-одиночка, чей шестилетний сын только что записался в хоккейную команду. К этому виду спорта здесь относятся очень трепетно.

На первом сборе команды кто-то из родителей объявил, что вывел формулу, определяющую, сколько каждый ребенок сможет играть. Получалось, что семеро лучших игроков смогут играть в течение 80 % игрового времени, а остальные, более безнадёжные дети, разделят оставшееся время — во всяком случае, пока в победе можно не сомневаться.

— Я считаю, это самый справедливый способ, — произнес родитель под торжественные кивки других папочек.

Не оценив роль тестостерона в таких делах, наша подруга заметила, что более справедливо будет позволить всем детям играть на равных.

— Но тогда они не выиграют, — возразил ошеломленный отец.

— Не выиграют, — согласилась наша подруга. — И что?

— Но в чем смысл игры, если не выигрывать?

Детям, позвольте напомнить, по шесть лет. В этой колонке не хватит места — да и газеты не хватит, чтобы обсудить все, что не так со спортом в Америке, практически на каждом уровне, так что я лишь приведу наиболее яркие примеры, чтобы вы представили, каким образом Америка добивается в наши дни спортивных побед.

Первый пример. В попытках заинтересовать спортсменов и поднять наши показатели в медальном зачете (чего, конечно же, важнее во всей Вселенной быть не может) американским пловцам выплачивали до 65 тысяч долларов из официальных источников за каждую выигранную медаль на последних олимпийских играх. По-видимому, представлять целую нацию и делать все возможное для победы — уже не такие сильные стимулы, как прежде.

Второй пример. Чтобы порадовать местных фанатов и улучшить свое положение в национальных рейтингах, крупнейшие университетские футбольные команды теперь постоянно устраивают матчи с безнадёжно неадекватными соперниками. В прошлом спортивном сезоне особенную гордость вызвала победа команды Университета Флориды, второй по рейтингу в стране, над крохотным Центральным университетом Мичигана с невероятным счетом 82:6.

Пример третий. Чтобы посмотреть по телевизору шестьдесят минут Суперкубка этого года по американскому футболу, пришлось высидеть ИЗ рекламных роликов, анонсов передач и коммерческих объявлений (я специально считал).

Пример четвертый. Поход на игру Главной бейсбольной лиги сейчас для семьи из четырех человек стоит в среднем более 200 долларов.

Я перечисляю все это не для того, чтобы попричитать: дескать, чрезмерная коммерциализация и притупление спортивного мастерства отнимают большую долю радости от спорта в этой стране (хотя так и есть). Я лишь хочу объяснить, почему так обожаю баскетбольные матчи в Дартмутском колледже.

Дартмут — местный университет, входит в Лигу плюща, конфедерацию восьми почтенных учебных заведений с высокими стандартами обучения — Гарвард, Йель, Принстон, Браун, Колумбия, Пенн, Корнуэлл и Дартмут. Дети поступают в университеты Лиги плюща, потому что хотят стать банкирами и профессорами, а не потому, что собираются ежегодно получать 12 миллионов долларов, играя в профессиональный баскетбол. Они играют, потому что им нравятся сама игра, дух товарищества, спортивный азарт — все то, чего в этой стране почти не осталось.

Впервые я сходил на игру три года назад, когда заметил расписание в витрине одного местного магазина и увидел, что первая игра сезона как раз в тот вечер. Я двадцать лет не был на баскетбольных матчах.

— Эй, в Дартмуте сегодня вечером игра! — объявил я восторженно, зайдя домой. — Кто пойдет?

На пяти обращенных ко мне лицах появилось выражение, какого я не наблюдал с тех пор, как предложил съездить в кемпинг в Словении в следующий отпуск.

— Ладно, пойду один, — выдохнул я, однако в конце концов моя младшая дочка, которой было тогда одиннадцать лет, пожалела меня, и мы отправились вдвоем.

И отлично провели время. Дартмут выиграл в напряженной борьбе, и мы с дочкой вернулись домой, наперебой обсуждая игру. Через несколько дней Дартмут победил снова, с большим трудом, забросив последний мяч под финальную сирену, и мы снова пришли домой, горячо обсуждая события матча.

Теперь уже все захотели пойти с нами. Но мы не разрешили составить нам компанию. Мелочь, а приятно.

С тех пор три сезона подряд мы с дочкой ходили на игры Дартмута.

Все было прекрасно. Площадка, на которой играли команды, совсем рядом с нашим домом. Билеты дешевы, зрителей немного, и все дружелюбны и лояльны. Приятная группа «ботаников» наигрывала веселые мелодии вроде темы из «Гавайи 5:0», что заставляло нас подпрыгивать на своих местах. После игры мы выходили на морозный ночной воздух и шли домой пешком, болтая без умолку. Именно из этих разговоров я узнал состав «Спайс герлз», что «Крик-2» — типа крутой фильм и что Мэттью Перри такой хорошенький, что не похож на настоящего. А когда не было ни малейшей вероятности, что кто-то увидит, дочка брала меня за руку. Это было прекрасно.

Но интереснее всего была игра. Два часа подряд мы кричали и ужасались, выдергивали волосы и изо всех сил надеялись, что наши ребята смогут положить в корзину мячей больше, чем чужие. Если Дартмут побеждал, мы ликовали. Если нет — что ж, не важно. Это игра. Именно таким должен быть спорт.

Одним из дартмутских игроков был семифутовый гигант по имени Крис, который обладал всеми качествами, кроме, увы, способности играть в баскетбол. В результате он провел почти всю карьеру на скамейке запасных. Крайне редко его выпускали поиграть на пятнадцать-двадцать секунд. Кто-нибудь непременно передавал ему мяч, а какой-нибудь малыш тут же подскакивал и отбирал. Крис с сожалением качал головой, а затем вприпрыжку, как жираф, бежал на другой конец поля. Это был наш любимый игрок.

По традиции последняя игра сезона — родительский матч, когда родители слетаются отовсюду, чтобы посмотреть на игру своих чад. По той же традиции последнюю домашнюю игру начинали выпускники.

Эта игра не важнее всех прочих, но слух о том, видимо, не дошел до нашего долговязого героя. Он вышел на площадку весь такой воинственный. Это был первый и последний шанс показать себя, и он не собирался его упускать.

Судья свистнул, и игра началась. Наш Крис пробежался взад и вперед четыре или пять раз, а затем, к нашему и его ужасу, его вернули на скамейку. Он поиграл не больше четырех минут. Он не сделал ни одной ошибки — ему даже не представилось такой возможности. Он занял привычное место, бросил на своих родителей извиняющийся взгляд и смотрел игру с влажными от слез глазами. Кто-то забыл сказать тренеру, что победа — еще не все.

На этой неделе в Дартмуте проводится последняя домашняя игра сезона. Думаю, в этом году будет пара ребят, которым позволят побегать

взад и вперед по полю символическую минуту-другую, а затем заменят более способными игроками.

Мы с дочкой решили пропустить эту игру. Когда с таким трудом находишь совершенство, тяжело смотреть, как его уничтожают.

Последняя ночь на «Титанике»

В ночь крушения наши столы были сказочными! Огромные кисти винограда, которые венчали фруктовые корзинки на каждом столе, потрясали воображение. Меню было изумительно разнообразным и соблазнительным. Я оставалась за столом до конца ужина.

Пассажирка «Титаника» Кейт Басс, из книги «Последний ужин на „Титанике“: Меню и рецепты с великого лайнера»

— Боже мой, Басс, что за суета?

— О, привет, Смайт. Ты не спишь в такой час, не похоже на тебя. Сигару?

— Спасибо, не откажусь. Так что за шум? Я видел капитана, когда пришел сюда, и он выглядел ужасно озабоченно.

— Похоже, мы тонем, старина.

— Не может быть!

— Помнишь тот айсберг, который мы видели за ужином?

— Тот, размером с двадцатиэтажный дом?

— Тот самый. Так вот, похоже, мы врезались в эту чертову штуковину.

— Вот незадача.

— Да уж.

— Думаю, это объясняет, почему дверь моей каюты оказалась под кроватью, когда я проснулся. Я еще подумал, что это немного странно.

Слушай, это «Монте-Кристо»?

— На самом деле «Герман Апманн». Один человек с Джерард-стрит привозит их специально для меня.

— Просто потрясающе.

— Да... На самом деле жаль.

— Что?

— Ну, я только что заказал дюжину упаковок по две гиней каждая. Полагаю, малыш Берти будет рад загрести их себе.

— Так ты не думаешь, что мы выберемся?

— Дела, похоже, не очень. Миссис Басс спросила Кроукера, стюарда,

когда тот принес ей спиртное на ночь, и он сказал, что у нас меньше двух часов в запасе. Как там, кстати, миссис Смайт? С желудком получше?

— Трудно сказать. Видишь ли, она утонула.

— О, вот незадача.

— Выпала через иллюминатор по правому борту, когда мы начали крениться. По правде сказать, ее крик меня и разбудил. Жаль, что она пропустила всю суматоху. Она всегда была без ума от кораблекрушений.

— Миссис Басс тоже.

— И она не спаслась?

— О нет. Она ушла искать старшего стюарда. Хотела послать телеграмму и отменить заказ на вечеринку в саду. Впрочем, это уже не так важно.

— Видимо, да. А все же неплохое было путешествие, как ты считаешь?

— Не могу не согласиться. Еда превосходна. Малышке Кейт особенно понравились столовые приборы. По ее мнению, столы были сказочными, а виноград потрясающим. Она оставалась за столом до конца ужина. Ты случайно ее не видел?

— Нет, почему ты спрашиваешь?

— Просто она убежала с довольно странным видом. Сказала, что у нее какое-то дело с лордом Д'Арчи до того, как пойти ко дну. Что-то с флагами, по-моему.

— С флагами? Как странно.

— Ну, она упомянула «веселого Роджера», если я правильно расслышал. Честно говоря, я понял только половину из всего, что она говорила. В любом случае, я был немного сбит с толку. Понимаешь, миссис Басс как раз пролила свой напиток на пеньюар — из-за удара — и была в ужасном расположении духа, потому что Кроукер не смог принести ей другой. И сказал, чтобы она сама себе налила.

— Какая невероятная наглость.

— Думаю, он расстроился, потому что теперь не получит чаевых, так ведь? Не могу сказать, что я его виню на самом деле.

— Возможно.

— Конечно, я доложил о нем. Все должны помнить о своем положении даже в кризисной ситуации, иначе будет ужасная неразбериха, ты не согласен? Интендант заверил меня, что Кроукер больше не получит работу на этом корабле.

— Надо думать.

— Формальность, я считаю, но, по крайней мере, это записали в

журнал.

— Сегодня забавная ночка, если подумать. Я хочу сказать, жена тонет, корабль тоже и на ужин не было «Монтраше» ноль седьмого года. Мне пришлось пить второсортное пятого года.

— Досадно, правда? Взгляни-ка на это.

— Прости, старина, не могу разглядеть при таком освещении. Что там у тебя?

— Билеты обратно.

— О, вот незадача.

— Каюта с видом на море на верхней палубе.

— Не повезло так не повезло... Послушай, а что за шум?

— Думаю, это тонут пассажиры третьего класса.

— Нет, похоже на оркестр.

— Думаю, ты прав. Да, ты абсолютно прав. Слегка заунывно, тебе не кажется? Под это даже не захочется потанцевать.

— «Ближе к тебе, Господи»? Могли бы выбрать что-нибудь повеселее в нашу последнюю ночь в море.

— И все же, думаю, спушись и посмотрю, не убрали ли еще ужин со столов. Ты со мной?

— Нет, думаю, пойду выпью бренди и лягу спать. Все равно эта ночь будет короткой. Как думаешь, сколько у нас еще времени?

— Я бы сказал, минут сорок.

— О, боже. Возможно, тогда обойдусь без бренди. Не думаю, что увижу тебя снова.

— Не в этой жизни, старина.

— О, это ты хорошо сказал. Надо запомнить. Что ж, тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Кстати, просто пришло в голову. Капитан ничего не говорил насчет того, чтобы забираться в спасательные шлюпки, нет?

— Такого я не помню. Мне тебя разбудить, если он объявит?

— Было бы очень мило с твоей стороны, если ты уверен, что это не причинит тебе беспокойства.

— Никакого беспокойства.

— Что ж, тогда спокойной ночи. Передавай привет миссис Басс и малышке Кейт.

11-9777

— С большим удовольствием. Соболезную по поводу миссис Смайт.

— Ну, говорят, в море случаются вещи и похуже. Я надеюсь, она где-

нибудь всплывет. Всегда была легка на подъем. Что ж, спокойной ночи.
— Спокойной ночи, старина. Приятных снов.

Веселье в снегу

По причинам, которые я никогда не смогу понять, когда мне было восемь лет, мои родители подарили мне на Рождество пару лыж. Я вышел на улицу, пристегнул их и встал в позу лыжника, но ничего не произошло. А все потому, что в Айове нет гор.

В поисках хоть какого-нибудь склона я решил съехать с крыльца нашей задней двери. Там было всего пять ступенек, но для лыж угол наклона оказался удивительно крутым. Я съехал со ступенек со скоростью, мне кажется, 110 миль в час и приземлился с такой силой, что лыжи накрепко сцепились друг с другом, между тем как я продолжил полет через двор по изящной и высокой дуге. Приблизительно в 12 футах впереди показалась задняя стена гаража. Инстинктивно приняв наиболее удобную позу, с раскинутыми в стороны руками и ногами для максимального соприкосновения, я звонко врезался в нее под крышей и сполз вниз по вертикальному отвесу, как брошенный в стенку помидор.

Именно тогда я решил, что зимние виды спорта не для меня. Я убрал лыжи подальше и следующие тридцать пять лет больше о них не вспоминал. Затем мы переехали в Новую Англию, где люди с искренним нетерпением ждут зимы. После первого выпавшего снега они издают радостные крики и лезут в шкафы за санками и лыжными палками. Энергичные, румяные, они нетерпеливо ждут, когда придет пора выбираться на эти белые кручи и кататься со склонов, чем быстрее, тем лучше.

В таком окружении, включая членов моей собственной семьи, я начал чувствовать себя отшельником. Поэтому несколько недель назад в попытках придумать развлечение на зиму я взял напрокат коньки и вышел с двумя младшими детьми на пруд Оккам, популярное место для катания на коньках.

— Ты уверен, что умеешь кататься? — обеспокоенно спросила меня дочка.

— Конечно, моя радость, — заверил я. — Меня много раз принимали за Джейн Торвилл на катке и вне оного.

Я вправду умею кататься на коньках. Просто мои ноги, после многих лет бездействия, слишком перевозбудились, чтобы противостоять скользкой поверхности. Не успел я ступить на лед, как они решили, что хотят посетить все берега пруда Оккам одновременно, по множеству

направлений. Они разъезжались и так и эдак, перекрещивались и выворачивались, иногда растягиваясь на 12 футов вперед; но я постоянно выбирал момент, когда они наконец вылетали из-под меня, и приземлялся на зад в такой позе, что ударялся копчиком о собственную челюсть, а после приходилось вручную возвращать на место пищевод.

— Ух ты ж! — говорил мой зад, когда я в очередной раз с трудом поднимался на ноги. — Этот лед твердый.

— Эй, давайте посмотреть! — кричала моя голова, и я тут же снова падал.

И так продолжалось последующие тридцать минут, причем все части моего тела — плечи, подбородок, нос, а также внутренние органы авантюрного склада — желали принять участие в научном исследовании ледяной поверхности. Издалека, думается, я выглядел так, будто невидимый гладиатор устроил мне хорошую взбучку. В конце концов, когда на мне уже не осталось живого места, я выполз на берег и попросил, чтобы меня накрыли одеялом. Так закончилась моя попытка заняться фигурным катанием.

Затем я попробовал санки, о чем я даже не хочу рассказывать, разве что упомяну, что тот тип больше сочувствовал своей собаке и что леди через дорогу спасла бы нас от многих бед, если бы просто оставила дверь гаража открытой.

Тут, пожалуй, можно вставить историю о моем друге, профессоре Дэнни Блэнчфлауэре. Его полное имя Дэвид, но он англичанин, так что, когда он был маленьким, естественно, все звали его Дэнни, и это имя так к нему и приклеилось — профессор экономики в Дартмутском университете и очень мозговитый парень. Он пишет книги с предложениями вроде «Если одновременно рассмотреть все особенности пункта 5.7, доход на одну рабочую силу имеет коэффициент 0,00 022 относительно статистики пункта 2.3», причем не шутит. Насколько я знаю, это даже может что-то означать. Как я сказал, он действительно умный парень во всем, кроме одного. Он с ума сходит от снегоходов.

Снегоходы. Возможно, следует объяснить, что это реактивная повозка, спроектированная сатаной, чтобы ездить по снегу. Она передвигается со скоростью до 70 миль в час, что — назовите меня трусом, мне все равно, — по моему мнению, чересчур быстро для узких и извилистых тропинок в лесу, где на каждом повороте разбросаны каменные валуны.

Несколько недель Дэнни докучал мне уговорами присоединиться к нему в безумии на свежем воздухе. Я пытался объяснить, что у меня определенные проблемы с личными развлечениями в зимний период, и

что, так или иначе, я не думаю, что эта мощная и опасная машина сможет их решить.

— Ерунда! — воскликнул он.

Что ж... Следующее, что я помню: я очутился на краю леса в Нью-Гэмпшире с тяжелым шлемом на голове, который избавил меня от всех чувств, кроме ужаса, и, нервничая, сижу на блестящей сатанинской повозке, с заведенным мотором, поглядывая на деревья напротив, которые, похоже, готовы на меня наброситься. Дэнни вкратце рассказал, как работает эта машина (насколько я понял, это была цитата из одной из его книг), и запрыгнул в свой снегоход.

— Готов? — прокричал он сквозь рев мотора.

— Нет.

— Отлично! — ответил он и рванул с места.

Через пару секунд он превратился в далекое черное пятнышко.

Вздохнув, я мягко надавил на газ и с отчаянным воплем, на одних задних колесах, рванул с места со скоростью, которую можно увидеть только в мультиках о Дорожном бегуне. Истерически визжа и сбрасывая вес через мочевого пузырь при каждом столкновении с деревом, я пролетел сквозь лес, будто на ракете «Экзосет». Ветки колотили по моему шлему. Лоси всхрапывали и спасались бегством. Пейзаж менялся со скоростью наркотического бреда.

В конце концов Дэнни остановился на перекрестке, радостно ухмыляясь.

— Ну, что думаешь?

Я зашевелил губами, но ни слова выдать не сумел. Дэнни принял мои попытки за согласие.

— Что ж, теперь, когда ты набил руку, может, немного прибавим газу?

Я пытался произнести: «Пожалуйста, Дэнни, я хочу домой. Я хочу к маме», но снова ничего не получилось.

И он сорвался с места. Несколько часов мы гоняли с космической скоростью по бескрайнему лесу, перепрыгивая через ручьи, объезжая валуны, заходя на взлет над упавшими бревнами. Когда наконец этот кошмар закончился, я слез с машины с ватными ногами.

Позже, чтобы отметить наше чудесное воскрешение, мы отправились к «Мэрфиз» за пинтой пива. Когда барменша поставила перед нами кружки, мне пришло в голову — это было что-то вроде просветления, — что по крайней мере одно зимой я умею делать точно: пить пиво.

Я нашел свое призвание. Я не достиг тех высот, каких надеялся достичь — мои ноги все еще стремятся уйти приблизительно через три

часа посиделок, но я много тренируюсь и потому с надеждой смотрю в будущее.

Ужас на крыльях ночи

Мой отец был спортивным комментатором, который часто летал на работу на самолете еще до того, как это стало обычным делом, и в некоторые из таких поездок брал меня с собой. Конечно же, просто уехать с отцом на выходные уже было здорово, но наибольшее волнение вызывал сам процесс посадки в самолет и полет в неизвестном направлении.

В таких поездках все казалось чем-то особенным, словно для избранных. На регистрацию вы заходили с небольшой группой хорошо одетых людей (потому что в те дни люди, чтобы сесть в самолет, действительно одевались изысканно). Когда объявляли рейс, вы проходили по широкому летному полю к сверкающему серебристому самолету и поднимались по трапу на борт. Войти в самолет словно означало быть принятым в какой-то особенный клуб. Вступив на борт, вы становились чуть более стильным и современным человеком. Кресла были удобными и, для ребенка, просторными. Подходила стюардесса и с улыбкой вручала бейдж с крылышками, на котором было написано «Помощник пилота» или какая-нибудь не менее ответственная должность.

С тех пор романтика растворилась. Сегодня в Америке пассажирские самолеты немногим отличаются от автобусов с крыльями, а авиалинии, без видимых исключений, относятся к пассажирам как к навалочному грузу, который они когда-то давным-давно согласились принять на борт, чтобы перевезти из одного места в другое, и теперь жалеют об этом.

Мне не хватит места описать все изматывающие душу особенности воздушных путешествий в современной Америке — бронь, постоянно превышающую число мест в самолете, бесконечные очереди, отмены рейсов, выяснение, что «прямой рейс» до Майами на самом деле совершает посадку в Питтсбурге и задерживается там на лишние девяносто минут, а потом просто меняют самолет, факт, что практически невозможно найти дружелюбного человека среди работников аэропорта, а обращаются с вами как с идиотом и ничтожеством...

При этом, удивительным образом, авиалинии продолжают работать так же, будто на улице все еще 1955 год. Взять, к примеру, предполетную демонстрацию экстренных мер. Зачем, в конце концов, в наше время стюардессы до сих пор надевают через голову спасательный жилет и показывают вам, как дергать короткий шнурок, который его надувает? За всю историю гражданской авиации спасательный жилет не спас ни одной

жизни. Особенно меня восхищает, что к каждому жилету они прилагают маленький пластиковый свисток. Я всегда представляю, как пикирую вертикально в океан со скоростью 1200 миль в час и думаю: «Слава богу, у меня есть свисток».

И смысла спрашивать, о чем они думают, нет, потому что, в принципе, ни о чем они и не думают. Недавно я садился на рейс из Бостона в Денвер. Когда я открыл верхнее отделение для багажа в салоне, то обнаружил надувшуюся спасательную шлюпку, которая заняла все свободное пространство.

— Здесь лодка, — выдохнул я в изумлении, подозревая проходившего мимо стюарда.

— Да, сэр, — вежливо ответил стюард. — Этот самолет отвечает всем требованиям Федерального управления гражданской авиации относительно межконтинентальных полетов.

Я уставился на него с легким удивлением.

— И сколько континентов мы пересекаем по пути из Бостона в Денвер?

— Этот самолет отвечает всем требованиям Федерального управления гражданской авиации к межконтинентальным полетам, вне зависимости от того, включены в расписание межконтинентальные полеты или нет, — бодро отчеканил стюард.

— Вы хотите сказать, что, если мы упадем в океан, сто пятьдесят пассажиров поместятся в двухместной шлюпке?

— Нет, сэр, на борту есть еще один плот, — он указал на багажный отсек с противоположной стороны.

— Значит две шлюпки для ста пятидесяти человек? Вам это не кажется немножечко абсурдным?

— Сэр, правила составляю не я, а вы загораживаете проход.

Он заговорил со мной тоном, каким все работники авиалиний в конце концов заговаривают с вами, если на них слегка надавить — а иногда даже если и не давить. Я согласен, что во всех Соединенных Штатах нет такой сферы услуг, где бы уровню сервиса и желаниям клиентов уделялось меньше внимания. Слишком часто самый безобидный шаг — когда вы подходите к стойке регистрации, чтобы спросить, почему задерживается рейс, до того, как служащий готов вами заняться, или когда вам некуда убрать пальто, потому что верхнее отделение для багажа занято надутой лодкой — может закончиться руганью и упреками.

Имейте в виду, за заметным исключением меня и еще нескольких смиренных душ, которые верят в порядок, большинство пассажиров в

Америке в наши дни заслуживают то, что имеют. Это потому, что они тащат на борт слоновьи чемоданы и багаж на колесах, который по меньшей мере вдвое превышает официально разрешенные размеры, так что багажные отсеки переполняются задолго до того, как все заняли свои места. Чтобы непременно получить отсек в свое распоряжение, они садятся на борт до того, как приглашают их ряд. На любом рейсе в Америке сейчас по меньшей мере 20 % всех мест заняты людьми, чьи ряды еще не приглашались на посадку. Я наблюдал эту процедуру с утомленным раздражением в течение нескольких лет и могу сказать, что в Америке посадка в самолет и период до взлета занимает ровно в два раза больше времени, чем где-либо еще.

В итоге между работниками авиалиний и пассажирами разгорается своего рода война, которая слишком часто затрагивает невинных и бьет так жестоко, что заставляет молить о справедливости.

В частности, помню один случай, произошедший несколько лет назад с моей женой, детьми и мной, когда мы сели на борт в Миннеаполисе, чтобы отправиться в Лондон, и обнаружили, что нас посадили на шесть разных мест в разных концах самолета (нас разделяли двадцать рядов). Моя ошеломленная жена сказала об этом стюардессе.

— И что вы хотите, чтобы я сделала? — ответила стюардесса таким тоном, который наводил на мысль о необходимости отправить ее на курсы повышения квалификации в общении с клиентами.

— Ну, вообще-то мы бы хотели, чтобы наши места были рядом, если возможно.

Стюардесса издала глухой смешок.

— Сейчас я не могу ничем вам помочь. Мы принимаем пассажиров. Разве вы не проверяли свои посадочные талоны?

— Только верхний. Администратор (которая, позвольте заметить, оказалась пренеприятной особой) не известила о том, что разбрасывает нас по всему самолету.

— Что ж, сейчас ничем не могу вам помочь.

— Но у нас маленькие дети.

— Сожалею.

— Вы хотите сказать, что мы должны отсадить двухлетнего и четырехлетнего ребенка в другой конец самолета на весь восьмичасовой перелет через Атлантику? — спросила жена. (Идея показалась мне не столь уж плохой, но из солидарности я соорудил суровую мину.)

Стюардесса глубоко вздохнула и с явным недовольством попросила приятную и скромную пожилую пару пересесть, после чего моя жена и

двое младших детей смогли устроиться рядом. Остальные члены нашей семьи остались на своих местах.

— В следующий раз смотрите на свои посадочные талоны до того, как проходить на посадку! — рявкнула стюардесса на прощание.

— Нет, в следующий раз мы полетим какой-нибудь другой компанией, — ответила моя жена, и с тех пор мы так и делали.

— И когда-нибудь, когда я буду вести колонку в какой-нибудь газете, я напишу о вас, — важно заявил я в спину стюардессе.

Конечно, я не произнес ничего подобного и я бы сильно злоупотребил своим положением, если бы сказал вам, что так мерзко с нами обошлись «Нортвест эйрлайнз», — так что — тсс!

Затерянные в виртуальном мире

Когда мы переехали в Америку, другая энергосистема означала, что надо заменить все оборудование — компьютер, факс, автоответчик и так далее. Я не дока в шопинге и расставании с крупными суммами денег, а перспектива тащиться в магазины и выслушивать торговых консультантов, расхваливающих разные офисные чудеса, наполняла меня дурными предчувствиями.

Так что представьте мой восторг, когда в первом же компьютерном магазине, в который я зашел, я нашел компьютер, в котором было все — факс, автоответчик, электронный адресный справочник, интернет-связь и еще куча всего. Рекламируемый под названием «полное решение для домашнего офиса», этот компьютер только что кофе не варил.

Так что я приобрел его, привез домой, установил, скрестил пальцы и набросал дерзкий факс приятелю в Лондон. Я набрал номер на соответствующей панели, как указывалось в инструкции, и нажал «Отправить». Почти в то же мгновение из встроенных в компьютер динамиков послышались звуки набора номера. Затем последовал гудок, и в конце концов незнакомый голос произнес:

— Алло? Алло?

— Алло, — сказал я в ответ и понял, что поговорить с этим человеком, кем бы он ни был, у меня нет ни малейшей возможности.

Мой компьютер начал издавать волнительные звуки отправки факса.

— Алло? Алло? — снова произнес голос с оттенком озадаченности.

Через секунду человек повесил трубку. Мой компьютер тут же набрал номер снова.

И так продолжалось почти все утро, компьютер настойчиво донимал какого-то незнакомца в неизвестном месте, пока я судорожно искал в инструкции, как его остановить. Наконец в отчаянии я просто выключил компьютер, который заткнулся после серии криков «Большая ошибка!» и «Кризис жесткого диска!».

Через три недели — это чистая правда — мы получили телефонный счет на 68 долларов за звонки в Алжир. Дальнейшие изыскания показали, что люди, написавшие программу для работы факса, не учли возможность межконтинентальных звонков. Программа распознавала только американские телефонные номера. При столкновении с иными у нее случался нервный срыв.

Также я выяснил, что электронный адресный справочник испытывает ту же самую раздражительную неприязнь к адресам неамериканского происхождения, считая их бесполезными, а режим автоответчика имел привычку начинать запись с середины разговора.

Долгое время меня удивляло, как такая дорогая, такая революционная вещь может быть столь недееспособной, но потом я понял, что компьютер — глупая машина со способностью делать что-то невероятно умное, а программисты — умные люди со способностью делать невероятно глупые вещи. В общем, они идеально дополняют друг друга.

Я уверен, вы слышали о массовом информационном сбое на рубеже тысячелетия. Дескать, под полуночный звон 1 января 2000 года все компьютеры в мире по ведомым им одним причинам пройдут через процедуру следующего толка: «Что ж, наступил новый год, который оканчивается на 00. Ставлю на то, что это 1900. Но если это 1900 год, компьютеры еще не изобрели. Значит, я не существую. Думаю, мне лучше заткнуться и начисто стереть память». Приведение всего парка ПК в порядок обойдется в среднем в 200 триллионов сиксиллиардов долларов, ну, или в какую-то не менее дикую сумму. Видите ли, компьютер может вычислить число «пи» до двадцати тысяч разрядов после запятой, но не способен учесть, что время всегда движется вперед. Программисты тем временем могут написать восемьдесят тысяч строчек сложного кода, но не способны заметить тот факт, что каждые сто лет мы входим в новый век. Ужасающая комбинация.

Когда я впервые прочел о том, что IT-сфера породила столь глобальную, необъятную и глупую проблему, я тут же понял, почему мой факс и другие цифровые игрушки не стоят ни цента. Но все же это не совсем объясняет удивительную — невероятную — бесполезность программы проверки орфографии в моем компьютере.

Как почти все, связанное с компьютером, программа проверки орфографии — изумительная штука. Вы написали кусок текста, включаете эту программу, и она проверяет текст, отмечая те слова, которые написаны неправильно. На самом деле, потому что компьютер не понимает, что такое слова, он ищет знакомые буквенные сочетания, и здесь-то и начинаются проблемы.

Во-первых, он не узнает никакие имена собственные — имена людей, названия мест, корпораций и так далее — или слова неамериканского происхождения, такие как «пюпитр» или «мольберт». Не узнает он также и многие слова во множественном числе или их производные («шаги», «шагающий»), аббревиатуры и акронимы. А также, видимо, и слова,

придуманные после того, как президентом был Эйзенхауэр. Так что программа узнает слова «спутник» и «битник», но не «Интернет», «факс», «виртуальный» или «неуч» среди множества других.

Самая же выдающаяся способность моей проверяющей орфографию программы — и это черта, которая для любого, кто живет в нереальном мире, станет поводом для многих часов веселья, — та, что эта программа придумана так, чтобы предлагать варианты слов. Она и предлагает, да такие, что вряд ли забудешь. К примеру, для сегодняшней статьи предложила вместо «Интернет» поставить «интернит» (этого слова я не нашел ни в одном словаре, ни в британском, ни в американском), «интернат», «интернод» и «интерактив». Для «факса» предложила не менее тридцати трех вариантов замены, таких как «фарс», «фукс», «фокс», «ферзь», «фальшь», «фикус», и как минимум два, неизвестные науке лексикографии: «фраке» и «фомз». «Виртуальный мир» компьютер просто подчеркнул, а вот для слова «виртуальный» придумал варианты «пероральный» и «нахальный».

Я безуспешно пытался найти логику, по которой компьютер и программа, работая сообща, решали, что тот, кто набрал слово «факс», на самом деле хотел набрать «фарс», или почему «виртуальный» можно заменить «перораль-ным» и «нахальным», а не, скажем, «картошкой» или «бензозаправочной станцией самообслуживания», если подбирать столь же нелепые альтернативы. Не могу я объяснить и того, как несуществующие слова, такие как «фраке» и «фомз», попали в программу. Назовите меня слишком придирчивым, но я считаю, что компьютерную программу, которая хочет заменить реальное слово на несуществующее, рано предлагать для повсеместного использования.

Эта система не только предлагает глупые варианты замены, она определенно стремится их вставить. Вам приходится делать все, только бы программа не вставляла самостоятельно неверный вариант. Если вы случайно выберете вариант по умолчанию, она автоматически изменит все слова в тексте. Так, к моему полному отчаянию, в последние месяцы я писал статьи, в которых «шерсть» менялась по всему тексту на «жесть», «Миннеаполис» на «мегаполис» и — мой самый любимый вариант — «Ренуар» на «пеньюар». Если и существует быстрый способ вернуть трансформированный текст к первоначальному виду, то я его не нашел.

Сейчас я читаю в «Ю Эс ньюс энд уорлд рипорт», что та же компьютерная промышленность, которая не заметила приход нового тысячелетия, также не обратила внимание на то, что носители информации — магнитные ленты и тому подобное — уже много лет как серьезно

устарели. Ученые из НАСА, которые недавно пытались получить доступ к материалам по миссии полета на Марс станции «Викинг» в 1976 году, обнаружили, что 20 % информации просто исчезло, и остальные готовы последовать их примеру.

Так что, похоже, программисты проведут в ближайшие пару лет несколько бессонных ночей. На что, если честно, я скажу «ура». Или «мура», «гора» и «икра», как сказал бы мой компьютер.

Отель Калифорния

Сложно представить себе более злобного представителя человеческого рода, чем Роберт Элтон Харрис. После серии постоянных случайных тяжких преступлений, в 1979 году в Калифорнии он хладнокровно убил двух подростков, автомобиль которых забрал. Скрываясь с места преступления, он пообедал чизбургерами, которые подростки не доели.

Он был арестован через несколько часов и откровенно признался в содеянном. Тем не менее у властей штата Калифорния ушло тринадцать лет на сложные и дорогостоящие судебные заседания, повторные слушания и предоставление всех доказательств необходимости вынесения Харрису законного смертного приговора.

В списке смертников Калифорнии еще почти 500 человек таких, как Харрис. В целом, штат тратит приблизительно 90 миллионов долларов в год на рассмотрение дел, заслуживающих смертного приговора. С 1967 года потрачен 1 миллиард долларов (более 600 миллионов фунтов стерлингов) на рассмотрение дел, карающихся смертной казнью, а в итоге приговорены всего два человека (один из них Харрис).

После этого мне кажется очевидным, что, помимо всего прочего, смертная казнь в Америке — это сумасшествие. Подумайте, что могла бы сделать Калифорния с миллиардом долларов, если бы его потратили, скажем, на образование.

Почти все согласны с тем, что подобный извилистый судебный процесс — безумие, однако проблема в том, что американцам нравится смертная казнь. Постоянные опросы общественного мнения показывают, что около трех четвертей опрошенных поддерживают смертную казнь. Более того, они хотят, чтобы такой приговор выносился — даже настаивают — за очень большое число различных преступлений. Грубо говоря, половина американцев, к примеру, ввели бы смертную казнь за продажу наркотиков детям. В Соединенных Штатах вас и сейчас могут приговорить к смертной казни более чем за 50 разных преступлений.

Даже не учитывая моральную сторону дела, по моему мнению, существует несколько практических соображений, после которых довольно трудно поддержать эту точку зрения. Во-первых, такие приговоры довольно противоречивы. Практически все приговоренные к смертной казни — мужчины, с 1962 года к смерти была приговорена всего одна женщина, хотя в Техасе в этом месяце смертного приговора ожидает еще одна; причем

преимущественно эти люди — нищие чернокожие, а их жертвы — в основном белые. Приблизительно из 360 человек, получивших смертный приговор в Соединенных Штатах с 1977 года, 83 % были приговорены за убийство белых, при этом белые составляют не более половины всех жертв убийств. Преступник получит смертный приговор за убийство белого в 4 или 10 раз вероятнее, в зависимости от штата, чем за убийство черного — довольно явное доказательство слепоты правосудия, не находите?

Также существует поразительное географическое несоответствие. Тридцать девять американских штатов имеют право выносить смертный приговор, однако в прошлом году его выносили только в семнадцати — в большинстве своем на Юге. Если вы собираетесь убить кого-нибудь в штате, где действует смертная казнь, вам лучше поехать в Нью-Гэмпшир, где уже многие годы никого не казнили, чем в Техас или Флориду, где с людьми расправляются с энтузиазмом. В Техасе в прошлом году были казнены тридцать семь человек — столько же, сколько во всех остальных штатах вместе взятых.

В целом, в США под стражей содержится около трех тысяч человек, приговоренных к смерти. В 1997 году семьдесят четыре из них были казнены, это самая большая цифра за последние сорок лет. Тем не менее число приговоренных в четыре раза превышает количество «реальных» смертников. (Основной причиной смертности среди смертников является, на самом деле, естественное старение.) Чтобы сократить число ожидающих и справиться с новыми партиями заключенных, Америке надо казнить по одному человеку в день двадцать пять лет подряд. Из-за судебных порядков этого, видимо, никогда не будет.

Тогда вопрос: зачем так усердствовать? В среднем на рассмотрение всех деталей дела для вынесения смертного приговора уходит десять лет и пять месяцев. В результате, согласно данным Университета Дьюка, казнить заключенного на 2 миллиона долларов дороже, чем держать в пожизненном заключении.

Конечно, вы можете возразить, что приговоренные убийцы должны быть лишены права на бесконечные апелляции, основанные на всевозможных процедурных несуразностях. Конгресс, охотно приняв эту точку зрения, в 1995 году проголосовал за отмену 20 миллионов долларов федеральных средств, которые шли на финансирование процедуры апелляций. Буквально тут же средняя продолжительность времени от вынесения приговора до казни сократилась на 11 месяцев.

Это была бы хорошая новость, будь вы уверены, что тот, кто приговорен к смерти, ее заслуживает, но на самом деле это не так. Взять

хотя бы дело Денниса Уильямса из Чикаго, который провел семнадцать лет в ожидании казни за убийство, которого, как утверждал, он не совершал по той простой причине, что попросту не совершал. Он был спасен только благодаря профессору журналистики Чикагского университета, который предложил своим студентам рассмотреть его дело. Студенты обнаружили среди прочего, что полиция фальсифицировала улики, свидетельства были ложными и что другой человек был готов признаться в совершении этого преступления, если бы кто-нибудь его выслушал.

Как и большинство заключенных, приговоренных к смерти, Уильямса защищал назначенный судом адвокат. Штат Иллинойс платит государственным защитникам 40 долларов в час. Средняя ставка адвокатов, занимающихся частной практикой, составляет 150 долларов в час. Не нужно быть гением, чтобы подсчитать, что лучшие адвокаты не горят желанием работать на государство. Как правило, они получают всего 800 долларов на подготовку и представление защиты в суде в деле с возможным смертным приговором, поэтому даже самый преданный своему делу адвокат едва ли сможет вызвать в суд эксперта, провести независимое криминалистическое расследование или организовать что-либо еще, что могло бы доказать невиновность клиента.

Благодаря студентам, Уильямса освободили в сентябре прошлого года. Это не настолько редкий случай, как можно подумать. С 1977 года, когда в Иллинойсе снова была введена смертная казнь, штат казнил восемь человек, однако освободил тоже восьмерых. На общенациональном уровне за последние двадцать пять лет шестьдесят девять человек были приговорены к смертной казни, а потом признаны невиновными и освобождены. После урезания федерального бюджета на апелляции мало кто из них мог бы надеяться на столь счастливый конец.

Одно, когда невиновного убивает гражданин, и совсем другое — когда это делает государство. Однако, что удивительно, таково мнение меньшинства. По опросу, проведенному компанией «Гэллап» в 1995 году, 57 % жителей Америки предпочли бы сохранить смертную казнь, даже если бы из ста казненных один оказался невиновен.

Не думаю, что в Америке есть такие политики — и уж точно ни одного влиятельного, — которые стали бы отстаивать мнение меньшинства. Было время, когда политики пытались повлиять на общественное мнение. Сегодня они просто с ним соглашаются, что очень грустно, потому что общественное мнение часто можно оспорить.

В статье, вышедшей в «Нью-Йоркере» в 1992 году, Ричард А. Найгаард писал, что Западная Германия отменила смертную казнь в 1949 году даже

несмотря на то, что 74 % населения были за ее сохранение. К 1980 году число тех, кто «за», сократилось до 26 %. Как замечает Найгаард, «для поколения, при котором этого не было, смертная казнь представляется варварским пережитком, подобно рабству или клеймению».

Вот бы и здесь стало так же.

Уже достаточно

Наконец-то я понял, что тут не так. Слишком много всего. Я имею в виду, что вокруг слишком много вещей, которые, возможно, хочется иметь или которые необходимы, за исключением времени, денег, водопроводчиков и людей, которые благодарят тебя, когда ты придерживаешь для них двери. (И кстати, мне бы хотелось занести в протокол, что идущий следом за мною человек, который проходит в двери, придерживанные мною, и не говорит «спасибо», рискует получить этой же самой дверью по почкам.)

Америка, конечно же, — страна щедрого разнообразия, и долгое время после того, как мы сюда переехали, я был ослеплен и рад повсеместному богатству выбора. Помню, как зашел в первый раз в супермаркет и был искренне впечатлен, когда увидел не менее восемнадцати видов подгузников. Два или три — еще могу понять. Полдюжины, возможно, могли бы застраховать на все возможные случаи недержания. Но восемнадцать — боже мой! Это страна изобилия. Одни ароматизированные, другие с ребристой поверхностью для дополнительного комфорта, и все различаются уровнем защиты, от «ой, я, кажется, пустил каплю» до «уух! прорыв плотины!». На самом деле названия были, конечно же, другими, но смысл именно такой. Можно даже выбирать цвет.

Практически каждый второй вид продукции — замороженная пицца, корм для собак, мороженое, торты, чипсы — часто исчисляется буквально сотнями названий. Каждый новый вкус, такое ощущение, порождает все новые. Когда я был маленьким, пшеничная соломка была просто пшеничной сололкой. Теперь ее можно попробовать в сахарной глазури, в крошечных порциях, с кусочками настоящего, похожего на банан вещества и бог его знает с чем еще. Сильнее впечатлить меня нельзя ничем.

Однако недавно я понял, что выбор слишком широк. Я пришел с этой мыслью домой после того, как приехал из аэропорта Портленда, штат Орегон, постояв в очереди из пятнадцати человек перед кофейным киоском. Было 5:45 утра, не самое мое любимое время суток, и до посадки оставалось всего двадцать минут, но мне, честное слово, было необходимо получить дозу кофеина. Вы же знаете, каково по утрам.

Так бывает, что если вам хочется чашечку кофе, вы просите именно ее и получаете тоже именно ее. Но этот киоск, происхождения 1990-х годов,

предлагал двадцать разных видов на выбор — эспрессо, латте, карамельное латте, капучино, маккьятто, мокко, эспрессо мокко, мокко «Черный лес», американо и кто его знает что еще — и четырех разных объемов. На выбор также предлагалась целая вселенная сдобных булочек, круассанов, багетов и пирожных. Все это было доступно во множестве вариаций, так что каждый заказ звучал подобно следующему:

— Мне, пожалуйста, карамельный латте, мокко без кофеина и напиток из корицы, бублик с маложирым сливочным сыром, но, будьте добры, с двойной порцией тертого пимьенто. А ваши маковые зерна жарятся в полиненасыщенном растительном масле?

— Нет, мы используем двойной сверхлегкий экстракт канолы.

— О, нет, мне такое нельзя. В таком случае круассан «Нью-Йорк три сыра» из непросеянной ржаной муки. С какими эмульгаторами вы его готовите?

Я мысленно представил, как хватаю каждого такого клиента за уши, трясу его или ее голову раз тридцать-сорок и произношу:

— Тебе всего-то нужна чашка кофе и какая-нибудь булка до посадки в самолет. Попроси что-нибудь попроще и убирайся.

К счастью всех этих людей, пока я не получил свою первую чашку кофе утром (это истинная правда в столь ранний час), я могу лишь встать, одеться (как-нибудь) и попросить чашку кофе. Все остальное выше моих сил. Поэтому я просто стоял и терпеливо ждал, пока пятнадцать человек сделают свои длинные, отнимающие кучу времени и бессмысленно оригинальные заказы.

Когда наконец подошла моя очередь, я шагнул к стойке и сказал:

— Я бы хотел чашку кофе.

— Какого?

— Горячего в очень большой чашке.

— Да, но какого — мокко, маккьятто — какого именно?

— Без разницы, лишь бы это была чашка нормального кофе.

— Хотите американо?

— Если это означает нормальный кофе, то да.

— Это все — кофе.

— Я хочу чашку нормального кофе, какой миллионы людей пьют каждый день.

— Значит, вы хотите американо?

— Видимо, да.

— Вам взбитые сливки низкокалорийные или обычные?

— Я не хочу взбитые сливки.

— Но этот кофе подается со взбитыми сливками.

— Послушайте, — я понизил голос. — Сейчас шесть утра. Я стою двадцать пять минут в очереди из пятнадцати поразительно нерешительных человек, мой рейс уже объявляют. Если прямо сейчас я не получу кофе, я кого-нибудь убью — и думаю, вам следует знать, что вы занимаете чрезвычайно опасную верхнюю строчку в моем списке. (Как вы понимаете, утро — мое не самое любимое время суток.)

— Это значит, что вы хотите низкокалорийные или обычные взбитые сливки?

Тут уже ничего не поделать.

Слишком большой выбор не только удлиняет каждое действие в десять раз, но и, что удивительно, на самом деле порождает недовольство. Чем больше выбор, тем требовательнее люди, чем более они требовательны, тем больше, хм, требуют. В Америке у вас появляется ощущение, что вы находитесь среди миллионов людей, которым постоянно, бесконечно, неутомимо нужно все больше и больше. Похоже, мы создали общество, для которого главное занятие — пастись по точкам розничной торговли в поисках разных материалов, форм, ароматов, которые они раньше никогда не встречали.

И это касается абсолютно всего. Сейчас вам предлагают на выбор тридцать пять различных зубных паст «Крест». Как сообщает «Экономист», «в Америке средний супермаркет выделяет до 20 футов торгового пространства на лекарства от кашля и простуды». Из 25 500 «новых» потребительских товаров, появившихся в Соединенных Штатах в прошлом году, 93 % — всего лишь слегка измененные варианты уже существующей продукции.

В последний раз, когда я ходил завтракать, мне пришлось выбирать из пяти разных рецептов приготовления яиц (пашот, омлет, яичница-глазунья, яичница, обжаренная с двух сторон, и так далее), шестнадцати видов блинов, шести разных соков, двух форм сосисок, четырех видов картофеля и восьми разновидностей тостов и сдобы. Моя ипотека не требовала принятия такого количества решений. Я уже подумал, что все позади, когда официантка спросила:

— Вы хотите сбитое сливочное масло, обычное, маргарин, смесь сливочного масла с маргарином или заменитель сливочного масла?

— Вы издеваетесь, — сказал я.

— Я не издеваюсь насчет сливочного масла.

— Тогда мне обычное сливочное масло, — слабо произнес я.

— Гипонатриевое, без натрия или обычное?

— Удивите меня, — шепотом ответил я.

К моему изумлению, моей жене и детям все это нравится. Им нравится заходить в киоск с мороженым и выбирать из семидесяти пяти разных вкусов, а потом из семидесяти пяти разных сиропов.

Не могу передать, как мне хочется уехать в Англию и получить просто чашку хорошего чая и булочку, но, боюсь, я единственный в этом доме, кто горит подобным желанием. Я верю, что моей жене и детям в конце концов все это надоест, но пока никаких признаков не наблюдается.

Что ж, если смотреть с оптимизмом, по крайней мере, у меня есть полный набор подгузников.

Новости глупости

Мне бы хотелось сказать пару слов об американской глупости.

До того как я произнесу еще хоть слово, позвольте мне предельно ясно заявить, что американцы вовсе не принципиально отличаются от прочих людей. В Америке самая развитая экономика, самое довольное население, лучшие исследовательские институты, многие из лучших университетов и умов и больше лауреатов Нобелевской премии, чем в остальном мире вместе взятом. Если бы все были глупыми, этого бы не было.

Тем не менее иногда приходится удивляться. Вот пример. Согласно опросу общественного мнения, 13 % женщин в Соединенных Штатах не могут сказать, надевают ли они колготки на трусики или наоборот. Это около 12 миллионов женщин, которые бродят по стране с хронической неуверенностью в принципах одевания. Я нечасто надеваю женскую одежду, возможно, поэтому и не могу полностью оценить все трудности задачи, но я почти уверен, что если бы я надевал и трусы, и колготки, я бы знал, что на что я надеваю. А главное, если бы ко мне на улице подошел незнакомец с папкой и спросил, какова конфигурация моего нижнего белья, думаю, я бы не ответил, что не знаю.

Отсюда, кстати, еще один интересный вопрос: почему они спрашивали об этом? Как кто-то додумался до такого вопроса и что надеялись узнать? Видите, все это указывает на глупость более серьезных масштабов, не среди тех 13 % женщин, которые не в курсе, что происходит у них с нижним бельем, а, чтобы быть точным, среди тех, кто подготавливает и проводит опросы общественного мнения.

Одно можно сказать наверняка — глупости вокруг хватает. Я знаю это не понаслышке, потому что недавно один мой друг из Нью-Йорка прислал мне коллекцию тупых фраз, произнесенных в 1997 году устами знаменитых американцев. К примеру, актриса Брук Шилдс, без всякой помощи со стороны взрослых, объясняя в интервью, почему не следует курить, сказала: «Курение убивает. А если вы убиты, значит, вы потеряли очень важную часть своей жизни».

Хорошо сказано, Брук. А вот певица Мэрайя Кэри, принимая близко к сердцу проблему Третьей мировой войны, заявила: «Всегда, когда смотрю телевизор и вижу этих бедных голодающих детей по всему миру, я сразу начинаю рыдать. Я хочу сказать, я бы хотела быть такой же худенькой, но не в окружении всех этих мух, смерти и всего такого».

Чем бы ни была стадия за пределами человеческого разума, эту стадию я отмечаю всякий раз, когда перечитываю данную фразу. Однако моя любимая — ответ мисс Алабама на вопрос мисс Вселенной, хотела бы она жить вечно: «Я бы не хотела жить вечно, потому что мы не должны жить вечно, потому что если бы мы должны были жить вечно, то мы бы жили, но мы не живем вечно, вот почему я бы не хотела жить вечно».

Назовите меня злодеем, но я бы поставил кругленькую сумму на то, что мисс Алабама не только не знает, надевает ли она трусы на колготки или наоборот, но и какими конечностями в какое отверстие надо попадать.

Откуда взялась эта тупость? Не имею ни малейшего понятия, но уверен — вполне серьезно, — что в современной американской жизни что-то действует как подавитель мыслительного процесса, даже среди более или менее нормальных людей. Вчера мне напомнили об этом, пока я ждал, когда мужчина передо мной поговорит по телефону-автомату. Мужчина — средних лет, хорошо одетый, вероятно, адвокат или бухгалтер — очевидно, разговаривал с маленьким ребенком коллеги или клиента. Он сказал: «И когда же, по-твоему, мамочка выйдет из душа, малыш?»

Задумайтесь на минуту. Когда вы заметите за собой, что спрашиваете трехлетнего ребенка, сколько времени займет у взрослого какое-либо занятие, пора вкладывать инвестиции в новый мозг. В любом случае, сколько времени люди проводят под душем?

Америка не имеет монополии на слабоумие, но, кто его знает, по меньшей мере один фактор, похоже, оказывает здесь большее влияние на его изобилие, чем где-либо еще, судя по газетам, журналам и телепрограммам, которые его выпячивают, сами того не желая. «Вашингтон пост» без смущения информирует читателей о том, что Шотландия «находится на севере Англии», а журналисты рассказывают шутки и в конце их разъясняют. Идея — уверен, из лучших побуждений — заключается в том, чтобы помочь читателям в схватке со сложными и незнакомыми понятиями (как раз вроде того, где же все-таки эта Шотландия), однако для аудитории это нечто наподобие коллективной лоботомии.

Темная сторона — то, что людей, которые потеряли способность мыслить, относительно просто обмануть. Один или два раза в неделю мы, как практически каждая американская семья, получаем письмо от какого-нибудь журнала, в котором написано: «Поздравляем, мистер У. Брайсон. Вы выиграли 5 миллионов долларов!» Прямо над этим многообещающим сообщением, гораздо более мелким шрифтом, значится: «Если номер вашего лотерейного билета совпадет с выигрышным номером, мы

расскажем вам...». Не обязательно быть гением, чтобы понять, что на самом деле вы не выиграли никаких миллионов. К сожалению, гениев мало.

Недавно в газетах появлялась история о человеке по имени Ричард Ласк, который полетел из Калифорнии во Флориду с таким вот призовым письмом, в котором якобы говорилось, что он выиграл И миллионов и у него всего пять дней на то, чтобы забрать приз. Компания указала ему на мелкий шрифт и отправила обратно. Через три месяца мистер Ласк получил еще одно письмо точно такого же содержания и снова полетел во Флориду, с тем же упованием, что и в первый раз. Как сообщает «Ассошиэйтед пресс», за последние четыре года по крайней мере еще двадцать человек летали во Флориду, вдохновляемые «письмами счастья».

Это все довольно печально, поэтому давайте закончим моей любимой на сегодняшний день историей об одном недалеком парне — а именно о несостоявшемся грабителе из Техаса, который, чтобы ограбить продуктовый магазин, спрятал лицо под вязаным шлемом, но забыл снять с груди бейдж с фотографией, именем и местом работы. Разумеется, бейдж разглядела добрая дюжина свидетелей.

Уверен, где-то тут есть мораль, и я сразу дам знать, как только она придет мне в голову. А сейчас, если вы меня извините, я собираюсь сходить и проверить свое нижнее белье, на случай, если кто-нибудь начнет задавать вопросы.

Правда с натяжкой

В Америке, помимо всего прочего, вы постепенно привыкаете к тому, что корпорации и другой крупный бизнес вам врут. На самом деле я тоже только что сам соврал. Привыкнуть к этому невозможно.

Пару лет назад, когда мы еще только перебрались в эту страну и ехали по Мичигану в поисках места, где можно было бы остановиться, мы заметили большой рекламный щит национальной сети мотелей, рекламирующий очень привлекательное специальное предложение. Я не помню деталей, но оно включало бесплатное размещение для детей и ваучеры на завтрак для всей семьи за крайне приятную сумму порядка 35 долларов.

Естественно, к тому времени, пока я все это прочел, мы уже проехали мимо, так что пришлось сделать еще 15 миль вперед, потом 15 миль назад, потом полчаса пометаться по скользкой дороге, пока все в машине показывали мне на мотели с лучшими условиями, которые попадались по пути. Всеобщее раздражение нарастало, ну да ладно: за 35 долларов и бесплатный завтрак, если хотите, можете меня ненавидеть.

Так что представьте мое выражение лица, когда мы зарегистрировались в мотеле и портье предъявил мне счет на сумму около 149,95 долларов.

— А как же специальное предложение? — поразился я.

— А-а, — вежливо протянул он, — это относится только к нескольким номерам.

— И скольким же?

— Двум.

— А сколько всего номеров у вас в мотеле?

— Сто пять.

— Но это же мошенничество, — сказал я.

— Нет, сэр, это Америка.

Если честно, не помню, чтобы он так сказал, но вполне мог. И это крупная, известная корпорация, руководство которой, я уверен, оскорбилось бы, назови их кто-нибудь жуликами и негодьями. Они просто следуют изменчивой этике коммерции в Соединенных Штатах.

Недавно я прочел книгу под названием «Искаженная правда: манипуляции фактами в Америке», полную захватывающих историй о лживых рекламных слоганах, подтасованных научных исследованиях,

фальшивых опросах общественного мнения и тому подобном — обо всем, что в других странах назвали бы мошенничеством.

К примеру, почти вся реклама автомобилей переполнена упоминаниями о подушках безопасности, наличия которых в любом случае требует закон. Одно время корпорация «Шевроле» рекламировала автомобиль со «109 особенностями, способными уберечь его от преждевременного старения». Некий журналист решил изучить, что это за особенности; среди них оказались зеркала заднего вида, фонари заднего хода, отбалансированные колеса и прочее, что по определению входит в базовую комплектацию машины.

Меня поражает не сам факт того, что корпорации стараются «подмять» реальность в свою пользу, а степень, до которой им позволяют это делать. Производители продуктов питания могут не добавлять (почти не добавлять) особые ингредиенты в свою продукцию, но заявлять о том, что их якобы там в избытке. Одна известная продовольственная компания — и это, поверьте, случайный пример — продает «вафли с черникой», в которых черники нет и в помине. Похожие на ягоды фрагменты, которые в них попадают, на самом деле всего-навсего комочки ароматизированных химикатов, абсолютно искусственных, хотя на упаковке о том ни слова не сказано.

Если содержимое фальсификации не поддается, производители зачастую искажают размеры порций. Популярный маложирный шоколадный торт хвастает скромными 70 калориями в одной порции. Но предполагаемая порция (одна унция!) настолько мала, что ее физически невозможно отрезать от целого куска.

Из всех обманов больше всего меня раздражает, как самый неизбежный, рекламная рассылка. Каждый год средний американец получает 34 фунта — 500 штук — рекламных писем. Это слишком много, чтобы заинтересовать, поэтому отправители прибегают к самым подлым трюкам, чтобы заставить вас заглянуть внутрь. Они намеренно придают конвертам такой вид, будто в них лежит призовой чек или важные государственные документы или будто письмо доставлено специальным курьером — и способно доставить вам проблемы, если вы не уделите ему должного внимания. Сегодня, например, я получил конверт с пометкой «Приложенные документы лично в руки... 2000 долларов штрафа или 5 лет тюрьмы каждому, кто помешает доставке; свод законов США № 18, раздел 1702». Несомненно, это оказалось нечто важное, а именно — приглашение на тест-драйв автомобиля в соседнем городе.

К моему отчаянию, даже довольно добропорядочные организации

стали использовать эти уловки. Недавно я получил конверт официального вида с надписью «Чек прилагается». Это оказалось письмо от Фонда муковисцидоза, благотворительной организации, помогающей тем, кто страдает этим заболеванием, с просьбой о добровольном взносе. Никакого чека не прилагалось — просто листок бумаги а-ля факс образца пожертвования фонду 10 долларов. Когда даже приличные благотворительные организации с добрыми побуждениями вынуждены лгать, чтобы привлечь ваше внимание, вы понимаете, что с системой что-то не так.

Начинаешь чувствовать себя так, будто никому нельзя верить. Синтия Кроссен, автор вышеупомянутой «Искаженной правды», в своей книге поведала, сколько так называемых научно обоснованных фактов на самом деле подделка. В частности, общенациональная пресса не так давно взалхлеб расхваливала одну работу, в которой утверждалось, что употребление в пищу белого хлеба способствует стабильной потере веса. «Эксперимент» с участием 118 человек, длившийся в течение двух месяцев, на котором основывалось это утверждение, в действительности ничего не доказал. Однако ученые заявили, что, по их мнению, факт подтвердился бы, «если бы исследование было продолжено». Эксперимент проводился при поддержке крупнейшего в стране производителя белого хлеба. Еще одно исследование — снова широко освещавшееся в газетах — призвано было доказать, что употребление в пищу шоколада снижает риск развития кариеса. Ничего удивительного, что финансовую поддержку этому исследованию оказывал крупный производитель шоколада.

Даже сообщения в самых уважаемых медицинских журналах, похоже, весьма сомнительны. В прошлом году, как сообщает «Бостон глоуб», два университета, Тафте и Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, изучили материальную заинтересованность авторов 789 статей в ведущих медицинских журналах и пришли к выводу, что в 34 % случаев по меньшей мере один автор имел скрытую материальную заинтересованность в публикации статьи. В одном случае исследователь, который провел тестирование эффективности нового метода низкотемпературной обработки, имел несколько тысяч акций в компании, которая занималась внедрением этого метода в производство. После публикации статьи акции компании подорожали, он продал их и получил прибыль в размере 145 000 долларов. Я не говорю, что этот человек представил необъективное исследование, но ему, несомненно, приходило в голову, что отрицательные результаты тестов обесценили бы акции.

Самый потрясающий случай произошел в 1986 году, когда

«Медицинский журнал Новой Англии» одновременно принял две статьи по новому типу антибиотиков. В одной говорилось, что лекарство эффективно, в другой — что нет. Положительную статью, как выяснилось, подготовил человек, чья лаборатория получила 1,6 миллионов долларов от фармацевтической компании; вдобавок он лично получал 75 000 долларов в год от этой компании. Отрицательный отчет подготовил независимый исследователь, которого не спонсировали фармацевтические компании.

Так кому же верить? Боюсь, только мне, и то — постольку-поскольку.

Для вашего удобства

Продолжим: тема нашего изучения — одна из сторон современной жизни, которая донимает меня хуже хронического насморка, а именно: как корпорации делают все, чтобы облегчить жизнь себе, но утверждают, что это исключительно ради нашей с вами пользы. Типичное проявление такого подхода — фраза в инструкции или рекламном буклете «для вашего удобства» или «чтобы обеспечить лучший сервис для наших клиентов».

Например, совсем недавно я остановился в одном большом отеле и пошел за льдом. Я долго бродил по коридорам (возможно, как я сейчас понимаю, блуждал бесконечными кругами), но так ничего и не отыскал. Обычно на каждом этаже любого американского отеля всегда стоит машина со льдом. Думаю, это гарантировано конституцией, как раз перед правом носить оружие и после права ходить по магазинам до умопомрачения. Но на восемнадцатом этаже этого отеля машин не было. В конце концов я нашел нишу, где, очевидно, когда-то стояла машина со льдом, а ныне на стене висело объявление: «Для вашего удобства машины со льдом перемещены на 2-й и 27-й этажи». В общем, вы меня поняли.

Я протестую не против перемещения машин со льдом как такового, а против предлога, что это делается, чтобы осчастливить меня. Написали бы по-честному, что-нибудь вроде: «А зачем вам, собственно, лед? Вода и так холодная. Отправляйтесь к себе в номер, и хватит бродить по коридорам в неприличном виде», — и никаких проблем.

Конечно же, это не сугубо американское явление. Жители Скиптона, графство Северный Йоркшир, пару лет назад наблюдали, как чудаковатый американский журналист, который спешил на поезд, бросался на дверь отделения крупного банка на Хай-стрит и выкрикивал живописные эмоциональные выражения через щель для писем, спровоцированный объявлением на окне, гласившим: «Для повышения качества обслуживания по понедельникам банк будет открываться на 45 минут позже ввиду проведения тренинга для сотрудников». (Тот же самый банк уволил тысячи служащих и объявил, без намека на иронию, что это сделано для «повышения качества обслуживания наших клиентов». Так и ждешь, когда они уволят всех и вообще перестанут иметь дело с деньгами. Вот тогда их сервис станет безупречным.)

Однако, как почти во всем, плохом, хорошем ли, корпоративного лицемерия в Америке больше, чем где бы то ни было. Когда я

останавливался в другом отеле Нью-Йорка, то заметил, что в меню обслуживания в номерах написано: «Для вашего удобства стоимость всех заказов увеличена на 17,5 %».

Снедаемый любопытством, я позвонил в обслуживание номеров и поинтересовался, для какого такого удобства стоимость всех заказов в номер выросла на 17,5 %.

Последовала долгая пауза.

— Потому что тогда вы гарантированно получите свою еду раньше следующего четверга.

Возможно, фраза звучала слегка иначе, но смысл ее был именно таков.

Есть простое объяснение, почему так происходит. Большинство крупных компаний вас недолюбливает, а отели, авиалинии и «Майкрософт» просто ненавидят.

Я считаю — хотя нельзя сказать с полной уверенностью — что отели, скорее всего, не любят клиентов больше всех. (На самом деле лидирует «Майкрософт», но, если я начну говорить о них, то никогда не смогу остановиться.) Пару лет назад около двух часов пополудни, после перелета с Фиджи, я приехал в один отель в Канзас-Сити. Как вы можете догадаться, Фиджи находится достаточно далеко от Канзас-Сити, я устал и ужасно хотел принять душ и немножко отдохнуть.

— Регистрация начинается в четыре часа дня, — невозмутимо объявил портье.

Я посмотрел на него с тем страдальческим, беспомощным выражением, которое мое лицо часто принимает у стоек регистрации.

— В четыре? Почему?

— Это правило компании.

— Почему?

— Потому что, — он, видимо, понял, что предыдущий ответ ничего не объясняет, — горничным нужно время, чтобы убраться в номерах.

— Вы хотите сказать, что ни в одном из номеров уборку не закончат раньше четырех?

— Нет, я хочу сказать, что вы не сможете получить номер раньше четырех.

— Почему?

— Потому что это правило компании.

Тогда я ткнул ему пальцами в глаза и важно выплыл из отеля, чтобы провести два чудесных часа в ресторанном дворике торгового центра через дорогу.

Если вы ищете способ над собою поиздеваться, не упустите случая

изучить журналы авиакомпаний. Эти журналы почти всегда содержат колонку с фотографией улыбающегося генерального директора компании, который объясняет, почему то, что никак не может считаться улучшением — например, отмена прямых рейсов из Нью-Йорка в Майами и вынужденная пересадка в Кливленде, — обеспечивает лучшее качество обслуживания. Мое любимое директорское послание — то, в котором объяснялось, вполне искренне, что бронирование большего количества мест, чем имеется на самом деле (тут подобное случается почти на каждом рейсе), на самом деле очень хорошо. Логика такова: гарантируя полностью выкупленные билеты на все рейсы, авиакомпания максимизирует свою прибыль, что обеспечивает ее процветание и помогает предлагать клиентам больше услуг более высокого качества. Знаете, из текста создавалось впечатление, что тот улыбочивый тип и в самом деле в это верит.

Я долгое время подозревал, что люди, которые летают американскими авиалиниями, полностью потеряли связь с реальностью; думаю, теперь у меня появилось подтверждение. Журналист «Нью-Йорк таймс» решил узнать, почему авиакомпании так редко предлагают на внутренних рейсах еду в наши дни и насколько ничтожнее эти порции по сравнению с временами былыми. Официальный представитель компании «Дельта эйрлайнз», некая Синди Ридз, заявила: «Сами клиенты просили нас исключить питание».

Прошу прощения. Клиенты просили их не кормить? Честно говоря, мне кажется, в это слегка, хм, трудно поверить.

Далее мисс Ридз изложила любопытную линию рассуждений. «Около полутора лет назад, — поведала она, — мы опросили тысячу пассажиров... и они сказали, что хотели бы снижения цен на билеты, поэтому мы отказались от питания на борту».

Минутку, Синди. Если вы спрашиваете пассажиров: «Вы хотите, чтобы мы снизили цены?» — и они отвечают: «Да, конечно же, хотим» (ответ вполне естественный, вам не кажется?), это означает не совсем то же самое, как если бы они сказали: «Да, конечно же, хотим, и будьте добры, прекратите нас кормить, а то все кормите и кормите».

Но попробуйте объяснить это (или что-нибудь еще) любой авиакомпании. По крайней мере, хоть не утверждают, что перестали предлагать питание для удобства клиентов — впрочем, возможно, по зрелом размышлении они так и скажут.

В любом случае — для повышения качества обслуживания, на сем закончим.

Старые новости

«Ученые раскрыли секрет старения», — гласила шапка местной газеты, которая немало меня удивила: я никогда не считал старение секретом. Старость просто наступает. И никаких секретов.

Насколько я знаю, в том, что я становлюсь старше, есть три плюса. Я могу спать сидя, могу бесконечно смотреть повторы «Инспектора Морса», не зная, чем все закончится, и не могу вспомнить третий плюс. Конечно же, проблема старения — в том, что вы ничего не можете вспомнить.

Что касается меня, ситуация только ухудшается. Все чаще мои телефонные разговоры с женой проходят так:

— Привет, дорогая. Я в городе. А зачем я туда поехал?

— Ты поехал постричься.

— Спасибо.

Вы можете сказать, что если я старею, то ситуация должна улучшаться, потому что чем старше я становлюсь, тем меньше мыслей в моей голове. Но не похоже, чтобы так и было. Знаете, каково по прошествии лет, когда все чаще оказываешься в какой-нибудь части дома, в которую почти не заглядываешь — в прачечной, может быть, — смотреть вокруг с поджатыми губами и пытаться вспомнить, что ты здесь делаешь? Прежде часто случалось, что я делал несколько шагов назад, туда, откуда пришел, и цель моего визита всплывала в памяти. Больше это не помогает. Теперь я не могу вспомнить, откуда начинал свои поиски. Ни малейшего понятия.

Так что я брожу по дому минут двадцать, разыскивая малейшие следы недавней деятельности — поднятую доску пола, возможно, или лопнувшую трубу, или, может быть, снятую телефонную трубку, из которой рвется встревоженный, пронзительный голос: «Билл? Билл, ты еще там?», — хоть что-нибудь, что могло бы побудить меня встать и отправиться искать записную книжку, гаечный ключ или бог знает что еще. Обычно во время таких блужданий я натываюсь на что-то, требующее моего внимания — скажем, на перегоревшую лампочку, — и отправляюсь к кухонному буфету, где хранятся лампочки, открываю дверцу и... да, все так, напрочь забываю, что я собирался сделать. В общем, замкнутый круг.

Время — главная причина моих страхов. Едва что-то уходит в прошлое, я теряю с ним всякую связь. Больше всего в жизни я искренне боюсь, что меня арестуют и спросят:

— Где вы были утром одиннадцатого декабря с 8:50 до 11:02 утра?

Когда это произойдет, я просто протяну руки, чтобы надели наручники, и позволю себя увести, потому что нет ни малейшей вероятности, что я вспомню свои поступки. Это со мною происходит, сколько я себя помню (то есть не слишком долго — в исторической перспективе).

У моей жены такой проблемы нет. Она помнит все, что происходило и когда. Я имею в виду каждую мельчайшую подробность. Она может совершенно неожиданно сказать что-нибудь вроде:

— Шестнадцать лет назад, в воскресенье, умерла твоя бабушка.

— Правда? — с удивлением отвечаю я. — У меня была бабушка?

Еще в последнее время часто бывает, что, когда мы с женой гуляем, кто-нибудь, кого, клянусь, я никогда в жизни раньше не видел, подходит и заговаривает с нами дружеским, даже фамильярным тоном.

— Кто это? — спрашиваю я, когда очередной тип уходит.

— Муж Лотти Рубард.

На минуту я задумываюсь, но в голову ничего не приходит.

— Кто такая Лотти Рубард?

— Ты познакомился с ней на барбекю у Талмаджей на озере Биг-Беар.

— Я никогда не был на Биг-Беар.

— Нет, был. На барбекю у Талмаджей.

Я снова на минуту задумываюсь.

— А кто такие Талмаджи?

— Пара с Парк-стрит, которые устраивали барбекю для Сквовольских.

Я начинаю впадать в отчаяние.

— Кто такие Сквовольские?

— Польская пара, с которой ты познакомился на барбекю на Биг-Беар.

— Я не был на барбекю на Биг-Беар.

— Конечно был. Ты сидел на вертеле.

— На вертеле?

И подобные разговоры продолжаются у нас дня три, и все же после них для меня ничего не проясняется.

Боюсь, я всегда был рассеянным. В детстве после обеда я разносил газеты по самому богатому району города — звучит неплохо, а? — но в действительности все было иначе, потому что, во-первых, богачи — самые большие скряги (особенно, если мне не изменяет память, мистер и миссис Артур Джей Нидермайеры, проживавшие на Сент-Джонс — роуд, 27, доктор и миссис Ричард Гэмбл — в большом кирпичном доме на Линкольн-плейс, и мистер и миссис Сэмюел Дринкуотер, жившие на банковские

сбережения Дринкуотеров; надеюсь, вы все сейчас в домах престарелых), а еще потому, что каждый дом располагался в четверти мили от дороги, в конце длинной, кривой подъездной аллеи.

Даже при гипотетически идеальных обстоятельствах ушло бы несколько часов, чтобы сделать весь круг, но такая возможность мне не предоставлялась никогда. Беда в том, что, пока мои ноги обходили, мой мозг пребывал в том состоянии полного отсутствия мыслей, что отличает всех рассеянных людей.

И непременно в конце обхода я заглядывал в свою сумку и со вздохом находил полдюжины газет, которые не доставил и каждая из которых должна была оказаться у дома, у которого я уже был. Я помнил длинную аллею, до конца которой добирался с таким трудом, крыльцо, которое пересекал, сетчатую дверь, которую открывал, — но так и не положил газету. Думаю, будет лишним уточнять, что у меня не было ни малейшего понятия, какие именно из восьмидесяти домов на моем маршруте я оставил без газет, поэтому я снова вздыхал и отправлялся на новый круг. Таким образом я провел свое детство. Интересно, если бы Нидермайеры, Гэмблы и Дринкуотеры знали, через какой ад я проходил, чтобы доставить им глупую «Де-Мойн трибьюн», были бы они счастливы, что нагло обделили меня на Рождество? Скорее всего, да.

В любом случае, вероятно, вам любопытно узнать о секрете старения, о котором я упомянул в первом абзаце. Согласно газетной статье, оказывается, доктор Джерард Шелленберг из Медицинского научного центра управления по делам ветеранов войны Сиэтла нашел генетического виновника старения. Похоже, в каждом гене содержится нечто под названием «хеликаза», член семейства энзимов, и эта самая хеликаза, без уважительной причины, насколько я могу судить, расщепляет две нити хромосом, которые составляют вашу ДНК, — а в результате вы стоите у кухонного буфета, пытаясь вспомнить, с какого перепуга туда полезли. Я не могу рассказать подробнее, потому что я, естественно, потерял эту статью. Да и навряд ли это имеет какое-то значение, потому что через неделю-другую найдется кто-нибудь еще, кто подхватит идею и откроет какой-нибудь новый секрет старения, и все тут же забудут о докторе Шелленберге и его изысканиях — конечно же, именно это уже происходит со мной.

Так что, в итоге, забывчивость, возможно, не такая уж плохая штука. Кажется, как раз такой вывод я и хотел сделать, но, честно говоря, уже не помню.

Отсутствие чувства юмора

Вот мой совет: никогда не шутите в Америке. Даже для опытных людей — а я верю, что разговариваю со специалистами, — шутка может оказаться опасной.

Я пришел к такому выводу совсем недавно, когда проходил таможенный и иммиграционный контроль в аэропорте Логана в Бостоне. Когда я подошел к последнему чиновнику иммиграционной службы, тот спросил:

— Фрукты, овощи?

Я задумался на секунду.

— Да, спасибо, почему нет, — ответил я. — Я бы взял четыре фунта картошки и несколько манго, если они свежие.

Аудитория не одобрила такого легкомыслия, а чиновник точно не горел желанием обмениваться шутками. Он смотрел на меня с тем мрачным выражением лица, которое вам никогда не хотелось бы наблюдать у сотрудника в форме, особенно на американском таможенном и иммиграционном контроле, потому что, поверьте мне, эти люди имеют такие полномочия, которые вам действительно не хотелось бы испытать на себе. Стоит лишь заикнуться о полном досмотре и резиновых перчатках, думаю, вы сразу поймете, о чем это я. И когда я говорю, что они имеют законное право прервать вашу поездку, я абсолютно не шучу.

К счастью, этот человек, видимо, пришел к выводу, что перед ним невероятный тупица.

— Сэр, — произнес он сухо и для наглядности повел рукой, — вы везете какие-либо предметы, являющиеся фруктами или овощами?

— Нет, сэр, не везу, — тут же ответил я и одарил его самым подобострастным и подхалимским взглядом, на какой только был способен.

— Тогда проходите, пожалуйста, — сказал он.

И неодобрительно покачал головой мне вслед. Уверен, до конца своей карьеры он будет рассказывать об отморожке, который подумал, будто он торгует овощами.

Так что, опираясь на мой опыт, никогда не шутите в Америке с госслужащими. И когда заполняете свою иммиграционную карточку, на вопрос: «Были ли вы когда-нибудь членом коммунистической партии или иронизировали на публике?» — отвечайте: «Нет».

Конечно же, ключевое слово — «ирония». Американцы прибегают к

ней нечасто. (Здесь я иронизирую; они вообще к ней не прибегают.) В большинстве обстоятельств, на самом деле, это довольно полезная штука. Ирония — двоюродная сестра цинизма, а цинизм — не такая уж чудесная черта. Американцам — не всем, но большинству — не нужно ни то ни другое. Их отношение к повседневным событиям — доверие, полное, буквально трогательное. Они не ждут от общения словесных фокусов, поэтому, когда вы используете всякие кунштюки, это приводит их в полное замешательство.

У нас есть сосед, на котором первые два года нашего проживания в Америке я проверял свою гипотезу. Все начиналось довольно безобидно. Вскоре после переезда наше дерево упало на лужайку перед его домом. Однажды утром я проходил мимо и увидел, как он пилит наше дерево и грузит ветки на крышу машины, чтобы вывезти куда-нибудь подальше. Дерево было раскидистое, так что ветви свисали по бокам автомобиля, придавая тому довольно экстравагантный вид.

— Маскируетесь? — любопытно спросил я.

Сосед бросил на меня быстрый взгляд.

— Нет, — сурово ответил он. — Как-то ночью во время урагана ко мне на двор упало дерево, и теперь я собираюсь вывезти его на свалку.

После этого я не мог отказать себе в удовольствии отпустить шутки в его адрес. Кризис, если можно так выразиться, наступил, когда я однажды рассказывал соседу об одном опасном перелете, который я совершил и из-за которого мне пришлось задержаться в Денвере на всю ночь.

— С кем вы летели? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Мне они паспорта не показывали.

Он посмотрел на меня с выражением, близким к панике.

— Нет, я имею в виду какой авиакомпанией?

Это было как раз после того, как моя жена наказала мне прекратить шутить с соседом, потому что наши разговоры явно вызывали у него головную боль.

Простой вывод, который можно после этого сделать и к которому слишком часто склоняются даже самые проницательные сторонние наблюдатели, — тот, что американцы по своему складу ума не способны понять шутку. Я только что прочел книгу «В стране Оз» Говарда Джекобсона, кстати, британца, человека большого ума и проницательности, и он мимоходом заметил, что «у американцев нет чувства юмора». Понадобится от силы два-три часа, чтобы найти еще тридцать или сорок комментариев подобного рода в других современных сочинениях на тему Америки.

Я могу понять эту точку зрения, но на самом деле она абсолютно неверна. Без труда можно вспомнить немало американских шутников и даже комиков — братья Маркс, У. С. Филдс, С. Дж. Перлман, Роберт Бенчли, Вуди Аллен, Дороти Паркер, Джеймс Тербер, Марк Твен. Более того, и это очевидно, они бы не добились такой славы, если бы не нашли в родной стране широкую и благодарную аудиторию. Так что не похоже, что американцы не умеют шутить и получать от этого удовольствие.

Истинная правда, остроумие здесь ценят не так, как в Великобритании. Джон Клиз однажды заметил: «Англичанин предпочел бы, чтобы его назвали плохим любовником, нежели сказали, что у него нет чувства юмора». (Что, вероятно, правда, с учетом всех обстоятельств.) Не думаю, что многие американцы подписались бы под этим утверждением. Здесь юмор, скорее, как ловкость вождения, или разборчивость в винах, или умение правильно произносить слово «систематически» — нечто, достойное похвалы и восхищения, но встречающееся не слишком часто.

И не потому, что в Америке совсем нет людей с развитым чувством юмора; просто их становится все меньше. Когда вы сталкиваетесь с таким человеком, это большая редкость, и вы похожи на двух масонов, которые узнают друг друга в многолюдном месте по тайным знакам. Последний случай произошел со мной несколько недель назад, когда я в нашем местном аэропорту взял такси, чтобы добраться до дома.

— Вы свободны? — невинно спросил я у таксиста.

Он посмотрел на меня с выражением, которое было мне очень знакомо — взглядом того, кто всегда знает, что ответить, если подворачивается возможность.

— Нет, — ответил он с явной издевкой. — Я женат.

Мне захотелось его обнять, но тогда, естественно, шутка зашла бы чересчур далеко.

Ходячая катастрофа

Из того, в чем я не очень преуспеваю, возможно, больше всего хлопот доставляет жизнь в реальном мире. Я постоянно удивляюсь множеству навыков, которыми другие овладевают без каких-либо видимых усилий. Не сосчитать, сколько раз, к примеру, я уходил искать в кинотеатре туалет и оказывался в кладовке с обратной стороны самозакрывающейся двери. В последнее время мое особенное призвание — дважды или трижды в день возвращаться к стойке регистрации в отеле, чтобы спросить, какой у меня номер. В общем, меня легко ввести в заблуждение.

В последний раз я думал об этом, когда мы всей семьей отправились в большое путешествие. Это было на Пасху, и мы летели на неделю в Англию. Когда мы приехали в аэропорт Логан в Бостоне, во время регистрации я внезапно вспомнил, что недавно присоединился к бонусной программе авиакомпании «Бритиш эйруэйз». Я также вспомнил, что положил карточку в ручную кладь, которая висела у меня на шее. И тут начались проблемы.

Молнию на сумке заело, так что я, с рычанием, сопением и возрастающим ужасом, тянул и дергал ее несколько минут, но с места она не сдвигалась. Поэтому я, с еще более грозным рычанием, налег посильнее. Ну, вы можете догадаться, что произошло. Молния резко разошлась. Отделение сумки распахнулось, и все, что было внутри — газетные вырезки и другие бумажки, банка с 14 унциями трубочного табака, журналы, паспорт, английские деньги, фотопленка, — экстравагантно разлетелось по площади, равной теннисному корту.

Я ошарашенно смотрел, как сотни аккуратно рассортированных документов ливневым потоком обрушились на пол, груды монет шумно запрыгали, чтобы кануть в лету, а банка табака с отлетевшей крышкой бешено закружилась по залу, рассыпая по пути содержимое.

«Мой табак!» — закричал я в ужасе, думая о том, сколько мне теперь придется заплатить в Англии за такое же количество зелья, при нынешних-то ценах. А потом перешел на крик: «Мой палец! Мой палец!», когда наконец заметил, что порезал молнией палец и теперь из него бурным потоком льется кровь. (Вообще-то я не очень хорошо отношусь к кровопролитиям, особенно когда речь идет обо мне самом, — так что, думаю, истерика вполне оправданна.) Ошеломленные и не способные ничем помочь, мои волосы встали дыбом.

Именно в этот момент моя жена посмотрела на меня удивленно — не со злостью или раздражением, а просто с удивлением — и сказала:

— Не могу поверить, что так ты зарабатываешь на жизнь.

Боюсь, это правда. Во время путешествий со мной вечно происходят катастрофы. Однажды в самолете я перегнулся, чтобы завязать шнурок, как раз в тот момент, когда сидевший впереди пассажир откинул свое кресло. Я оказался придавленным в крайне неудобной позе и, только вцепившись в ногу соседа, смог выбраться на волю.

В другой раз я опрокинул стакан с соком на колени милой миниатюрной монахини, сидевшей позади меня. Стюард ликвидировал последствия потопа и принес мне еще один стакан, а я тут же снова опрокинул его на монашку. До сих пор не знаю, как это вышло. Помню только, как тянусь за новым напитком и беспомощно вижу, что моя рука, наподобие дешевого реквизита из того фильма ужасов 1950-х годов, который назывался что-то вроде «Конечности живых мертвецов», резко ослабляет хватку и выплескивает напиток на колени монахини.

Она посмотрела на меня с изумлением, которого можно ожидать только от того, на кого вы постоянно что-то выливаете, и произнесла ругательство, начинавшееся с «Вот» и заканчивавшееся на «мать»; между ними были еще какие-то слова, которых я прежде никогда не слышал в общественных местах, по крайней мере из уст монашки.

Однако это еще не самое ужасное происшествие из тех, что случались со мной во время перелетов. Самое ужасное таково. Я записал в блокнот важные мысли («купить носки», «брать стаканы аккуратно» и так далее), задумчиво покусывая кончик ручки, как делают многие из нас, и завел разговор с привлекательной молодой леди, сидевшей рядом. Я развлекал ее, возможно, минут двадцать, засыпая городскими остротами, затем отправился в туалет и обнаружил, что ручка потекла и мои рот, подбородок, язык, зубы и десны теперь сочного, несмываемого темно-синего цвета и останутся такими еще несколько дней.

Так что верю, вы меня поймете, когда я скажу, каких усилий мне стоит быть вежливым. Мне хочется хоть раз встать из-за стола и не выглядеть так, будто я только что пережил локальную сейсмическую катастрофу, сесть в машину и захлопнуть дверцу, не придавив 14 дюймов пальто, надеть светлые брюки и не узнать в конце дня, что я много раз садился на жвачку, мороженое, сироп от кашля и моторное масло. Но этому не бывать.

Сейчас, когда в самолете подают обед, моя жена говорит детям:

— Снимите для папы крышки с еды.

Или:

— Наденьте свои капюшоны, дети. Папочка собирается резать мясо.

Конечно же, это бывает, только когда я летаю со своей семьей. Когда я один, я не ем, не пью, не наклоняюсь завязать шнурки и никогда не сую ручку в рот. Я просто сижу очень-очень тихо, иногда подсовываю руки под сиденье, чтобы не дать им неожиданно размахнуться и поозорничать с напитками. Это не так весело, зато, по крайней мере, уменьшает размер счетов из прачечной.

Кстати, я так и не получил свои бонусные мили. Они никогда мне не достаются. Я не смог найти карточку вовремя, и это сильно меня расстроило. Все — насколько я знаю — всегда будут летать на Бали первым классом на свои бонусные мили. Мне никогда не удавалось набрать ничего. Я покрываю, возможно, 100 000 миль в год, а набрал в двадцати трех авиакомпаниях всего 212 миль.

Это потому, что либо я забываю попросить бонусные мили во время регистрации, либо прошу, а авиакомпания их не добавляет, либо служащий у стойки регистрации извещает меня, что я не имею на них права. В январе во время регистрации на рейс в Австралию по делам уважаемого издания — полета, за который я ожидал получить около ста тысяч миллионов бонусных миль — служащая покачала головой, когда я протянул ей свою карту, и сказала, что мне ничего не положено.

— Почему?

— Билет выписан на имя «Б. Брайсон», а карточка — на «У. Брайсон».

Я объяснил ей тесную и стародавнюю связь имен «Билл» и «Уильям», но она этого не поняла.

Так что я не получил свои мили и все еще не летаю на Бали первым классом. Может быть, это даже к лучшему. Я не смог бы выдержать столько без еды.

Что делает англичанина англичанином

Похоже, в последнее время я был немного суров с моими земляками-американцами. Я обвинял их во лжи в рекламных целях, в незнании, надевают ли они свои трусы на колготки или наоборот, в неспособности оценить шутку, если вы не поместите ее в овечий мочевого пузырь и не обрушите им на голову. Все это правда, конечно же, но тем не менее немного жестко.

Так что я подумал, что, может быть, настал момент выделить в моих дорогих соотечественниках что-то хорошее. У меня есть на это своевременная причина, потому что сегодня мы отмечаем третью годовщину нашего переезда в Штаты.

Мне пришло в голову, что я никогда не объяснял, почему мы приняли такое решение, и вам, возможно, интересно, как мы отважились на переезд. Мне тоже.

То есть, если честно, я не помню, как или когда мы решили поменять страну. Могу только сказать, что мы жили в довольно отдаленной деревне в долине Йоркшира, и она была очень красива, а мне так нравилось болтать в пабах о том, чем я никогда не проникнусь («Стригли овец в Уинди-Пуп, и такая грязь в выгребной яме, что не продраться, не видал такой жижи со времен, как болтали о прежней стрижке, это, кстати, моя и Тетли работа, если подумываешь, кого нанять»), но когда дети выросли, а мне по работе все чаще приходилось уезжать, жить в уединенном месте стало для нас слишком неудобно.

Поэтому мы приняли решение переехать в какое-нибудь более городское и многолюдное место. А потом — и тут начинаются тайны, покрытые мраком, — каким-то образом простая идея эволюционировала в намерение поселиться на время в Америке.

Все, казалось, продвигалось очень быстро. Приехали какие-то люди и купили дом, я подписал кипу бумаг, пришли толпы грузчиков и унесли все наши вещи. Не буду притворяться, что не знаю, что там происходило, но отлично помню, как три года назад проснулся в незнакомом доме в Нью-Гэмпшире, выглянул в окно и подумал: «Боже мой, что я здесь делаю?»

Я вправду не хотел тут оказаться. Понимаете, я не имею ничего против Америки. Это прекрасная страна. Но все ощущалось некомфортно и было похоже на шаг в обратном направлении — будто переселение к родителям во взрослом возрасте. Пускай родители идеальные, и вообще милые люди,

но вы просто не хотите с ними жить, и все. Ваша жизнь движется вперед. И то же самое я чувствовал в этой стране.

Пока я стоял и таращился в окно, пребывая в полнейшем смятении, с прогулки по округе — точнее, из разведки — вернулась моя жена.

— Здесь замечательно, — проворковала она. — Люди дружелюбные, погода великолепная, и можно повсюду ходить и не смотреть под ноги, чтобы не наступить на коровью лепешку.

— Все, о чем ты только могла мечтать, — мрачно заметил я.

— Точно, — искренне ответила она.

Она светилась от счастья тогда и счастлива сейчас, и я могу ее понять. В Америке огромное множество привлекательного. Она обладает очевидными достоинствами, которые отмечают все и всегда, — легкость и удобство жизни, доброжелательность окружающих, поразительное изобилие, опьяняющее ощущение, что почти любое желание или прихоть можно просто и почти мгновенно осуществить.

Моя беда в том, что я со всем этим вырос и меня не переполняет чувство новизны и удивления. Меня не приводит в восторг, к примеру, когда мне действительно желают хорошего дня.

— На самом деле им все равно, как у тебя пройдет день, — объяснял я жене. — Это всего лишь рефлекс.

— Я знаю, — отвечала она. — Но все равно мило.

И, конечно же, она права. Возможно, по сути своей, это пустой жест, но мотивация-то правильная!

Прошло время, и я сам проникся многими здешними удобствами. Любитель халявы от рождения, я в восторге от всего того, что в Америке бесплатно, — бесплатная парковка, бесплатные спички, бесплатное доливание кофе и прохладительных напитков, бесплатные корзинки с конфетами у касс ресторанов и кафе. Купите обед в местном ресторане и получите бесплатный билет в кино. В нашем фотоателье у стены стоит стол, заставленный разными мелочами, которыми можно пользоваться бесплатно — баночки с клеем, липкая лента, перочинные ножики, коробочки с эластичными лентами и скрепками. За все это не нужно платить дополнительно или даже сначала сфотографироваться; это все к услугам любого, кто заглянет. В Йоркшире мы иногда заходили в булочную, где приходилось платить лишний пенс — целый пенс! — чтобы хлеб нарезали. Ну как тут не прийти в восторг?

Много хорошего можно сказать и об американском отношении к жизни, которое, в целом, отличается оптимизмом и которому не хватает отрицательных эмоций; эту черту я привык принимать здесь как должное,

но в Британии мне время от времени напоминали, увы, что постоянно радоваться жизни невозможно. В последний раз, когда я прибыл в Хитроу, чиновник, который проверял мой паспорт, пригляделся ко мне и спросил, тот ли я «писатель с фотографии».

Я воодушевился; можете себе представить, меня узнали!

— Да, это я, — гордо ответил я.

— Переехал, чтобы денег загрести? — сказал он с презрением и отдал мой паспорт.

В Штатах такое встретишь не часто. В целом, люди здесь почти инстинктивно относятся к жизни положительно. Скажи вы американцу, что к Земле со скоростью 125 тысяч миль в час несется огромный астероид и что через двенадцать недель планета разлетится на маленькие кусочки, он ответит:

— Правда? Тогда лучше я запишусь на курсы средиземноморской кухни сейчас, а не в следующем году.

А скажи вы то же самое британцу, он ответит:

— Ну и подлость, да? А вы смотрели прогноз погоды на выходные?

Безусловно, неиссякаемый американский оптимизм может иногда выглядеть наивностью — сразу вспоминается убежденность почти всех американцев в том, что, если вы следите за уровнем холестерина, регулярно занимаетесь спортом и пьете воду из бутылок, вы будете жить вечно. Я не стану притворяться, что хочу провести остаток жизни таким образом, однако эта убежденность определенно имеет положительную сторону, которой приятно наслаждаться в течение жизни.

Как-то я спросил жену, готова ли она когда-нибудь вернуться в Англию.

— О да, — ответила она не задумываясь.

— На сколько?

— На денек.

Я кивнул и должен сказать, не впал в отчаяние, как непременно случилось бы прежде. Англия — неплохое местечко, но жена действительно права насчет одного. Приятно во время прогулки не высматривать коровьи лепешки.

А теперь — и я говорю это искренне — отличного дня.

Жизнь и приключения Человека-молнии

(отрывок)

В своей автобиографии Билл Брайсон, один из самых остроумных авторов нашего времени, вспоминает детство, проведенное в Де-Мойне, штат Айова, и все беды и невзгоды взросления в Америке 1950-х годов. Де-Мойн служит фоном золотого века, в котором было все, включая дихлордифенилтрихлорэтан, сигареты и радиоактивные осадки. Но эта история не только о детстве Брайсона, но и о том, что почти забыто, — о непорочной Америке. Прошлое — неизведанные дали. Тогда все было иначе...

Глава 1

Родной город

Спрингфилд, штат Иллинойс (консультативный комитет по административным вопросам). Вчера сенат штата Иллинойс распустил комиссию по экономической эффективности «по соображениям экономии и эффективности».

«Де-Мойн трибьюн». 6 февраля 1955 г.

В конце 1950-х годов ВВС Канады выпустили брошюру об изометрических упражнениях, которыми, пусть и на краткий срок, серьезно заинтересовался мой отец. Смысл изометрических упражнений заключался в том, что вы могли использовать любой неподвижный предмет, скажем, дерево или стену, и давили на него изо всех сил в разных положениях, чтобы повысить свой физический тонус и укрепить конкретные группы мышц. А поскольку деревья и стены можно найти где угодно, не нужно приобретать дорогостоящее оборудование; думаю, это и привлекло отца.

Правда, отец нашел идею не слишком удачное воплощение — он делал эти упражнения в самолетах. В какой-то момент полета он проходил в хвост, к кухне или к площадке у аварийного выхода и, приняв позу того, кто пытается сдвинуть с места пол, начинал толкать спиной или плечом стенку, время от времени делая паузы, чтобы глубоко вдохнуть, и снова, с негромким, но решительным рыком, возвращался к своему занятию.

Это выглядело, мягко говоря, не очень разумно, если не странно, словно он пытался проделать дыру в борту самолета, и, естественно, привлекало внимание. Бизнесмены в ближайших креслах напряженно следили за ним поверх очков. Стюардесса выглядывала из кухни с явной тревогой, будто вспоминая, чему их там обучают на курсах бортпроводников (в разделе «Как справляться с неадекватным поведением пассажиров»).

Заметив, что появились зрители, мой отец распрямлялся, дружелюбно улыбался и начинал краткую лекцию об основных принципах изометрических упражнений. Затем демонстрировал упражнения аудитории, которая поспешно сокращалась до нуля. Казалось, его невозможно смутить, а вот я смущался за нас обоих — если точнее, за нас,

за всех остальных пассажиров, за авиакомпанию и ее служащих, а также за всю страну, над которой мы пролетали.

Эти зарядки в воздухе можно было терпеть по двум причинам. Первая состояла в том, что, опустившись на землю, большую часть времени мой отец подобных глупостей не творил. Вторая же причина — целью наших с ним поездок всегда был крупный город вроде Детройта или Сент-Луиса, где мы останавливались в большом отеле и шли смотреть игру. Это извиняло многое — э-э... на самом деле практически все. Мой отец писал о спорте в «Де-Мойн реджистер», в те времена одной из лучших газет в стране, и часто брал меня с собой в поездки по Среднему Западу. Иногда мы катили на автомобиле в еще более мелкие городки, такие как Сиукс-Сити или Берлингтон, но по меньшей мере раз за лето садились в серебристый самолет — грандиозное событие в те дни — и, вспарывая летнее небо, летели сквозь перистые облака по направлению к тому или иному мегаполису, чтобы посмотреть матч Главной бейсбольной лиги, вершины спорта.

Как и все в те дни, бейсбол был проще, чем сегодня, и мне позволяли заходить с отцом в раздевалки, посещать дагауты и даже выходить на поле до начала игры. Сам Стэн Мьюшиэл ерошил мои волосы. Я вручил Уилли Мейзу мяч, который пролетел мимо, когда он стоял на приеме. Я одолжил свой бинокль Харви Куэнну (а может, это был Билли Хофт), чтобы он мог рассмотреть пышногрудую блондинку в верхнем ряду. Однажды жарким июльским вечером я сидел в душной клубной раздевалке под левой трибуной «Ригли Филд» в Чикаго, за спиной Эрни Бэнкса, великолепного шортстопа команды «Кабз», когда он надписывал целые коробки новеньких белых бейсбольных мячей (между прочим, ничто на свете не пахнет так приятно, и в любом случае они стоят того, чтобы поколачиваться рядом). Я без приглашения решил сесть позади и подавать Эрни мячи. Это заметно замедлило процедуру, но Эрни улыбался и благодарил, будто я оказывал ему большую услугу. Он был самым приятным человеком, которого я когда-либо встречал. Будто сам Бог стал моим приятелем.

Не могу представить, что где и когда бы то ни было жить приятнее, чем было в Америке 1950-х годов. Ни одна страна никогда не знала такого процветания. После войны Соединенные Штаты имели заводы общей стоимостью 26 миллиардов долларов (прежде их не существовало), сбережения и облигации военного займа на сумму 140 миллиардов долларов ждали, когда их потратят, плюс страна избежала разрушений и практически не знала конкуренции на внешних рынках. Американским компаниям оставалось лишь прекратить строительство танков и военных

кораблей и начать производить «бьюики» и «фриджидейры», с чем они отлично справились. К 1951 году, когда я лазил в погреб, почти у 90 % американских семей были холодильники, почти у трех четвертей — стиральные машины, телефоны, пылесосы и газовые или электрические плиты — вещи, о которых большая часть населения Земли все еще продолжала мечтать. Американцы владели 80 % мирового объема производства электроприборов, контролировали две трети мировой промышленности, производили более 40 % электричества, 60 % нефти и 66 % стали. Пять процентов населения Земли, проживавших в Америке, были богаче остальных 95 процентов вместе взятых.

Думаю, ничто не сможет передать наслаждения теми временами лучше фотографии, опубликованной в журнале «Лайф» за две недели до моего рождения. На ней изображена семья Чекалинки из Кливленда, штат Огайо, — Стив, Стефани и двое сыновей, Стивен и Генри, в окружении двух с половиной тонн еды, которой обычная семья рабочих питалась в течение года. Среди продуктов, с которыми запечатлели Чекалинки, — 450 фунтов муки, 72 фунта жира, 56 фунтов сливочного масла, 31 цыпленок, 300 фунтов говядины, 25 фунтов сазана, 144 фунта ветчины, 39 фунтов кофе, 690 фунтов картофеля, 698 кварт молока, 131 дюжина яиц, 180 буханок хлеба и 8,5 галлонов мороженого, причем все куплено при доходе 25 долларов в неделю (мистер Чекалинка получал 1,96 доллара в час как экспедитор на фабрике «Дюпон»). В 1951 году средний американец съедал на 50 % больше среднего европейца.

Ничего удивительного, что люди были счастливы. В мгновение ока они получили то, о чем даже не мечтали, и не могли поверить своему счастью. Тогда еще были чудесные простые желания. В те времена люди сходили с ума по тостеру или вафельнице. Покупая какой-нибудь бытовой прибор, вы приглашали посмотреть на него всех соседей. Когда мне было года четыре, мои родители купили холодильник «Амана Стор-Мор», и на протяжении по крайней мере полугода он казался почетным гостем на нашей кухне. Уверен, его усадили бы за стол, не будь он таким громоздким и тяжелым. Когда кто-нибудь случайно забежал в гости, отец говорил:

— О, Мэри, у нас в «Амане» есть чай со льдом?

А затем, обращаясь к гостям, важно добавлял:

— Обычно есть. Это же «Стор-Мор».

— О, «Стор-Мор», — произносил гость мужского пола и приподнимал брови в знак того, что разбирается в холодильниках. — Мы и сами подумывали приобрести «Стор-Мор», но потом все-таки решили купить «Филко Шур-Кул». Элис очень понравилось отделение для фруктов и

овощей, к тому же в морозилку можно засунуть целую кварту мороженого. А это весомый аргумент для Уэнделла-младшего, ну, вы понимаете!

После этого все громко смеялись, а затем на часок-другой садились пить чай со льдом и болтать о бытовых приборах. Ни один представитель человечества не был прежде так счастлив.

К тому же будущего ожидали с таким нетерпением, которое вряд ли когда-нибудь возвратится. Вскоре, как писали во всех журналах, люди должны переселиться в подводные города вдоль побережья, у Америки появятся космические колонии внутри огромных стеклянных сфер, атомные поезда и авиалинии, реактивные индивидуальные летательные аппараты, одноместные вертолеты у каждого дома, автомобили, способные превращаться в катера или даже подводные лодки, движущиеся тротуары, чтобы без малейших усилий мы могли добираться до школ и офисов, автомобили с конусовидными крышами, умеющие ездить самостоятельно (при этом пассажиры — мама, папа и двое сыновей, Чип и Бад или Слип и Скутер, играют в настольные игры или весело машут соседу, пролетающему мимо на реактивном летательном аппарате, или просто наслаждаются, повторяя прекрасные слова, которые существовали в пятидесятых и которых никто давно не слышал: «мимеограф», «гриль-бар», «стенографистка», «айсбокс», «брюква», «охота за трусами», «гольфы», «битник», «канаста», «синерама», «жилье Муз Лодж», «пинакл», «папулька»).

А те, кто не мог дождаться подводных городов и автомобилей без водителя, радовались тысячам менее значительных изобретений. Если воспользоваться всем, что рекламировалось в одном-единственном номере, скажем, «Научно-популярного журнала», вышедшего, скажем, в декабре 1956 года, вы могли бы, среди прочего, научиться чрево вещать и разделять мясо (по переписке или при личном присутствии в Национальной школе разделки мяса в Толидо, штат Огайо), начать прибыльную карьеру, предлагая заточку коньков на дому, заняться продажей огнетушителей, раз и навсегда покончить с проблемой замыканий электропроводки, конструировать и чинить радиоприемники, выступать на радио, общаться по радио с людьми из разных стран и, возможно, с других планет, избавиться от вредных привычек, стать личностью, развить атлетическое телосложение, научиться танцевать, выпускать именные канцелярские товары на продажу или «загрести кучу денег» в свободное время, занимаясь фигурной стрижкой газонов и другими разновидностями декоративного искусства.

Мой брат, в принципе неглухой представитель рода человеческого,

однажды купил буклет, который обещал научить его, как разговаривать без голоса. Он произносил что-нибудь неразборчивое, сжав губы, а потом быстро отходил в сторону и говорил:

— Звучало будто не от меня, правда?

Как-то раз он увидел рекламу в «Микэникс иллюстрейтед», которая за 65 центов, плюс стоимость почтового отправления, предлагала насладиться цветным телевидением дома. Он послал заказ и через четыре недели получил по почте разноцветный лист прозрачного пластика, который, по инструкции, требовалось наложить на телевизионный экран и смотреть телевизор сквозь него.

Потратив деньги, мой брат отказался признать, что получил слегка не то, чего он ждал. Когда человеческое лицо на экране совпадало с розовым участком пластика, а газон оказывался точно в районе зеленого, он подскакивал с видом победителя.

— Смотри! Смотри! Вот как будет выглядеть цветное телевидение! — предрекал он. — Это пока пробный вариант.

На самом деле цветного телевидения в нашем городке не было почти до конца десятилетия, а потом мистер Кесслер с Сент-Джон-роуд купил огромный «Ар-си-эй Виктор Консолетте», флагман флота «Ар-си-эй», за невероятную сумму. По меньшей мере года два его телевизор был единственным цветным аппаратом в частном владении, то есть, по сути, сбывшейся фантастикой. По субботним вечерам дети со всей округи пробирались на его двор и стояли на клумбах, чтобы через двойное окно и диванную спинку посмотреть программу под названием «Моя куколка». Могу сказать со стопроцентной уверенностью: мистер Кесслер не подозревал, что два десятка детей разного возраста смотрят телевизор вместе с ним, иначе он бы не играл с собой с таким энтузиазмом всякий раз, когда на экран выскакивала Джули Ньюмар. Я думал, что это тоже своего рода изометрические упражнения.

Каждый год в течение почти 40 лет, с 1945 года до выхода на пенсию, мой отец ездил на финалы Мировой серии от «Реджистер». Это была кульминация года. Отец не только жил две недели за счет издания в каком-нибудь из космополитичных и потрясающих городов — а по сравнению с Де-Мойном все города были космополитичными и потрясающими, — но ему также доводилось наблюдать многие памятные события в истории бейсбола: удивительный прием одной рукой Эла Джионфриддо мяча, отбитого вдоль линии Джо Димаджио, «совершенную игру» Дона Ларсена в 1956 году, хоумран Билла Мазероски, который привел к победе в серии игр 1960 года. Вам это ни о чем не говорит — я имею в виду большинство

людей, — однако в эти мгновения едва ли не вся страна заходила в экстазе.

В те дни игры Мировой серии проходили днем, поэтому, если хотелось посмотреть игру, приходилось либо прогуливать уроки, либо вовремя заразиться какой-нибудь инфекцией («Мам, представляешь, учитель сказал, что сейчас повсюду бродит туберкулез»). Где бы ни работало радио или ни был включен телевизор, вокруг собиралась толпа. Возможность посмотреть или послушать хотя бы кусочек игры Мировой серии, хотя бы всего полиннинга во время обеденного перерыва, вызывала нечто вроде тайного трепета. А если случалось побывать на игре, на которой произошло что-то монументально важное, вы запоминали это на всю жизнь. Мой отец имел необъяснимый талант оказываться на играх в такие моменты, но ни одно событие не превзошло по важности плодотворный (какое еще слово может быть более подходящим) сезон 1951 года, когда начинается наша история.

Когда команда Национальной лиги (один из двух дивизионов Главной бейсбольной лиги, второй — Американская лига) «Бруклин Доджерс» шла к легкому чемпионству, в середине августа их соперники с другого конца города, «Нью-Йорк Джайантс», вдруг расшевелились и начали невероятно быстро догонять. Внезапно «Джайантс» перестали проигрывать. Они выиграли 37 из 44 игр дома, отрезав «Доджерс» путь к казавшейся неопровержимой, как воля рока, победе. К середине сентября других разговоров, кроме тех, продержатся ли «Доджерс», попросту не велось. Многие болельщики падали замертво от жары и возбуждения. Две команды закончили сезон с абсолютно равными показателями, так что спешно организовали плей-офф, чтобы определить того, кто встретится с чемпионами Американской лиги в Мировой серии. «Реджистер», как почти все региональные газеты, не посылала репортеров на этот неожиданный плей-офф, предпочла положиться на телеграфную связь, пока не дойдет до «настоящего финала».

Плей-офф удлинил общенациональную пытку на три дня. Первые две игры команды свели вничью, так что все решалось в третьей. «Доджерс», как казалось, вернули себе прежнюю решительность и неуязвимость. Они вели 4:1 перед финальным иннингом, и им оставалось всего три аута до победы. Но «Джайантс» ответили на вызов, набрали очко и провели еще двух раннеров на базы, а Бобби Томсон (который родился в Глазго, мржете этим гордиться) вышел на прием. То, что сделал Томсон тем вечером в сгущающихся осенних сумерках, не раз называли самым великим моментом в истории бейсбола.

«Подающий „Доджерс“ Ральф Бранка сделал бросок, который внес

вчерашний день в историю», — написал один из репортеров. К сожалению, в историю вошел не этот бросок. Бобби Томсон, Летучий Шотландец, отбил вторую подачу Бранки за левую стену поля так судьбоносно и так поразительно, что над стадионом на какое-то мгновение повисла изумленная тишина.

«Затем, когда пришло осознание чуда, двухэтажные трибуны „Поло Граундз“ сотряслись до самого сорокалетнего фундамента. „Джайантс“ выиграли чемпионат, победой завершив один из самых невероятных сезонов в истории бейсбола».

Автор этих слов — мой отец, который неожиданно оказался на игре и видел удар Томсона. Никто не знает, как он уговорил руководство «Реджистер», известное своей скупостью, отправить его за 1132 мили от Де-Мойна в Нью-Йорк на решающую игру — на внезапные расходы, которых категорически не одобряли в «бережливые десятилетия», — или как он успел получить бейдж и занять место в ложе для прессы в столь поздний час.

Но он должен был там быть. Это и часть его судьбы. Не думаю, на самом деле, что Бобби Томсон отбил тот мяч только потому, что мой отец был на стадионе, или что он не отбил бы его, если бы отца там не было. Я просто хочу сказать, что мой отец был там, как и Бобби Томсон, мяч отбили, и иначе быть не могло.

Мой отец наблюдал за Мировой серией, когда «Янкиз» почти без труда в шести играх победили «Джайантс» (вообще, та осень вместила в себя столько восторга, сколько его есть в мире), а затем вернулся к своей обычной тихой жизни в Де-Мойне. Всего через месяц, холодным снежным днем в начале декабря, его жена легла в больницу Милосердия и почти без усилий родила мальчика, их третьего ребенка — второго сына, первого супергероя. Его назвали Уильям, в честь деда, а дома звали Билли — до тех пор, пока он не вырос и не попросил его так не называть.

Помимо великих побед в бейсболе и рождения Человека-молнии, 1951 год в Америке был насыщен событиями. Президент Гарри Трумэн быстро уступил место Дуайту Эйзенхауэру, война в Корее была в полном разгаре и не обещала ничего хорошего, Джулиуса и Этель Розенбергов во всеуслышание обвинили в шпионаже в пользу Советского Союза, однако они просидели в тюрьме еще два года до того, как попасть на электрический стул. В Топеке, штат Канзас, скромный чернокожий парень по имени Оливер Браун подал в суд на местный школьный комитет за то, что они отправили его дочь в школу для черных, которая находилась за двадцать один квартал от его дома, тогда как хорошая школа для белых

была всего в семи кварталах. Дело, увековеченное под названием «Браун против отдела народного образования», стало одним из самых масштабных за всю современную американскую историю, однако не освещалось прессой еще три года, пока не дошло до Верховного суда.

Население Америки в 1951 году составляло сто пятьдесят миллионов человек, чуть больше половины от сегодняшней цифры. Автомобилей насчитывалось всего четверть от сегодняшнего количества. Мужчины, почти повсеместно, куда бы ни пошли, носили шляпы и галстуки. Женщины готовили обед практически из ничего. Молоко продавалось в бутылках. Почтальоны ходили пешком. Общая сумма государственных расходов составляла 50 млрд долларов, тогда как сегодня — 2500 млрд долларов.

«Я люблю Люси» впервые появился на телевидении 15 октября, а Рой Рождерс, поющий ковбой, вылез в декабре. В Оук-Ридж, штат Теннесси, той осенью полиция арестовала молодого человека по подозрению в хранении наркотиков (у него нашли какой-то коричневый порошок); однако его освободили, когда стало известно, что этот новый продукт называется растворимым кофе. Еще в новинку были либо и вовсе еще не появились шариковые ручки, фаст-фуд, телеужин, электрические консервные ножи, торговые центры, скоростные автострады, супермаркеты, разрастание пригородов, домашние кондиционеры, гидроусилитель руля, автоматические коробки передач, контактные линзы, кредитные карты, магнитофоны, кухонные диспо-узлы, посудомоечные машины, долгоиграющие грампластинки, портативные проигрыватели, бейсбольные команды Главной лиги западнее Сент-Луиса и водородная бомба. Микроволновые печи уже были, однако весили по семьсот фунтов. Пассажирские реактивные самолеты, застежки-липучки, радиоприемники на транзисторах и компьютеры по размеру меньше небольшого дома появились лишь несколько лет спустя.

Ядерная война тревожила все больше. В среду, 5 декабря, нью-йоркские улицы необъяснимо опустели за семь минут, когда город подвергся «самому серьезному тренировочному воздушному налету атомного века», как сообщал журнал «Лайф»; завывали тысячи сирен, и люди толпами (на самом деле жизнерадостно, останавливаясь, чтобы попозировать для фотосъемки) кинулись к укрытиям, то бишь в подвалы более или менее прочных зданий. На фотографиях «Лайф» счастливый Санта-Клаус выводил группу детей из универсама «Мейсис», намыленные мужчины и парикмахеры выбегали из парикмахерских, а кудрявые модели, прямо со съемок, в купальниках, дрожа от холода, изображали ужас в

дверях своих студий, сознавая, что фото в «Лайф» никак не помешает их карьере. Только посетителям ресторанов разрешили не участвовать в этой тренировке — справедливо рассудив, что жителей Нью-Йорка, которые выбегут из ресторанов, не заплатив, в этих заведениях уже не дождутся.

Ближе к нашему дому, в ходе самого крупного рейда, когда-либо проводившегося в Де-Мойне, полиция арестовала девять девушек за проституцию в старом отеле «Карджил» на углу Седьмой и Гранд в даунтауне. Операция была грандиозная. Восемьдесят полицейских штурмовали здание сразу после полуночи, однако проживающих в отеле девушек никак не могли найти. Только приняв особые меры, какие могли предпринять, через шесть часов поисков они нашли углубление за лестницей. Там и прятались девять покрытых мурашками полураздетых девушек. Их арестовали за проституцию и оштрафовали на тысячу долларов каждую. Я никак не могу перестать думать о том, искала бы полиция столь же активно голых мужчин.

Восьмого декабря 1951 года отмечали десятую годовщину вступления Америки во Вторую мировую войну и десять лет и один день японской атаки на Перл-Харбор. В центральной Айове было холодно, шел легкий снежок, температура опустилась до -2°C , а с запада надвигались раздутые снежные тучи. Де-Мойн, город с населением двести тысяч человек, приобрел в тот день десять новых жителей — семь мальчиков и трех девочек, — а потерял всего двоих.

Рождество витало в воздухе. В том году процветание наглядно изображалось на всех рождественских рекламах. Коробки с сигаретами украшались веточками падуба. Пользовались популярностью и другие сезонные украшения, такие как электрические огни самого разнообразного вида. Вообще в моде были технические новинки. Мой отец купил маме ручную дробилку для льда, чтобы делать ледяную стружку для коктейлей: прибор превращал идеально ровные кубики льда в холодную воду через двадцать минут интенсивного верчения рукоятки. После празднования нового 1951 года им больше никогда не пользовались, однако он украшал угол кухонного стола вплоть до 1970-х годов.

Среди полной улыбок рекламы и счастливых статей скрывались, однако, намеки на более серьезные темы, волновавшие общество. «Ридерз дайджест» той осенью задавался вопросом: «Кто владеет умами наших детей?» (естественно, учителя с коммунистическими пристрастиями). Больных полиомиелитом было так много, что даже журнал «Красивые дома» выпустил статью о том, как сократить риск заражения среди детей. Среди советов (почти все из них бесполезны) были такие, как: хранить

продукты питания закрытыми, избегать сидения в холодной воде или в мокрых купальниках, больше отдыхать и, помимо всего, с осторожностью относиться к «принятию новых людей в круг семьи».

В декабре журнал «Харперз» выпустил в экономической рубрике мрачную статью Нэнси Б. Мэвити о тревожном новом феномене — семье с двумя источниками дохода, в которой и муж и жена ходят на работу, чтобы позволить себе лучший образ жизни. Мэвити беспокоило не то, как женщины справляются с обязанностями по работе, воспитанием детей и домашними делами, а скорее то, что стало с традиционным положением мужчины как кормильца. «Мне было бы стыдно, отпусти я жену на работу», — резко заявил один опрошенный. Мэвити явно ожидала, что ее поддержат большинство читателей. Что примечательно, до войны многие женщины в Америке не могли работать, хотели они того или нет. Вплоть до Перл-Харбора в половине сорока восьми штатов действовали законы, запрещавшие принимать на работу замужних женщин.

В этом отношении мой отец заслуживал похвалы — я бы даже сказал, он с энтузиазмом поддерживал либерализм, и потому потенциальный доход мамы радовал его сердце. Она тоже работала на «Де-Мойн реджистер» в качестве редактора рубрики домашней мебели, в которой отвечала на вопросы двух поколений домохозяек: тем очень хотелось узнать, пришло ли время для узора «огурцы» в спальне, купить квадратные или круглые диванные подушки и даже годен ли для проживания их дом. «Одноэтажный дом для ранчо всегда хороший вариант», — убеждала мама своих читательниц, извлекая вздохи облегчения в западных пригородах, в своей последней статье перед тем, как исчезнуть, чтобы родить меня.

Поскольку родители оба работали, денег у нас было больше, чем у большинства людей нашего социально-экономического статуса (то есть у большинства жителей Де-Мойна 1950-х годов). У моих родителей, моего брата Майкла, моей сестры Мэри Элизабет (или Бетти) и меня был дом просторнее, чем у многих коллег родителей, белый дощатый дом с черными ставнями и большим застекленным крыльцом, на вершине тенистого холма в лучшей части города.

Мои брат с сестрой были значительно старше меня — сестра на шесть, брат на девять лет, — и потому я воспринимал их фактически как взрослых людей. Они не снисходили до того, чтобы проводить время вместе со мной. Впрочем, в первые годы моей жизни я делил спальню с братом, и мы отлично ладили. Он постоянно простужался и мучился аллергией, из-за чего имел при себе по меньшей мере четыре сотни хлопчатобумажных платков, в которые усердно сморкался, а затем заталкивал в любое удобное

для него место — под матрац, между диванными подушками, за шторы. Когда мне было девять, он уехал учиться в колледж и работать журналистом в Нью-Йорке, домой наезжал редко и ненадолго, так что мне досталась наконец целая комната. При этом я продолжал находить его платки, даже когда учился в старших классах.

Единственный недостаток того, что мама работала, заключался в ее частичном пренебрежении домашними делами, в частности когда дело касалось приготовления ужина (если честно, кулинария вообще не была ее сильной стороной). Мама всегда приходила домой поздно; к тому же она отличалась крайней рассеянностью. Я быстро научился прятаться в сторонке без десяти шесть каждый вечер, потому что именно в это время она влетала через заднюю дверь, забрасывала что-нибудь в духовку и исчезала в другой части дома, чтобы переделать тысячу других домашних дел, которые ее ждали. В результате она почти всегда забывала об ужине до тех пор, пока не становилось совсем поздно. Как правило, о том, что пора ужинать, можно было узнать, только когда в духовке начинал взрываться картофель.

Кухня в нашем доме отсутствовала. Было «ожоговое отделение».

— Слегка подгорело, — извиняющимся тоном говорила мама, накладывая мясо, кусочки которого выглядели останками домашнего любимца, спасенными из пожара. — Но я вроде отскребла большую часть того, что сгорело, — добавляла она виновато.

К счастью, моего отца все устраивало. Его нёбо распознавало только два вкуса — подгоревшее и мороженое. Так что если блюдо было достаточно темным и не слишком вкусным, он оставался доволен. Воистину их брак был заключен на небесах, потому что никто не мог сжигать еду так, как мама, и никто не мог есть ее так, как отец.

Для работы мама покупала кипы журналов по домоводству — «Красивые дома», «Дом и сад», «Лучшие дома и сады», «Успешное домоводство», — и я читал их с неизменной жадностью, отчасти потому, что они вечно лежали вокруг, а в нашем доме отдыхали за чтением, и отчасти потому, что они обрисовывали жизнь, настолько отличную от нашей. Домохозяйки в журналах моей мамы были сдержанными, собранными и спокойными во всем, их еда была идеальной — как и сама жизнь. Они наряжались перед тем, как вытащить блюдо из духовки! Над их плитками на потолке не было черных пятен, по стенкам забытых на плите кастрюль не ползли мутирующие массы. Детей не приходилось отгонять подальше от духовки, когда ту открывали. А еда — «запеченная Аляска», омар «Ньюбург», цыпленок-качиатора, — о такой мы даже не мечтали и

никогда не встречали в Айове.

Как и большинство людей в Айове 1950-х годов, мы чаще всего питались дома.^[7] Крайне редко, когда нам предлагали еду, к которой мы не привыкли или которая вовсе была не знакома — в самолетах, в поездах или когда нас приглашали на ужин к кому-нибудь родом не из Айовы, — мы старались аккуратно разрезать блюдо и изучить со всех сторон, будто определяя, требуется ли его обезвредить. Однажды во время поездки в Сан-Франциско друзья повели отца в китайский ресторан, и после он описал нам этот визит мрачным тоном человека, побывавшего на волосок от смерти.

— И знаете, они едят палочками, — добавил он с видом знатока.

— Боже мой! — сказала моя мама.

— Я скорее предпочту заразиться анаэробной инфекцией, чем снова пройду через это, — мрачно заключил отец.

В нашем доме мы не ели:

— макароны, рис, сливочный сыр, сметану, чеснок, майонез, лук, солонину, бастурму, салями и любые импортные продукты, кроме французских гренок;

— хлеб, если он не был белым и не состоял по меньшей мере на 65 % из воздуха;

— любые специи, кроме соли, перца и кленового сиропа;

— рыбу, которая хоть как-то отличалась по форме от прямоугольной и не панированную ярко-оранжевыми сухарями, притом — только по пятницам и только когда моя мама вспоминала, что сегодня пятница, что случалось не так часто;

— супы, не одобренные семейством Кэмпбеллов, да и очень мало из тех, которые они одобряли;

— все то, что имело сомнительное местное название вроде «кукурузных лепешек» или «гибискуса», или еду, которая когда бы то ни было считалась основным продуктом питания рабов и крестьян.

Прочие виды еды — карри, энчиладас, тофу, бейглы, суши, кускус, йогурт, овощные супы, рокет-салат, ветчину «Парма», любой сыр, который не был ярко-желтым и достаточно блестящим, чтобы видеть в нем свое отражение — либо еще не изобрели, либо они были нам тогда неизвестны. В еде мы были не искушены. Помню, как я удивился, когда узнал, уже взрослым, что коктейль из морепродуктов — не алкогольный напиток, который подают в качестве аперитива и в котором плавают креветки.

Вся еда в нашем доме состояла из объедков. Мама как будто не уставала подавать нам пищу, которая уже побывала на столе, иногда много

раз подряд. Помимо скоропортящихся молочных продуктов, все в холодильнике было старше меня, иногда на несколько лет. (Самым древним продовольственным приобретением из всех, более или менее вне сомнений, был фруктовый торт, который хранился в металлической банке и был датирован колониальным периодом.) Могу предположить, что моя мама выполнила свой план по приготовлению пищи в 1940-х годах, а остаток жизни проводила радуя себя тем, что находила в недрах холодильника. Я никогда не видел, чтобы она выбрасывала еду. На практике если то, что хранилось в какой-либо емкости под крышкой, не вызывало омерзения и не заставляло испуганно пятиться, оно считалось съедобным.

Мои родители выросли во времена Великой депрессии, поэтому они ничего не выбрасывали, стараясь по возможности всему найти применение. Мама постоянно мыла и сушила бумажные тарелки и разглаживала фольгу, чтобы использовать ее снова. Если мы оставляли на тарелке недоеденный горошек, он становился частью завтрашнего обеда. Весь наш сахар был в маленьких пакетиках, вынесенных из ресторанов в глубоких карманах пальто, как и джемы, желе, крекеры (с устрицами и соленые), соус тар-тар, часть кетчупов и сливочного масла, все салфетки и даже пепельницы — на упаковках и донышках красовались названия закусовых и ресторанов. В жизни моих родителей наступил счастливый момент, когда в маленьких мерных пакетиках стали подавать кленовый сироп и они смогли добавить его к домашним запасам.

Под раковиной мама хранила огромную коллекцию банок, включая ту, которая носила название «пипи-банка». Этим термином в нашем доме обозначали процесс мочеиспускания, и за мои ранние годы пипи-банка использовалась всякий раз, когда необходимость выходить из дома совпадала с внезапной и несвоевременной нуждой кое-кого — а когда я говорю «кое-кого», то имею в виду, конечно же, самого младшего ребенка в семье — меня.

— Ну, сходи в пипи-баночку, — говорила мама с легким намеком на раздражение, беспокойно поглядывая на кухонные часы. Я нескоро понял, что пипи-банка часто — можно даже сказать, всегда — была вовсе не одной и той же. И если я и задумывался об этом, то, вероятнее всего, считал, что пипи-банку выбрасывали и заменяли новой; на самом же деле, как выяснилось, таких банок у нас скопились сотни.

Можете представить мой ужас, усугубленный нарастающим смятением, когда однажды вечером я полез в холодильник за второй порцией разрезанных персиков и понял, что все мы ели из банки, в которой всего пару дней назад была моя моча. Я узнал эту банку с первого взгляда,

потому что на ее этикетке имелась Z-образная полоска, которая необъяснимо напоминала знак Зорро, — этот факт я весело отметил, когда наполнял банку своим драгоценным телесным нектаром, но никто ко мне не прислушался. Теперь в этой банке хранился персиковый десерт! Пожалуй, я бы меньше удивился, подсунь мне кто-нибудь пачку фотографий с моей мамой в дезабилье, скажем, с ребятами с бензозаправки.

— Мам, — сказал я, войдя в столовую, и поднял свою находку, — это моя пипи-банка.

— Нет, дорогой, — мягко ответила мама, даже не повернувшись. — Пипи-банка — особенная.

— Что за пипи-банка? — спросил мой отец с некоторым удивлением, забрасывая в рот персик.

— Это банка, в которую я делаю пипи, — объяснил я. — И это она.

— Билли писает в банки? — спросил отец после паузы и не стал есть половинку персика, которую только что выловил, просто держал ее во рту.

— Только иногда, — уточнила мама.

Удивление моего отца сделалось почти абсолютным, однако во рту у него было столько непроглоченного персикового сока, что он не мог внятно говорить. Он спросил, полагаю, почему я не поднимаюсь в туалет, как нормальный человек. В данных обстоятельствах это был вполне резонный вопрос.

— Ну, иногда мы спешим, — продолжила мама несколько смущенно. — Поэтому я держу банку под раковиной.

Я снова сходил к холодильнику и притащил еще банок, столько, сколько смог унести.

— Я уверен, всеми этими я тоже пользовался, — объявил я.

— Это невозможно, — возразила мама, однако в конце ее фразы повис вопросительный знак. Потом она добавила, возможно, тем самым допуская свою вину: — В любом случае, я всегда все споласкиваю.

Мой отец вскочил, нагнулся над мусорным ведром и вывалил туда дольки персиков и около поллитра сока изо рта.

— Наверное, пипи-банки — не очень хорошая идея, — только и заметил он.

Так было покончено с пипи-банками, и все изменилось к лучшему, как зачастую и бывает. В результате стоило маме упомянуть, что в банке в холодильнике есть кое-что вкусное, как отец внезапно начинал уговаривать нас сходить в «Бишоп», кафе в центре города, лучшее из всех, какие когда-либо существовали.

Там все было божественно — еда, сдержанный декор, заботливые официантки в серой форме, которые ставили поднос на столик и с радостью приносили новую вилку, если вам не нравилась та, которую клали заранее. На каждом столике стояла небольшая, лампа, которую вы могли зажечь, если вам что-то требовалось, так что никогда не приходилось махать пробегающим мимо официанткам. Вы просто зажигали лампочку на своем личном маяке — и через мгновение подходила официантка, чтобы спросить, может ли она чем-то помочь. Разве не отличная идея?

В уборных «Бишопа» были единственные в мире атомные унитазы — по крайней мере, больше нигде я таких не видел. Когда вы нажимали на слив, сиденье автоматически поднималось и задвигалось в специальное углубление в стене, где подсвечивалось фиолетовым и подвергалось научно продвинутому гигиеническому процессу, а затем мягко опускалось, снова безукоризненно чистое, приятно теплое и источающее радиоактивную термолюминесценцию. Кто знает, сколько жителей Айовы погибло от необъяснимых случаев рака ягодиц с 1950 по 1960 год, но это стоило каждой сморщенной ягодицы. Мы часто приглашали приезжих знакомых в туалет «Бишопа», чтобы показать им атомные унитазы, и они все соглашались — это лучшее из всего, что они видели.

В Де-Мойне 1950-х годов почти все было лучшим в своем роде. У нас были самые мягкие, самые нежные банановые сливочные торты в «Тоддл-хаус», и мне говорили, что то же самое можно сказать о чизкейках в «Джонни энд Кей», однако моего отца слишком беспокоили качество и деньги, так что чаще он брал нас на аванпост хорошей кухни во «Флер драйв». У нас было самое жизнерадостное и вкусное мороженое неоновой цвета в «Ридз», месте освежающего изобилия возле плавательного бассейна «Эшуорт» (который, в свою очередь, был самым красивым и самым элегантным общественным бассейном в мире с самыми стройными и загорелыми спасателями женского пола) в Гринвуд-Парк (где были лучшие теннисные корты, самый ухоженный пруд, самые благообразные аллеи). Путь домой на машине из бассейна «Эшуорт» через Гринвуд-Парк, под воздушным навесом из зеленых крон, когда весь пахнешь хлоркой и знаешь, что скоро погрузишь лицо в три сладких шарика мороженого из «Ридз», был лучшим на свете развлечением для ребенка.

У нас была самая вкусная выпечка в булочной «У Барбары», самые мясные, самые липкие и жирные ребрышки и самый лучший жареный цыпленок с хрустящей корочкой в ресторане «Кантри джентельмен», лучшая готовая еда в ресторане для автомобилистов под названием «Джордж — король чили». (И самые громкие пускания ветров; бургеры с

чили в «Джордже» уходили за мгновение, однако газы, как говаривали, оставались навечно.) У нас были собственные универмаги, рестораны, магазины одежды, супермаркеты, аптеки, цветочные лавки, хозяйственные магазины, кинотеатры, киоски с гамбургерами, всего не перечислить — и все наилучшее в своем роде.

Ну кто, на самом деле, мог доказать, что они лучшие? Чтобы знать наверняка, требовалось посетить тысячи других городов и городков по всей стране, попробовать все мороженое и все шоколадные пироги и прочее, потому что каждое место тогда отличалось от остальных. Это был венец жизни, в которой еще не возникли толком транснациональные сети. Каждый городок был особенным, и нигде больше не было так, как там. Пусть торговые компании в Де-Мойне и не были лучшими, зато, по крайней мере, они были нашими. Как минимум, это делало их интересными и отличными от прочих. (А все же они были лучшими.)

«Далз», соседний супермаркет, отличался вдохновенным великолепием под названием «Кидди Корал». Это была уютная пристройка в стиле ковбойского загона, засыпанная комиксами, где мамочки могли оставлять своих детей, пока совершали покупки. В Америке 1950-х годов комиксы выпускались в огромном количестве — в одном только 1953 году издан миллиард комиксов, — и большинство из них оказывались в «Кидди Корал», просто переполненном комиксами. Чтобы зайти в «Кидди Корал», приходилось забираться под самую дверную балку, скатываться вниз и пробираться к центру. И было все равно, сколько времени мама ходит по магазинам, потому что перед тобой раскидывалось море комиксов. Думаю, некоторые дети там просто жили. Иногда, в поисках последнего выпуска «Резинового человека», можно было наткнуться на ребенка, спящего по шею в книжках или, может быть, просто с удовольствием вдыхающего прекрасный запах бумаги. Ни одна организация никогда не делала ничего столь же полезного для детей. Тот, кто придумал «Кидди Корал», сейчас наверняка в раю; я бы присудил ему Нобелевскую премию.

В «Далз» было и еще кое-что, чем все восхищались. Когда вы упаковывали (или, как было принято в Айове, вам упаковывали) и оплачивали свои покупки, вы передавали их дружелюбному человеку в белом фартуке, который вручал вам пластиковую карту с номером и клал покупки на специальный наклонный конвейер, который уносил их в недра земли через загадочный люк. Потом вы забирали свою машину и подъезжали к маленькому кирпичному зданию в сотне шагов от края парковки, где ваши покупки, хорошенько растрясшиеся и выглядевшие еще более свежими после подземного путешествия, снова появлялись через

одну-две минуты; другой человек в белом фартуке складывал их в вашу машину, забирал пластиковую карту и желал вам хорошего дня. Эта система была не слишком эффективной — если честно, у маленького кирпичного здания часто выстраивалась очередь из автомобилей, а поездка на транспортере по туннелю не шла продуктам на пользу, поскольку опасно будоражила все газированные напитки, — но все равно она всем нравилась, и люди восхищались.

В Де-Мойне в те дни все было так. Магазины отличались друг от друга, это и привлекало к ним покупателей. В центральном универмаге «Нью-Ютика» над каждой кассой возвышались пневматические трубы. Ваши деньги клали в цилиндр, который шумно выстреливал ими в трубу, как торпедой, в направлении центрального сборочного пункта; таким способом деньги подсчитывали и снова пускали в оборот. Визит в «Нью-Ютика» был сродни путешествию в будущее.

Во «Фрэнклз», магазине мужской одежды на центральной Локаст-стрит, была довольно большая лестница, ведущая в мезонин. Прогулка по этому мезонину сама по себе была невероятно приятным занятием, вроде прогулки по палубе корабля, но интереснее, потому что, вместо того чтобы пялиться на скучную воду, вы попадали в мир мужской торговли. Вы слышали разговоры и видели внизу макушки. Иными словами, шпионаж без малейшего риска. И вы не возражали, если ваш отец надолго пропадал, чтобы примерить пиджак, или был занят демонстрацией изометрических упражнений работникам магазина.

— Ничего страшного, — великодушно отзывались вы с высоты, — сделаю еще кружок.

Немало высоких удовольствий доставляло и торговое здание на Уолнат-стрит. Красивый старый бизнес-центр в семь или восемь этажей, с легким акцентом мавританской архитектуры, в холле на первом этаже вмещал любимую многими кофейню, над которой, до самого потолка, поднимался центральный атриум, а вокруг проходила лестница с многоярусными переходами. Мечтой любого мальчишки было пробежаться по этой лестнице до самого верха.

Чтобы добраться до лестницы, требовались ловкость и решительность, потому что приходилось пробираться мимо управляющей кофейней, злобной худощавой женщины с орлиным взором по имени миссис Масгроув, которая ненавидела маленьких мальчиков (на что у нее имелись веские причины). Но если выбрать подходящий момент, когда она отвлекалась на что-либо, можно было промчаться до лестницы и наверх, до темного и мрачного последнего этажа, откуда открывался вид на

крошечную кофейню внизу, подобно виду из оптического прицела. А если ты догадался прихватить с собой какие-нибудь твердые сладости — лучше всего орешки «Эм-энд-Эмс», благодаря их закругленной аэродинамической форме, — можно было наблюдать, как они падают. Смею вас заверить, эти орешки при падении с высоты семидесяти футов в тарелку с томатным супом создавали чертовски много брызг.

Всегда была всего одна попытка — если бомба попадала мимо цели и ударялась о стол, как бывало очень часто, она разлеталась на тысячи глазурных осколков, изумляя посетителей кафе, а воинственный клич миссис Масгроув, которая взлетала вверх по лестнице почти с той же скоростью, с которой «Эм-энд-эмс» падали вниз, давал тебе менее пяти секунд, чтобы выскочить через окно к пожарному выходу и оказаться на свободе.

Самым великолепным торговым заведением Де-Мойна был «Янкер бразерз», главный универмаг в центре города. «Янкер» был огромен. Он занимал два здания, разделенные на первом этаже общественной аллеей, что делало его единственным универмагом из всех, которые я знал, возможно, единственным в своем роде, где можно было выбиться из сил, пройдя отделы мужской одежды и косметики. У «Янкер» имелось еще одно здание, через улицу, известное как «Магазин для дома», с отделом мебели; туда можно было попасть через подземный переход под Эйт-стрит и через отдел постельного белья. Не имею ни малейшего представления почему, но бесконечно приятно было войти в «Янкер» с восточной стороны Эйт-стрит и, совершив покупки, вынырнуть через некоторое время с западной. Жители других штатов специально приезжали, чтобы прогуляться по переходу, появиться на другой стороне улицы и сказать: «Оп-па! Вот и я».

«Янкер» был самым элегантным, самым удобным для быстрого шопинга и приятно городским местом в Айове. В нем работали тысяча двести человек. В нем появились первые в штате эскалаторы — «электрические лестницы», как их называли поначалу, — и первые кондиционеры. Тихо и мягко вращающиеся двери, скользящие лестницы, шепчущие эскалаторы, каждый с собственным оператором в белых перчатках, — все, казалось, устроено так, чтобы затянуть вас внутрь и сделать счастливым, ведь покупки совершались с удовольствием. «Янкер» был настолько велик, что по нему можно было бродить вечно, и редко встречались люди, которые обходили его полностью. Книжный отдел находился на неприметном, плохо освещенном балконе, к которому вела небольшая лестница, что делало его уютным и похожим на клуб — место, известное только избранным. Это был потрясающий книжный отдел; но вы

можете встретить людей, которые выросли в Де-Мойне 1950-х годов и понятия не имели, что в «Янкер» имелся книжный отдел.

Однако святая святых была Чайная комната, место, куда мамочки, обожающие своих чад, брали дочерей, чтобы те прикоснулись к прекрасному во время шопинга. Ничто в Чайной комнате меня не интересовало до тех пор, пока я не узнал об одном ритуале, о котором вскользь упомянула моя сестра. Оказывается, маленьким посетителям предлагали подойти к деревянному ящику с подарками, каждый из которых был красиво завернут в белую салфетку и обвязан ленточкой, и выбрать один на память о визите. Однажды сестра отдала мне подарок, который она получила и который ей не очень понравился, — литую повозку с лошадьми, всего два с половиной дюйма в длину, поистине великолепная при ближайшем рассмотрении. Дверцы открывались. Колеса вертелись. Крошечный извозчик держал тонкие металлические вожжи. Ее явно раскрасил вручную какой-то усердный низкооплачиваемый работник с проигравшей стороны Тихого океана. Я никогда не видел ничего прекраснее, тем более у меня никогда раньше не было такой игрушки.

После этого я много лет уговаривал маму с сестрой взять меня с собой в Чайную комнату, а они уклончиво отвечали, что им больше не нравится Чайная комната или что надо сделать столько покупок, что нет никакой возможности пообедать в универмаге. (Только несколько лет спустя я узнал, что на самом деле они ходили туда каждую неделю; это один из тех женских секретов, которые мамы делят с дочерьми, вроде месячных или примерки бюстгалтеров.) Наконец наступил день — мне было восемь или девять лет, — когда мы с мамой пошли по магазинам в центре города. Сестры с нами не было, а мама вдруг спросила:

— Не зайти ли нам в Чайную комнату?

Не думаю, что когда-либо еще я с такой радостью принимал приглашение. Мы поднялись по эскалатору на этаж, о котором я даже не знал. Чайная комната оказалась самым красивым местом, в котором я когда-либо бывал, — будто парадную залу Букингемского дворца волшебным образом перенесли на Средний Запад Америки. Все в ней было чопорно, первоклассно — и тихо. Звучала тихая музыка благородной утонченности столовых приборов на фарфоре и осторожно наливаемой ледяной воды. Конечно же, мне было не до еды. Я только и ждал момента, когда меня пригласят подойти к игрушечному ящику и что-нибудь оттуда вытащить.

Когда заветный миг настал, я никак не мог решить, что выбрать. Каждый маленький белый сверток выглядел идеально, притягивал и манил.

Наконец я выбрал небольшой и не очень тяжелый подарок, который осмелился слегка потрясти. Внутри что-то забренчало, словно литая повозка. Я сел на стул и аккуратно развернул сверток. Маленькая кукла — индейский ребенок в заплечном мешке, очень красивая, но, несомненно, предназначенная для девочки. Я вернулся с подарком и упаковкой к умственно отсталому на вид парню, который отвечал за ящик с игрушками.

— Кажется, мне досталась кукла, — сказал я с горькой усмешкой.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Да уж, не повезло, приятель, в ящик с подарками разрешается забираться только один раз.

— Да, но это кукла, — настаивал я. — Для девчонки.

— Тогда найди себе маленькую подружку и подари куклу ей, — ответил он, одарил меня широкой ухмылкой на все тридцать два зуба и даже имел смелость неуместно подмигнуть.

К сожалению, это были последние слова, которые произнес в своей жизни этот бедняга. Через мгновение раздался сдавленный визг, и от парня осталось лишь тлеющее пятнышко на ковре.

Он слишком поздно усвоил важный урок. Никогда не смейтесь над Человеком-молнией.

Билл Брайсон не был в Америке почти двадцать лет —
а когда вернулся, то понял, что смотрит
на родную страну глазами иностранца:
многое странно, многое непривычно, а кое-что
кажется и вовсе нелепым. Впечатления «коренного иностранца»
от возвращения на родину составили целую книгу,
в которой есть все — от ностальгии,
обернувшейся тоской по унавоженной английской глубинке,
до искреннего восторга перед чудесами
американской техники, способными перевернуть мир
(если разобраться в инструкции).

"Забавный парень этот Брайсон".

Дж. Буш

"Счастлив, что живу в Британии, а не
в стране Дяди Сэма, где люди постоянно
падают с кроватей".

Стивен Спейд

"Возвращайся домой почаще, Билл".

International Herald Tribune

notes

Примечания

1

Имеется в виду строчка из песни «Люси в облаках с алмазами»: «The girl with kaleidoscope eyes» — «Девушка с глазами как калейдоскоп».

Милтон-Кейнс — город, расположенный в 95 километрах от Лондона и известный своими бетонными скульптурами коров.

3

Британский писатель, режиссер, бывший член консервативной партии.

4

Официальный развлекательный сайт Би-би-си.

Унабомбер — кличка, присвоенная ФБР террористу Теодору Качиньскому, рассылавшему бомбы собственного изготовления по почте в университеты и офисы авиакомпаний (от Universities and Airlines BOMBings — «взрывы в университетах и офисах авиалиний», кодовое обозначение дела).

6

Персонаж комедийного телесериала 1960-х годов, говорящая лошадь.

Так поступали большинство американцев. Ведущий кулинарный авторитет той эпохи Дуглас Хайнс, автор чрезвычайно успешной книги «Приключения едока», сам питался весьма избирательно и с гордостью заявлял, что не ест блюда с французскими названиями, если может того избежать. Также он хвалился, что не покидал Америку, пока ему не исполнилось семьдесят. В этом возрасте он отправился в Европу — и остался разочарован, прежде всего едой. — Примеч. автора.